

Ерофей Трофимов

ОДИНОЧКА ЧЕСТЬ И КРОВЬ

Жизнь сильнее смерти

Честь и кровь

Кровавая вира

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Ерофей Трофимов

**Одиночка. Честь и кровь:
Жизнь сильнее смерти. Честь
и кровь. Кровавая вира**

«Издательство АСТ»

2022, 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Одиночка. Честь и кровь: Жизнь сильнее смерти. Честь и кровь.
Кровавая вира / Е. Трофимов — «Издательство АСТ», 2022,
2023 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-157680-6

На первый взгляд дела вроде бы идут нормально, но чутье не дает покоя, и Елисей снова ввязывается в противостояние государственных разведок. Но на этот раз простого исполнителя решают убрать или ударить так, чтобы навсегда лишить его желания вмешиваться в чужие дела. А значит, ему придется отложить всё и объявить кровную месть... Даже имея дворянство и титул, ты еще не являешься дворянином. Именно к этой мысли регулярно подталкивали Елисея. Но ему не важны все эти условности. Свою месть он еще не закончил, а значит, пришло время отправиться туда, где засели главные его враги...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-157680-6

© Трофимов Е., 2022, 2023
© Издательство АСТ, 2022, 2023

Содержание

Жизнь сильнее смерти	6
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Ерофей Трофимов
Одиночка. Честь и кровь: Жизнь сильнее
смерти. Честь и кровь. Кровавая вира

© Ерофей Трофимов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Жизнь сильнее смерти

Очнулся он сразу, словно рывком. Проморгавшись и окончательно придя в себя, Елисей быстро осмотрелся и, убедившись, что находится в комнате, которую выделил ему для постоя Изя, попытался сесть и тут же едва не взвыл от боли в боку.

– Твою же мать! – еле слышно прошипел он, задирая нательную рубаху. – Что же мне так на этот бок не везет? В который раз уже. Так, вроде ничего особо опасного, – ворчал парень, осматривая повязку и осторожно касаясь пальцами ноющего места. – Пуля вошла чуть выше пояса. Если вспомнить, что я начал откатываться и в этот момент словил подарочек, ранение должно быть сквозным.

Вывернув правую руку за спину, парень все так же осторожно принялся ощупывать себя сзади и снова едва не взвыл от боли. Судя по ощущениям, его догадка была правильной. Пуля вошла в бок над тазовыми костями и вышла из спины, вырвав солидный клочок кожи.

«Похоже, я потому и сознание потерял. Кровь хлестала небось, как из крана», – мрачно хмыкнул парень и сделал осторожную попытку подняться.

Голова тут же закружилась, а к горлу подкатила тошнота. Ухватившись рукой за спинку кровати, Елисей переждал приступ слабости и, проморгавшись, сделал осторожный шаг к двери. Но тут, словно услышав его шебуршания, широко распахнув двери, и в комнату ввалился сам хозяин дома Изя, увидев стоящего посреди комнаты парня, испуганно охнул и, в два шага подскочив к нему, одним быстрым движением подхватил его на руки.

– Изя, ты меня со своей Сусанной не попутал? – не удержавшись, тут же поддел приятеля Елисей. – Поставь, где взял.

– Ты чего вскочил, заполошный? – прогудел гигант, останавливаясь перед кроватью.

– До ветру приперлю. Да поставь ты меня, бугай дурной, – возмутился парень.

– Так вон, горшок под кроватью стоит, – не сдавался Изя, продолжая держать друга на руках с таким видом, словно тот весил не больше собственного карабина.

– Изя, ну ты хоть раз бы попробовал головой подумать, – вздохнул Елисей. – Одно дело, когда я без сознания валяюсь, и совсем другое, когда в себя пришел. Поставь на место, сказал, – рыкнул он, взмахнув правой рукой. Шевелить левой конечностью он пока опасался.

Мрачно вздохнув, гигант покачал кудлатой головой и, аккуратно, словно хрустальную вазу, опуская парня на ноги, проворчал:

– Ну вот что с тобой делать, а?

– Ничего не делать, приятель. Просто слушай, что скажу, и помогай. Уж поверь, сам себе я меньше всего проблем хочу.

– Так не хочешь, что умудрился чуть не посреди города пулю словить, – фыркнул гигант, осторожно придерживая покачнувшегося Елисея за плечи.

– Ой, не скажи, дружище, – грустно усмехнулся парень. – Не повезет, и на дохлой рыбине триппер словишь, – отозвался он поговоркой из своей прошлой, точнее будущей жизни, снова направляясь к дверям.

С этим вопросом Елисей так толком и не разобрался. На первый взгляд, он вроде как оказался в прошлом, и его прошлая жизнь осталась в будущем. Но эта жизнь была его прошлым, а теперь, проживая жизнь в новом теле, ему вроде как предстоит создать себе новое будущее. В общем, в этом вопросе, по выражению самого же парня, и ящик спиртного не поможет разобраться.

Выбравшись во двор, Елисей осторожно проковылял к «скворечнику» и, прикрыв за собой дверь, с облегчением вздохнул. Выбравшись на улицу, Елисей под присмотром Изи добрался до колодца и, умывшись, вскинул мокрое лицо к небу, блаженно жмурясь, словно сытый кот.

– Ты чего? – насторожился гигант.

– Знаешь, друже, только вот в такие минуты, пройдя по самому краю, всерьез понимаешь, как же хорошо жить, – вздохнул парень, чуть улыбнувшись. – Как я тут оказался?

– Так привезли, – развел Изя руками. – Солдаты на телеге. Унтер ихний все вокруг прыгал, спрашивал, что нужно.

– М-да, дурная история получилась, – задумчиво хмыкнул Елисей.

– Ты лучше скажи, как так случилось, что стреляли в тебя рядом с домом, а нашелся ты аж в торговых кварталах? – потребовал гигант.

– Да тут все просто, – отмахнулся парень. – Купец один нанял каких-то каторжников, чтобы те меня в переулке пристрелили. Да только не вышло у них. Понимаешь, друже, стрелять уметь надо. Это тебе не заточкой на пересылке лоха ткнуть.

– Кого? – не понял Изя.

– Ну, лопуха по-простому, – быстренько выкрутился Елисей. – Стрельба дело такое, что ежели промахнулся, то можно и самому в ответ свинцовый подарочек получить. В общем, так и вышло. Я их успел приметить раньше, чем они сообразили, что стрелять надо. В общем, завертелось. Я одного тяжко подранил, а второму только руку зацепил, но крепко. Те бежать кинулись, а я следом. Сам понимаешь, в такой ситуации их отпускать глупо было бы. В общем, у лабазов и догнал. А кто солдат вызвал?

– Я, – помолчав, нехотя признался Изя. – Едва ты со двора вышел, а тут стрельба. Ну, я и скумекал, что это по тебе палят. Подхватился и сам в штаб побежал. А там, кроме дежурного офицера, и нет никого. Я ему про контрразведчика рассказал, тот за голову схватился и дежурный взвод в ружье поднял. Кинулись туда, где стрельба была, а там уже полиция суетится. Среди солдат бывший охотник нашелся. Он по следам взвод и повел. А дальше не знаю. Меня с того переулка сразу домой отправили, – закончил он, еще больше смутившись.

– Ну и правильно сделали, – кивнул Елисей, хлопнув его по плечу. – Ты, Изя, мастер, а не солдат, и башку под пули подставлять не твое.

– А как же другу помочь? – буркнул бугай, обиженно глядя на парня.

– А ты что сделал? – удивленно поинтересовался Елисей. – В штаб кто бегал? Дежурного кто всполошил? Нет, друже, все правильно. Помощь вызвал, и в сторону. И сам цел, и мне есть где шкуру залатать. К слову, долго я без сознания валялся?

– Почитай сутки, – вздохнул гигант.

– Погоди, хочешь сказать, что все это время ты рядом со мной сидел? – вдруг сообразил Елисей, рассмотрев его припухшие от бессонницы веки и красные глаза.

– Ну, а чего? – краснея словно девица, пожал могучими плечами гигант. – Все одно больше-то некому.

– Ох, брат, прости, – извинился Елисей дрогнувшим голосом. – Вот уж не думал, что так оно все выйдет.

– Да господь с тобой, – вскинулся Изя. – Ты же друг мне. Как иначе-то было? В дом пошли. Скоро доктор придет, тебя смотреть. Контрразведчик и тот, второй, не знаю уж, кем он там приходится, сюда приезжали и доктора с собой привезли. Ох, и звери, скажу я тебе, – с жаром рассказывал гигант, помогая парню подняться на крыльцо. – Я так понял, доктора того они прямо из больницы сюда привезли. Тот им слово, а они ему сразу каторгой грозить. Тот аж в лице переменялся. Умеют господа страху нагнать.

– Да уж, брат. С контрразведкой шутки плохи, – понимающе усмехнулся парень. – А сами те господа когда приехать собирались, не сказали?

– Контрразведчик обещал человека своего прислать.

– Как придет, сразу ко мне его води, – тут же принялся инструктировать его Елисей. – Все, что надо, я ему сам скажу. А ежели усну, буди. Дело серьезное, Изя.

– Так вроде же кончилось все, – не понял ювелир.

– Не все еще, – качнул парень чубом. – Посыльный тот, что меня в штаб вызвал, очень точно всех назвал. А это значит, что кто-то в окружении нашего полковника нужную бандитам информацию слил.

– Чего слил? – снова не понял гигант.

– Информацию. Знания по-нашему.

– Так бы сразу и говорил.

– Прости, друже. Это я по привычке. Полковник такие вещи нутром чувствует. Я потому и не хочу тебя с Митричем в такие дела вмешивать. У вас ни знаний, ни умений нужных нет. А главное, опасно это. А у вас семьи. Вся беда, друже, что эти твари ни перед чем не останавливаются. Ежели им надо будет, и детей под нож пустят.

– Вот уж и вправду твари, – мрачно прошипел гигант. – Добре, все сделаю. Только как же ты теперь обратно-то поедешь? Тебе лежать надо, а не в телеге трястись.

– Справлюсь, – чуть скривившись, отмахнулся Елисей.

За разговором они добрались до его комнаты, и парень, скинув поршни, осторожно улегся на кровать.

– Принести чего? – участливо спросил Изя, глядя, как он морщится, укладываясь.

– Перекусить бы чего малость да чаю попить, – прислушавшись к себе, попросил Елисей извиняющимся тоном.

– Сей момент все будет, – радостно закивал Изя, вываливаясь из комнаты.

Принеся парню миску кавказской окрошки с большим куском хлеба, гигант снова выскочил и вернулся со стаканом чая, который было едва заметно в его громадной ладони. Изящный армуды, грушевидный стаканчик, на сто тридцать граммов жидкости появился в доме ювелиров после начала тесного общения с ними парня. Дедушка Изя, вспомнив, что парень местный, решил таким образом сделать ему приятное, закупив полдюжины таких стаканчиков.

* * *

– Не знаю, что с тобой и делать теперь, – иронично усмехнулся полковник, доставая из портсигара очередную папиросу. – То ли просить тебе очередной награды, а то ли прятать так, чтоб ни одна собака не нашла.

– С чего бы вдруг? – удивился Елисей, прихлебывая чай. – Это чего я такого сделал, что меня вдруг прятать надо?

– Чего сделал? – пряча усмешку, переспросил контрразведчик. – А сделал ты, голубчик, вот что. Ты в одиночку умудрился целую банду фальшивомонетчиков обезглавить. Тот мужик, которого ты решил на свое несчастье живым взять, и есть тот самый купец Молхнадзе, из-за которого у князя Буачидзе возникло столько проблем. И которого люди князя сейчас в столице караулят.

– Это с чего вдруг на несчастье? – не понял Елисей. – Вы же сами сказали, он фальшивомонетчик, а значит, место его на каторге. Так в чем беда?

– В том, что купец этот самый настоящий миллионщик и спокойно может нанять себе целую свору адвокатов. Представляешь, что они с тобой в суде сделают?

– А с чего это вдруг я в суд поеду? – ехидно усмехнулся парень. – Я лишь приказ исполнял. А зачем, почему, меня не касается.

– Угу, для адвокатов, может, и сгодится, а вот для самого купца нет, – качнул контрразведчик головой. – Не забывай, голубчик, что купец тот человек весьма упрямый и злопамятный. И неприятностей тебе он устроить может множество. А ежели вспомнить, что в столице у него влиятельных друзей, словно собак нерезаных, то, сам понимаешь, дело может получиться нештучное.

– Господь с вами, Александр Савич, – зло усмехнулся Елисей. – Пока тут суд да дело, пока он будет грехи свои деньгами замазывать, я отлежаться успею. А потом – добро пожаловать в крепость. Уж там-то я ему и его присным быстро покажу, с какого конца репу едят. Да и кого он нанять может? Каторжников? Так они мне не противники.

– Не задирайся, – осадил его полковник, чуть покривившись. – Ты вон с бандой сцепился, и едва живой ушел. А представь, ежели их будет человек десять?

– В лесу управлюсь. А то, что случилось, можно сказать, цепь случайностей, – мрачно скривился Елисей. – Не ожидал, что наличник над воротами гнилым окажется. С того все и началось.

– Какой наличник? При чем тут наличник? – растерялся полковник. – Ну-ка, давай по порядку все рассказывай, – потребовал он, со злостью гася окурки в пепельнице.

Вздыхнув, Елисей принялся пересказывать события того дурацкого утра. Внимательно выслушав его повествование, полковник покачал головой и, вздохнув, мрачно проворчал:

– Да, это соответствует тому, что нам удалось узнать из допроса. Я только одного не пойму. Почему ты поверил тому солдату?

– Вы же сами сказали: солдату, – развел парень руками. – Город не крепость. Это там я всех посыльных, да что посыльных, весь личный состав гарнизона в лицо знаю. А тут... – Елисей мрачно махнул рукой. – Тем более что он назвался посыльным от вас.

– И что? – снова не понял полковник.

– Ну, где я живу, знали в штабе только вы и ваши люди. Операцию по изыманию фальшивомонетчиков проводите вы, и в ходе ее вам в любой момент могли потребоваться мои умения. На том эти подонки и сыграли. Получается, кто-то им много всякого про нас с вами рассказал.

– Понимаешь, Елисей. Все мои люди, которых я привлек к этой операции, служат под моим началом очень давно, и каждому из них я верю, как самому себе. А теперь получается, что кто-то из них продал?

– А разве так не бывает? – вздохнул парень.

– Не в этот раз, друг мой, – помолчав, тихо ответил полковник. – Я этих людей под себя подбирал. По одному. Так что в верности их я более чем уверен. Думай, парень. Думай. Кто еще из сторонних знал, что ты у ювелиров живешь?

– В полицейском участке знают, – подумав, решительно ответил парень, вспомнив одну старую историю.

– Ладно. Посмотрим, кто там такой болтливый, – зловеще пообещал полковник.

– Александр Савич, а что вам узнать удалось? Это купец фальшивку возил?

– Сам он от всего отказывается, – вздохнул контрразведчик. – Признаться, я и сам мало что знаю. Там сейчас Николай Кузьмич командовать изволят. Я только то знаю, что господин Морозов мне рассказывает.

– Ну, хоть что-то, – развел Елисей руками.

– В общем, каторжников тех, что на тебя засаду устроили, купец аж из города Иркутка привез. Специально для подобных дел держал. Мужик, на которого ты словно с неба свалился, у него что-то навроде личного секретаря по щекотливым вопросам был. Он теми каторжниками и командовал. А тот, который в тебя стрелял, немой. Личным палачом при купце был.

– Что, и вправду немой был? – удивился Елисей.

– Угу, – коротко кивнул полковник. – От рождения нем. Но силен, как бык, и жесток сверх всякой меры. За купца любого готов был на клочки порвать. Но более всего любил живого человека ножами пластать.

– Потому и промахнулся, когда стрелял, – понимающе кивнул Елисей.

– Промахнулся?! – изумился полковник. – А кому из бока клочок кожи вырвало такой, что кулак просунуть можно?

– Потому и говорю, что промахнулся. Ежели бы попал, уже бы схоронили, – усмехнулся Елисей. – Я только одного не пойму. С чего купец решил меня крайним за все назначить?

– Смеешься? – удивился контрразведчик. – А кто ему все карты в истории с княжной спутал? Кто нам с Морозовым помог в том лабазе фальшивое серебро найти? Он еще спрашивает, с чего купцу злиться.

– Ну, согласен, – нехотя признал парень. – Но ведь это глупо. Человек, способный построить, можно сказать, собственную маленькую империю, прежде всего, должен уметь держать себя в руках. А тут? Бросать все и ехать сюда из столицы, только чтобы отомстить. Зачем было так раскрываться?

– А кто сказал, что он раскрылся? – фыркнул контрразведчик. – Умный, тварь. То, что он из столицы уехал, ни одна душа не знает. Он больным сказался и велел никого в дом к себе не пускать. Мол, непонятно, чем заболел. А сам сюда понесся, когда узнал, что история с фальшивками всплыла. Ну а уж тут, когда выяснил, что твоя роль в этом деле почитай главнейшая, вспылил сильно, на чем и погорел.

– Странно как-то все, – подумав, проворчал Елисей. – Неправильно.

– Что именно неправильно? – моментально отреагировал полковник.

– Не станет человек, который верховодит в деле с фальшивым серебром, давать так волю чувствам. Слишком многое на карту поставлено. Тем более что я уверен, что все это не его личная затея.

– А чья же тогда? – тут же последовал вопрос.

– Британцы. Их это стиль, – упрямо повторил парень.

– Про стиль согласен, но как это доказать? Сам понимаешь, наши с тобой умствования к делу не пришьешь. Тут факты нужны. Доказательства. А где они?

– А их не здесь искать надо, – подумав, решительно заявил парень. – За фактами и доказательствами нужно в Тифлис ехать. Туда в первую голову товар привозят. А главный в этом деле в столице сидит. Оттуда за ниточки дергает.

– Как у тебя все просто, – фыркнул полковник. – Посидел, подумал, ткнул пальцем, и все. А доказать сказанное можешь?

– Так я при таком раскладе могу вообще ни во что не влезать, – усмехнулся парень. – Мое дело телячье, обгадился и стой. А думать пусть начальство думает. Оно за это чины да жалованье получает.

– Ты полегче, – рассердился полковник. – Я ведь не просто так тебе вопросы задаю.

– Александр Савич, ну не знаю я, как это все доказать, – развел Елисей руками. – Не учили меня такому. Но если подумать, то все так и получается. Вот сами смотрите. Купец этот человек весьма богатый. А теперь скажите, кто у нас в стране только честной торговлей может такие деньги быстро заработать? Ведь вы ни разу не сказали, что, к примеру, папаша его дела так ловко вел, что сыну капитал солидный оставил. Так?

– Так. Про капиталы ничего не известно.

– Вот! Ну, а далее станем просто рассуждать. Вдруг, за короткое время, у человека начали появляться серьезные деньги. Откуда? Торговлей добыл? Так вам любой купец сразу скажет, что честной торговлей такие деньги быстро не добудешь. А самое главное, у любого купца деньги, прежде всего в товар вложены. Ему не золото на руках нужно, а именно товар. А тут и лабазы по всем крупным городам имеются, и товар возит, и дом в Тифлисе, и дом в столице. Откуда дровишки?

– Какие дровишки? – вздрогнул полковник, вырвавшись из логической цепочки, построенной парнем.

– Это я про деньги, – отмахнулся Елисей. – Вот и выходит, что зарабатывал он совсем не так честно, как хочет всем показать. Наверняка тут и контрабанда, и торговля запрещенным к обороту товаром. К слову, а чем в империи торговать запрещено?

– Товарами, на которые особое разрешение требуется. К примеру, тот же опиум, только врачам да аптекарям привозить дозволяется. Для аптечной торговли. Золото в самородках и песке тоже из оборота изымается, – принялся перечислять контрразведчик.

– Вот! – снова вскинул указательный палец Елисей. – А ежели провозить этот товар беспошлинно, то и навар с него солидный. Думаю, на этом его и прихватили. Когда за границу что-то незаконное привез. Так и пошло. Туда обычный товар, а оттуда серебро фальшивое. А за перевозку все за то серебро вырученное ему идет.

– Все разложил, – удивленно хмыкнул полковник. – Так-то, на первый взгляд, все выходит верно. Но вопрос остается все тем же. Как это доказать?

– А вот тут вам и карты в руки, – ехидно усмехнулся Елисей. – Мне за границей делать нечего. Языкам, простите, не обучен, – закончил он, припомнив фразу из старого фильма.

– Ладно, Елисей. Пора мне, – вздохнув, поднялся контрразведчик. – Хотя, должен признать, пищи для размышлений ты мне подкинул немало. Похоже, нам с господином Морозовым придется и далее наше сотрудничество продолжить.

– Ну, для вашей службы тут выгоды будет гораздо больше, – пожал парень плечами.

– Ну-ка, объясни, – тут же потребовал контрразведчик.

– Александр Савич, ну чего вы меня на всякой ерунде ловите? – возмутился Елисей. – Тут и последнему дураку понятно: хочешь проверить человека – ищи его деньги. Смотри, сколько зарабатывает, сколько тратит, сколько его дом стоит. А лучше казначейства такие вещи никто проверить не может. Им любую проверку купеческой бухгалтерии устроить, как воды попить. Они проверяют, а вы следите, чем в тот момент проверяемый занимается и как себя ведет. Наука-то нехитрая.

– М-да, и кто же тебя такому выучить успел? – задумчиво проворчал полковник, рассматривая парня непонятым взглядом, словно хотел проникнуть в самые его потайные мысли.

Этот вопрос уже начал Елисея серьезно напрягать. Так что, мрачно вздохнув, парень молча развел руками, всем своим видом показывая, что очень удручен. Чуть слышно хмыкнув, полковник покачал головой и, попросившись, вышел. Елисей, переведя дух, в который уже раз обозвал себя болваном и, осторожно потеряв раненый бок, еле слышно застонал.

«Опять увлекся, идиот, – костерил самого себя парень, прокручивая мозгу весь разговор. – Блин, как же задолбали меня эти гормональные закидоны. Стоит только чуть расслабиться, и тут же язык начинает быстрее мысли работать».

Осторожно поднявшись, он прошелся по комнате и, остановившись у окна, устало вздохнул. У него все еще многое не вязалось во всем этом деле. С одной стороны, вроде бы с этой засадой все понятно. Купец, узнав, где живет человек, разрушивший все его планы, воспылал жадной мести и прислал команду ликвидаторов. То, что ликвидаторы эти облажались, можно сказать, не его вина. Вроде на первый взгляд все логично.

Но не вязались у Елисея такие понятия, как мстительность и торговля фальшивым серебром. Такое дело требует большой скрытности. Ведь наказание за это преступление – пожизненная каторга. И шутить тут никто не будет. Был и еще один скользкий момент. Способ доставки в город уже готового товара. В том, что фальшивки идут через границу, Елисей не сомневался. А вот развоз их по городам империи был слишком уж простым. Сопряженным со множеством случайностей, от простого разбоя на дороге до болтливости языка какого-нибудь слуги.

* * *

Спустя пять дней после того, как очнулся, Елисей принялся собираться в дорогу. Интересы империи и ранения, это все интересно и весело, а дома его ждали дела. Да и с раной бабка Радмила разберется быстрее, чем все местные эскулапы. Уж что-что, а штопать раненых ей приходилось больше, чем всем этим докторам, вместе взятым. Увидев его сборы, Изя взвился,

словно в пятую точку шилом ткнули, но, отлично зная характер приятеля, только удрученно махнул рукой, глухо проворчав:

– Помрешь в дороге, лучше больше не приезжай.

– Не дождешься, – усмехнулся в ответ парень и, хлопнув его по плечу, пообещал: – Мы с тобой, друже, еще не все мои задумки сделали. Так что жди. Чертежи буду письмами отправлять.

– Добре, – вздохнул гигант, сдаваясь. – Ты хоть каравана какого дождись. Все не одному ехать. А то у тебя и кровников и просто врагов хватает.

– Карабин, револьверы, ножи, кинжалы – просто так меня не возьмешь, – пожал плечами парень.

Изя помог ему загрузить все закупленное в повозки и запрячь коней. Выведя свой выезд на улицу, Елисей попрощался и, усевшись на козлы, тряхнул поводьями. Буян, словно чувствуя состояние хозяина, навалился на постромки и покатил повозку неспешной рысью. Закутавшись в бурку, Елисей положил на колени карабин и направил выезд в сторону заставы.

Молодой подпоручик, быстро осмотрев его груз, жестом приказал солдатам поднять шлагбаум, когда сзади лихо подкатила карета, запряженная парой ухоженных гнедых. Елисей тряхнул поводьями и тут же принялся отводить повозки к краю дороги. Уж больно вид у кучера кареты был недовольным. Его выезд откатился в сторону, освобождая проезд, и кучер кареты, щелкнув кнутом, заставил пару взять с места в галоп.

Проезжая мимо повозки парня, кучер зло оскалился и, размахнувшись, попытался огреть его кнутом, но Елисей, ожидая чего-то подобного, успел пригнуться, пропуская кожаный ремень над головой. Кучер, сообразив, что промахнулся, встал на козлах в полный рост, придерживая коней, и попытался повторить удар. Вот тут Елисей окончательно рассердился и, удерживая карабин левой рукой, выхватил из кобуры револьвер.

Грохнул выстрел, и в кулаке холопа остался только огрызок кнутовища. С усмешкой наблюдавший за этим действием подпоручик только растерянно охнул, когда понял, что произошло. Кучер, моментально сблестнув с лица, плюхнулся на козлы и с силой тряхнул поводьями, погоняя коней. Проводив карету взглядом, Елисей положил карабин на колени и принялся перезаряжать револьвер.

– Ты что творишь?! – подскочил к нему подпоручик. – Ты хоть понимаешь, на кого оружие поднял?

– А мне плевать, – презрительно усмехнулся парень. – Я казак вольный, всяким графьям кланяться не собираюсь. А чтоб ты знал, твое благородие, я теперь и сам дворянское достоинство имею.

– Да ты думай, чего несешь! – возмутился подпоручик.

– А ты сходи в штаб и у полковника Тимофеева спроси, кто такой Елисей Кречет. Много нового о себе узнаешь, – рассмеялся Елисей и, тряхнув поводьями, вывел повозки на дорогу.

– Полковник Тимофеев? Это который из контрразведки, что ли? – растерянно спросил подпоручик, глядя в спину уезжающему парню.

– Он самый, ваше благородие, – вздохнул подошедший к нему унтер. – Я, осмелюсь доложить, этого казачка знаю. Он и вправду с полковником на короткой ноге. Сам видел.

– Он что, и вправду дворянин? – окончательно растерялся подпоручик.

– Насчет этого не скажу, ваше благородие, а полковник к нему благоволит. Это точно, – снова вздохнул унтер.

– Ну и черт с ними. Пусть сами промеж себя разбираются, – сплюнул молодой офицер и, развернувшись, вернулся на заставу.

Елисей же, хоть и расслышал вопрос подпоручика, только усмехнулся, с удовольствием вдыхая свежий лесной воздух. Даже этот неприятный инцидент не испортил ему хорошего

настроения. Наконец-то все сложности закончились и можно вернуться домой, чтобы заняться своими делами. На данном этапе жизни его больше всего интересовала его школа.

Дед Святослав был прав, когда говорил, что его задумка может стать чем-то вроде хранилища воинских искусств, которыми владеют только казаки. И именно на это парень решил делать упор. Обучать мальчишек всему только самому – неправильно. Среди местных есть умельцы, способные на лету пьяному комару яйца срубить. Вот такие мастера ему и нужны. А как конечный этап уже сам Елисей. Тот, кто поможет мальчикам систематизировать эти знания и научит применять их на практике. В нужное время и в нужном месте. С этими мыслями парень поправил бурку и, тряхнув поводьями, осмотрелся. На этом тракте, даже рядом с городом, нельзя расслабляться. Убедившись, что вокруг все спокойно, он поправил карабин на коленях и снова вернулся к своим размышлениям.

Часа через два, миновав очередной поворот, парень вдруг насторожился и натянул поводья. Впереди, за кустами, раздавались чьи-то голоса, ругань и ржание коней. Удивленно хмыкнув, Елисей встал и, внимательно осмотревшись, недоуменно пожал плечами. Драки там явно не было. Не было выстрелов, звона клинков и ярости, которая обычно сопровождает любую схватку.

Снова достав револьвер, Елисей намотал поводья на поручень сиденья и, тряхнув ими, направил Буяна вперед. Метров через сорок, увидев, что именно произошло, парень только удивленно охнул и, покачав головой, в голос проворчал:

– Вот уж точно – бог шельму метит.

В кустах, завалившись набок, лежала та самая карета, которую он пропустил на заставе. Кучер, матерясь так, что вокруг трава жухла, тянул коней под уздцы, пытаясь вытянуть карету из кустов, при этом нахлестывая их обычным ремнем.

– Хватит над животиной издеваться, – не выдержав, рявкнул Елисей. – Не вытянут они.

– Тебя не спросил, – огрызнулся кучер и, оставив в покое коней, добавил, разворачиваясь к парню всем телом: – Выпрягай своего. Втроем вытянут, – но наткнувшись взглядом на срез ствола, замер, рассмотрев, кто именно перед ним. – Т-ты это, казачок, оружие-то приberi, – чуть заикаясь, посоветовал кучер. – Тут воевать не с кем. Помоги лучше карету вытянуть.

– Ты ее туда загнал, тебе и вытягивать, – равнодушно усмехнулся парень. – А у меня и своих дел хватает.

– Да ты хоть понимаешь, голь перекатная, чья это карета?! – зарычал кучер, делая шаг вперед, но тут же отступая обратно, увидев, как ствол револьвера чуть качнулся.

– А мне плевать, – презрительно скривился парень. – Ты, скотина, людей за людей не считаешь, а я тебе помогать должен? Да сдохни ты тут, я пальцем не шевельну, шваль.

– Да я тебя...

– Ну, давай. Дай мне повод башку тебе снести, – зарычал Елисей, чувствуя, что начинает свирепеть. – Твое счастье, паскуда, что я еще от раны не оправился. Нагайкой бы отходил так, что на всю свою поганую жизнь бы запомнил.

– Извините, – вдруг послышался из кареты женский голос. – Сударь, я бы попросила вас не убивать этого болвана, потому как иного кучера у меня просто нет.

– Вы бы, сударыня, вышли из кареты. Не ровен час, кусты подлomiaтся, и она окончательно на бок ляжет. Греха не оберетесь, – посоветовал Елисей, удивленно разглядывая карету.

Кучер, сообразив, что парень прав, развернулся и поспешил к дверце, обращенной к дороге. Как он умудрился загнать свой транспорт на обочину, Елисей так и не понял, но карета, оказавшись правой частью за полотном дороги, съехала в кювет и легла на кусты. От переворота пассажиров спасло только то, что кювет тут был весьма условным. Скорее, канавка, глубиной чуть выше щиколотки.

Распахнув дверцу, кучер принялся вынимать багаж, а после на руках снес на землю женщину лет тридцати. По виду и одежде явно дворянку из богатой семьи. Заметив на ней оже-

релье с зелеными камнями и жемчужные серьги, Елисей только головой покачал. Женщина, заметив его взгляд, поправила платье и, гордо выпрямившись, шагнула к повозке.

– Что вас так удивляет, молодой человек? – спросила она, с вызовом глядя на парня.

– Ваша глупость, сударыня, – не удержавшись, фыркнул Елисей.

– Что?! Да как вы смеете?! – вспыхнула дама, возмущенно притопнув ножкой.

– Как видите, смею, – усмехнулся Елисей. – Как думаете, что с вами станется, ежели горцы всю эту красоту увидят? – поинтересовался, указывая стволом револьвера на ожерелье. – Да и сами вы весьма лакомая добыча. И как после этого к вам относиться?

Дама невольно коснулась шеи рукой и растерянно покосилась на мрачно насупившегося кучера, который только и мог, что бессильно сжимать кулаки.

– Вы считаете, что мне нужно было одеться словно бродяжке? – нашлась наконец дамочка.

– Ну почему же сразу бродяжке, – усмехнулся Елисей. – Просто украшения свои надо было в багаж положить, а платье попроще надеть. И не такое открытое, – добавил он, ткнув стволом в ее декольте. – Оно, конечно, красиво, но в карете кроме вас на красоту эту любоваться некому.

– Вы, сударь, несносны, – фыркнула дамочка, заметно покраснев.

– Вам бы, сударыня, прежде чем в дорогу пускаться, надо было со знающими людьми поговорить. В том же Пятигорске любой офицер, здесь долго прослуживший, все это вам быстро бы объяснил. Уж поверьте, в этих краях и за меньший куш людей воровали.

– Вы меня специально пугаете? – окончательно растерявшись, поинтересовалась дамочка, зябко передернув точеными плечами.

– Я вам, сударыня, правду говорю, – вздохнул Елисей. – И еще. Кучер ваш, сударыня, дурак набитый. За тот случай, когда он хотел меня, казака, кнутом огреть, ему бы башку снесли сразу, без разговоров. Это вам не поместье ваше, где холопы будут только слезы лить да кланяться. Тут за такие дела глотки режут. Твое счастье, упырь, что промазал, – закончил Елисей, поворачиваясь к кучеру.

– Это у вас тут шуточки такие? – помолчав, осторожно уточнила дама.

– Это, сударыня, правда. В этих местах так живут, – пожал плечами парень и, не убирая оружия, тряхнул поводьями.

– Вы что, уезжаете? – спохватилась дама. – А как же мы?

– А что вы? – пожал Елисей плечами. – Все одно помощник из меня покуда никакой. Говорю же, после ранения только. Так что придется этому упырю самому управляться, – кивнул он на кучера.

– Но хотя бы подождать, пока он вытянет карету, вы можете? Сами же сказали, что тут может быть опасно, – тут же нашлась дама.

– Дай хоть коня, чтобы карету вытянуть. Сам выпрягу, – угрюмо добавил кучер.

– Смысла нет, – качнул Елисей головой.

– Как это? – удивилась дама, растерянно оглядываясь на карету.

– А карета ваша корпусом в кусты уперлась, а орешник, он тут крепкий, просто так дурной силой не сломишь. Тут по-другому надо.

– И как же, позвольте спросить? – заинтересовалась женщина.

– Веревка длинная нужна, – вздохнул Елисей, уже успевший прикинуть, как вытянуть застрявший транспорт. – Протянуть ее через салон кареты и с той стороны привязать. Потом другой конец вон через то дерево перекинуть и тянуть. А когда карета ровно встанет, тогда на дорогу и выводить.

– А где веревку взять? – тупо спросил кучер, недоуменно глядя на указанное дерево.

– Господи, вы в дорогу собирались или на прогулку? – возмутился Елисей и, осторожно спустившись с повозки, откинул брезент со своего груза.

– Ого, а что это такое? – тут же последовал вопрос. Дамочка ткнула пальчиком в бутылку с кислотой.

– Кислота, – коротко ответил Елисей, доставая моток веревки, сплетенной из конского волоса. – Вот, держи, – перебросил он веревку кучеру. – Найди палку потолще и пропусти веревку через окно так, чтобы палка на бок кареты легла. А палку потом повыше передвинь. Тогда карета быстрее выпрямится.

Сообразив, что парень знает, о чем говорит, кучер быстро выполнил все указания, и Елисей, проведя свой выезд вперед, привязал второй конец веревки к задней повозке. Потом, взяв Буяна под уздцы, он повел коней вперед, натягивая веревку. Карета, заскрипев, начала выпрямляться. Убедившись, что она встала почти ровно, парень подал команду, и кучер вывел коней на дорогу.

* * *

– Господи, да что же это такое-то? – бурчала бабка Радмила, причитая и ловко обрабатывая Елисею рану на боку. – Шо же ты вечно влезешь, куды тебя не просят. Ведь возьми на ладонь выше, и все, ни один дохтур бы не управился.

– Да ладно тебе, бабушка. Жив – и слава богу. А шкура заживет, – усмехнулся парень, прикусывая от боли губу.

– Жив. Твое счастье, что жив. В ином разе сама бы тебя подняла и уши надрала, – продолжала ворчать бабка, бинтуя ему торс.

– Да ты никак в святые подалась, бабушка, – не удержавшись, поддел ее Елисей.

– Чего это?

– А того, что мертвых только святые поднимать умеют, – захихикал парень.

– Да ну тебя, балабол, – фыркнула бабка, пряча улыбку. – Ступай уже.

– Спаси Христос, бабушка, – поблагодарил Елисей, натягивая исподнюю рубаху.

Выйдя во двор, он оглядел свою команду и, одобрительно кивнув, махнул рукой:

– Не останавливайтесь.

– А ежели больше не могу? – угрюмо поинтересовался один из мальчишек, утирая испарину со лба.

– А ты через не могу. Сколько раз отжался?

– Десяток и еще пять.

– Ну, вот еще десяток сделаешь, и шабаш, – жестко усмехнулся Елисей, глядя ему в глаза.

– Самого-то, небось, не так учили, – пробурчал мальчишка, возвращаясь на место.

– Как меня учили, тебе лучше и не знать, – отрезал Елисей. – Одно скажу. До вас тут восемь ребят было. Так вот, они лучшие. Потому как вопросов таких глупых не задавали. Умирали, а делали.

Мальчишки дружно переглянулись и мрачно уставились на бунтаря. Тот, сообразив, что зря распустил язык, моментально увял и принялся выполнять упражнение. Сам же Елисей, осторожно присев на лавку, откинулся на стену дома и, сосредоточившись, попытался усилием воли подавить все болевые ощущения в теле. Изя был прав, когда говорил, что ему еще рано пускаться в дорогу. До дому Елисей добрался, едва не теряя сознание от боли в растревоженной ране.

Хоть его груженная повозка шла по тракту очень даже мягко, но даже такая тряска оказалась для него серьезным испытанием. Но и оставаться в городе парень больше не мог. Что ни говори, а школа должна работать. Иначе вся эта затея окажется пустышкой. Тем более что теперь к школе приковано огромное количество внимательных взглядов. Это раньше за ним приглядывал только казачий круг, а теперь и казаки, и офицеры в штабе то и дело задавали скользкие вопросы, и даже обыватели в крепости начали с интересом приглядываться к новой

школе. Вдохнув, Елисей поерзал на лавке, пытаясь устроиться поудобнее, и, посмотрев на ребят, негромко скомандовал:

– Достаточно. Десятники, строить команды. Два круга вдоль стены по всей крепости бегом, марш!

Мальчишки сорвались с места и понеслись по улице. Елисей, проводив их взглядом, тяжело поднялся и отправился прикрыть ворота. Но дойти до них не успел. Выскочившая из дома Сашенька, проскользнув мимо парня, ловко закрыла тяжелые ворота, успев при этом буркнуть:

– Лежал бы в доме, а он опять прыгает.

При этом интонации в голосе девочки были парню насквозь знакомы. Именно такой тон он слышал полчаса назад, когда его перевязывала Радмила. То, что девчонки старательно копируют бабу, он заметил уже давно. Что ни говори, а авторитетом у них бабка пользовалась неоспоримым. Да и то сказать, сама бабка была настоящей казачкой, способной и пьяного мужа унять, и врагу башку снести, и детей собой закрыть. Вдохнув, Елисей развернулся и заковылял обратно к лавке, но не успел он усесться, как во двор, постукивая клюкой, вошел дед Святослав. Увидев парня, он с улыбкой поздоровался и, опускаясь на лавку, со вздохом спросил:

– Взялся, значит, за учение?

– А для чего тогда все это затевать было? – развел Елисей руками.

– Тоже верно. Где это тебя так зацепило? – кивнул старик на бок парня.

– Да по дурости моей все случилось. Поторопился, – скривился Елисей, в очередной раз ругая себя за то, что не заглянул в лабаз.

– И на старуху, значит, проруха бывает, – понимающе усмехнулся дед.

– Угу, а еще говорят, поспешишь, людей насмешишь. Вот я и насмешил.

– Ага, так насмешил, что сам едва жив остался, – фыркнул Святослав. – Ну да господь с ним. Я вот чего зашел. Твои люди в городе сколько револьверов за раз сделать могут?

– Ну, ежели таких, как у меня, то за месяц три десятка соберут, – подумав, осторожно высказался Елисей. – А что такое?

– Круг казачий порешил для нашего полуэскадрона револьверы твои закупить. Уж больно ловкое оружие у тебя получилось. Надежное. А то воюем тем, что еще деды наши пользовали. Не годится так.

– Ну, ежели так, то я письмо мужикам отпишу, чтобы работу начали, – предложил Елисей, мысленно прикидывая, какую скидку можно сделать при такой закупке.

– Ты говорил, по червонцу за штуку стоять они станут. Так? – тем временем продолжал старик.

– Так, – осторожно кивнул парень.

– Тогда пиши им, пусть работать начинают, – решительно заявил Святослав, хлопнув себя ладонями по коленям. – Пусть пять десятков револьверов делают, ну и патроны к ним. И все, что там еще нужно. Деньги я тебе завтра занесу. Скажешь, сколько все вместе будет.

– А сколько патронов на ствол делать? – быстро уточнил парень.

– А ты сколько при себе возишь?

– Я по шесть десятков беру. Как говорится, запас карман не тянет.

– Ну и правильно. Так и считай, – решительно кивнул дед.

– Добре, посчитаю. И уступку в цене сделаю, – подумав, пообещал Елисей.

– Спаси Христос, парень, – усмехнулся в ответ старик. – А приятели твои-то не забурчат, что в цене уступил?

– Не забурчат, – усмехнулся в ответ парень. – Уж я-то знаю, чего и сколько стоит. А в этом деле главное не деньги, а отношение доброе. Не беспокойся, дедушка. Будут кругу казачьему револьверы. Слово даю.

– Вот за что люблю тебя, Елисей, так это за слово твердое. Знаю, уж ежели сказал, то так и будет, – одобрительно усмехнулся Святослав. – И вот еще. Ты вроде говорил, что мастер твой секрет булата знает.

– Есть такой, – кивнул Елисей.

– Тогда еще и шашек десяток закажи. Оплатим все, будь покоен.

– Ну, тут бы лучше тем, кому шашки пойдут, самим в город съездить. Мастер мой любит под руку оружие ковать. Да и надежнее оно так.

– Это-то верно, да только не можем мы пока сразу десяток отпустить. Пусть кует, как на продажу. А там видно будет, – помолчав, принял старик решение.

– Ага, это в смысле по-среднему, – перевел для себя парень. – Добре, отпишу, – кивнул он, продолжая обдумывать ситуацию. – Дедушка, а с чего вдруг вы решили эскадрон вооружать? Затеваается чего? – осторожно поинтересовался он.

– От кунаков слух дошел, что горцы опять в большой набег собираются. Вот и порешили, что второй осады нам тут не надобно. И вот еще что. Ты, Елисей, гранаты свои продолжай делать. Стремя уж больно их хвалил. И то сказать, когда осаду отбивали, помогли они шибко. На них тоже денег дадим.

– Пусть круг казачий кузнецам задание даст, корпуса для них отлить, и жир говяжий закупит. Остальное сам сделаю, – подумав, решительно заявил Елисей. – Благо, капсюли ружейные из города привез с запасом.

– Все будет, – коротко кивнул старик. – Главное, дело сладить.

– Сделаю, дедушка.

– Ну и слава богу. Пойду тогда. Надо еще со стариками погугорить. А ты, как рана подживает, к батюшке ступай. Поговори с ним.

– Обязательно схожу, – истово пообещал Елисей, сообразив, что речь идет о капище Перуна.

Святослав, поднявшись, не спеша двинулся к воротам, когда к ним подкатила знакомая Елисею пролетка, и солдат, сидевший в ней за кучера, перегнувшись через воротину, громко сообщил:

– Елисей, поехали. Тебя господин комендант видеть желают.

Святослав удивленно оглянулся на парня, и тот, недоуменно пожав плечами, поднялся с лавки. Оставив Сашеньке сообщение для мальчишек, он вышел на улицу и, усевшись в коляску, попросил:

– Ты только, братец, шибко не гони. А то опять рана разболится.

– Не изволь беспокоиться, – заверил его солдат. – Господин комендант так и сказал, когда меня за тобой отправлял. Мол, понимает, что болеешь, но разговор уж больно серьезный.

– Ну, оно и понятно. Иначе и не звал бы, – вздохнул парень, устраиваясь поудобнее.

Вообще, от нового дома парня до комендатуры было семь минут неспешным шагом, но комендант, видно, решил побереечь раненого, прислав за ним собственную пролетку. У крыльца комендатуры солдат помог парню слезть и, убедившись, что тот дальше двигается нормально, отправился куда-то в подсобное помещение, где обитала дежурная смена. Поднявшись на второй этаж, Елисей отдышался и, тряхнув головой, решительно постучал в знакомую дверь.

Войдя, он поздоровался с комендантом и, присев на предложенный стул, вопросительно посмотрел на штабс-капитана.

– Я тебя вот чего позвал, Елисей, – начал комендант, доставая портсигар. По этому жесту Елисей понял, что комендант смущен выпавшей ему ролью. – Тут к нашему Митеньке вдруг тетка двоюродная приехала и сразу на тебя жаловаться начала. А тетушка эта женщина непростая.

– Ну, это я еще по ее побрякушкам понял, – усмехнулся Елисей. – А чего ей не так?

– Говорила, что ты в кучера ее стрелял. Что ей самой оружием угрожал. В общем, много чего говорила, – вздохнул комендант.

– Алексей Захарович, ну вы же знаете, как я стреляю, – укоризненно протянул Елисей. – Я той твари кнутовище перебил пулей, когда он хотел меня кнутом огреть. И то сказать, мне дворянское достоинство от канцелярии его величества вручено, а меня какой-то холоп станет кнутом гонять? Пусть эта баба спасибо скажет, что я его живым отпустил.

– Ну, нечто подобное я и предполагал, – кивнул штабс-капитан со зловещей усмешкой. – А про угрозу оружием ей что скажешь?

– А что тут скажешь? – развел парень руками. – Сами представьте, еду, никого не трогаю. А за поворотом карета в кустах и ругань, словно на базаре. Ну, само собой, я револьвер и достал. Кто его знает, что там случилось?

– Ох, Елисей, ты словно намыленный. Вот, кажется, уже ухватил, а все одно сквозь пальцы выскользнешь, – вдруг расхохотался комендант. – И ведь не придерешься.

– Вы же меня знаете, Алексей Захарович, я без нужды никого и пальцем не трону, – пожал Елисей плечами. – Мне тот кучер нужен был, как зайцу триппер. Проехал бы мимо спокойно, я бы в его сторону и не глянул. А начал кнутом махать, так и получил. Уж простите, но обид я никому не спускаю. Не привык, знаете ли.

– Ладно, хрен с ним, – отмахнулся комендант. – А баронесса эта в наших местах человек новый и раскладов местных не знает. Так что забудь.

– А она что, и вправду Митеньке теткой приходится? – на всякий случай уточнил Елисей.

– Угу, – скривился штабс-капитан. – Замуж ее за немецкого барона отдали. Вот она в Варшаве с ним и жила. А тут муж ее вдруг помереть решил. Похоже, с перепою преставился. Уж больно неводержен в смысле винопития был. Детей им господь не дал, вот она траур отходила и решила родственников в России навестить. А выяснилось, что из всей родни только Митенька да матушка его остались. Вот она и принеслась сюда. Требует, чтобы я ему отпуск выписал. С маменькой повидаться, – иронично усмехнулся комендант.

– Ну, так и отправьте их отсюда, от греха подальше, – понимающе усмехнувшись, посоветовал Елисей. – Тем более что матушка у него и вправду болеет.

– Да я бы отправил, да только она себе еще и сопровождение требует. Чтобы, значит, ее казаки до города проводили. Это ты ее так запугал?

– Да нужна она мне, пугать еще дуру, – фыркнул Елисей. – Правду рассказал. Обвешалась побрякушками, словно елка рождественская, а ума не хватает понять, что тут война идет. Людей вон у самого города хватают.

– Тоже верно. Ладно, подумаю, кого ей в сопровождение дать. Людей и так не хватает.

– Вы к казачьему кругу обратитесь, – посоветовал Елисей, припомнив разговор с дедом Святославом. – Им в городе и свои дела исполнить надо. Вот пусть все заодно и будет.

* * *

Метательный нож, глухо звякнув, отскочил от полена и упал на песок, словно в насмешку вонзившись в него по самую рукоять. Вздохнув, Елисей достал из перевязи свой нож и снова, в который уже раз, показал, как его правильно держать и что нужно делать в момент броска. Ученик, мальчишка тринадцати лет, угрюмо кивнул и принялся повторять показанные движения. Размахнувшись, он бросил нож, и тот, косо вонзившись в полено, качнулся.

Рукоятка опустилась, и Елисей, не удержавшись, моментально отправил свой нож в ту же мишень. Его клинок, прожужжав в воздухе, вонзился рядом с ножом мальчишки, и от удара тот снова вывалился.

– Ты их боишься, что ли? – развернулся Елисей к мальчику. – Кидай сильнее.

– Не знаю я, что с ними не так, – едва не плача огрызнулся мальчишка.

– Это не с ними, это с тобой что-то не так. А вот что, я пока никак понять не могу, – проворчал парень, задумчиво разглядывая мальчишку. – Ну-ка, покажи руку, – потребовал он, приметив, что мальчик прячет правую руку за бедро.

Чуть слышно всхлипнув, мальчишка протянул ему ладонь, и Елисей, развернув ее к свету, удивленно хмыкнул. Поперек мальчишеской ладошки тянулся старый, давно уже заживший шрам.

– Сожми кулак, – потребовал парень, внимательно следя за работой пальцев.

Мальчишка послушно сжал руку, и Елисей понимающе кивнул. Указательный и средний пальцы его сложились в кулак несколько позднее остальных. Похоже, при ранении были сильно повреждены мышцы, и теперь рука мальчика действует хуже, чем требуется.

– Давно у тебя это? – поинтересовался Елисей, ощупывая шрам.

– Это когда на станицу горцы налетели было. Батя с абреком дрался, а второй хотел его кинжалом ткнуть. А я малой еще был, только и смог, что за клинок кинжала схватиться, чтобы батю спасти, – снова всхлипнул мальчишка. – Не смог. С тех пор только шрам и остался. Ты теперь меня выгонишь?

– С чего бы? – сделал вид, что удивился, Елисей. – Нет, приятель. Но поработать тебе с этой рукой придется серьезно. Тебе мышцы на ладони разрабатывать надо. Я покажу, как. Только учти, делать это придется долго и будет больно. Не справишься, вот тогда точно придется учение бросить. А то ты сейчас ни нож бросить, ни выстрелить быстро не можешь. А это не годится. Согласен?

– Буду работать, Елисей. Только не гони, – истово пообещал мальчишка, быстрым движением утерев набежавшие слезы.

– Так я пока и не гоню, – улыбнулся ему парень и, взъерошив мальчишке непослушный чуб, скомандовал: – Ножи собери и продолжай кидать, как я показывал. Пусть рука привыкнет работать. А вечером покажу, как пальцы разрабатывать. И запомни. Твой нож, как и кинжал, это твои друзья. Их не бояться, их уважать надо. Научись их слышать, тогда они делать станут то, что тебе нужно.

Кивнув, мальчишка дождался, когда остальные закончат упражнение, и вместе со всеми побежал к мишени. Дисциплину в командах Елисей насаждал жесткую. Зато ни одному мальчишке и в голову не приходило пересечь огневой рубеж раньше времени или начать размахивать оружием попусту. Парень с первых же занятий начал насаждать среди учеников культуру обращения с оружием и привычку ходить с ним постоянно.

Очень скоро мальчишки носили кинжалы, ножи и револьверы так, словно их и не было. Благо вся амуниция у них была тщательно подогнана и сидела на них словно влитая. Все занятия Елисей проводил с мальчишками, не разрешая им снимать оружие, включая рукопашный бой. Да, это мешало ребятам, но одновременно и помогало привыкнуть носить его так, чтобы оружие не беспокоило в любых обстоятельствах.

Закончив занятия, Елисей отправил мальчишек к дому бегом, а сам не спеша заковылял в том же направлении, мысленно проклиная свою рану. Делать резкие движения ему все еще было больно. Едва подживший шрам грозил разойтись при любой нагрузке. Войдя в крепость, парень направился к дому, когда рядом с ним остановилась уже знакомая карета, и в открывшуюся дверцу выглянула та самая дамочка, с которой он столкнулся на дороге.

– Добрый вечер, юноша, – весело улыбнулась она, кокетливо поправляя газовый шарфик на груди.

– И вам здоровья, сударыня, – чуть склонил голову парень, мысленно скривившись. – Я уж думал, что вы с Митей обратно в город подались.

– Митенька бумаги оформляет, – взмахнула баронесса рукой. – Я хотела узнать у вас, из-за чего вы с ним поссорились. Митя очень переживает из-за вашей размолвки.

– Переживает? С чего бы? Когда донос на меня через голову командира писал, никаких переживаний не было, – презрительно хмыкнул Елисей.

– Фи, ну зачем же так грубо? Донос... Я бы сказала, он искал независимого судью в возникшем между вами споре.

– Ну, вы можете называть это, как пожелаете, но сути это не изменит, – пожал парень плечами. – Донос, он донос и есть, как его ни назови.

– А вы злой, – хмыкнула баронесса, разглядывая парня непонятым взглядом.

– Я сударыня, честен с вами. А правда, она редко доброй бывает, – усмехнулся Елисей.

– Хм, вот уж не ожидала услышать от вас подобную сентенцию.

– Вы, сударыня, многого от меня не ожидаете.

– Да, мне говорили, что вы незаурядная личность. И изобретатель, и лазутчик, и стрелок, каких поискать. Да еще и директор школы, которую сами же и создали. И все это в таком юном возрасте. Удивительно.

– В этих местах, сударыня, взрослеют быстро. Своего первого абрека я в тринадцать лет убил, набег на станицу отбивая. А до того две недели на краю могилы провел. А это, знаете ли, крепко ума прибавляет. Так что, не смотрите на годы. Помните, как в Писании, не по словам, а по делам его судите.

– Занятно. Вы интересный собеседник, – качнула дамочка головой.

– И не только собеседник, сударыня, уж поверьте, – ехидно добавил парень, не удержавшись.

– Вот как?! И что же еще вы умеете? – тут же оживилась баронесса.

– Долгий это разговор, сударыня. Боюсь, слушать устанете и бахвальством сочтете, – вывернулся Елисей, чуть улыбнувшись. – Если уж так интересно, людей поспрашивайте. Соврут, конечно, многое, но и узнать многое сможете.

– М-да, жаль, что вы все еще от раны не оправались, – протянула баронесса, глядя на него странно повлажневшими глазами. – Но я надеюсь, что мы с вами еще побеседуем. Я теперь сюда часто приезжать стану.

– Это зачем же, позвольте узнать? – откровенно удивился Елисей, не ожидавший такого обещания. – Тут же глушь беспросветная. Медвежий угол. А вы привыкли в Европе блистать.

– Вы не представляете, как мне эта Европа надоела, – понизив голос, доверительно поведала баронесса. – Если интересно, такого могу об их нравах рассказать, что не поверите.

– Отчего же не поверю? – понимающе усмехнулся парень. – Нравы их мне известны. Ни мыться толком не умеют, ни себя блюсти. Это давно уж не секрет.

– Ну вот, – явно огорчилась баронесса. – А говорите, медвежий угол.

– Так я же в городе регулярно бываю. С людьми разговариваю. Вот и знаю, что почем.

– Сударь, а верно ли, что вы с каким-то тифлисским князем дружбу водите? – вдруг сменила тему баронесса.

– Верно. С князем Буачидзе на короткой ноге, – спокойно кивнул Елисей.

– Вот как?! А вы могли бы меня ему представить? – тут же оживилась дамочка.

– Могу, да только для того нам с вами в Тифлисе оказаться требуется, – удивленно ответил парень, не понимая, куда она клонит.

– Так, может, съездим? – тут же предложила баронесса, лукаво улыбнувшись.

– Простите великодушно, сударыня, но не могу школу бросить. Так что как-нибудь в другой раз. Мне мальчишек выучить надо, иначе канцелярия его величества может и неприятностей преподнести.

– Ах да, школа, – вздохнула баронесса, чуть поморщившись.

– Впрочем, ежели вы, сударыня, в Тифлис собираетесь, могу вам для князя рекомендательное письмо написать, – предложил Елисей, уже мечтая избавиться от этой трещотки.

– Благодарю. Если соберусь туда, обязательно у вас письмо попрошу, – снова оживилась баронесса.

«Да ты, похоже, думала, что я неграмотный», – сообразил парень.

– И все-таки я бы попросила вас помириться с Митей, – снова сменила баронесса тему.

– Не думаю, что из этого получится что-то путное, – фыркнул парень. – Его не изменить, а я все одно при своем мнении останусь.

– Но ведь он не со зла, – всплеснула баронесса руками. – И признаться, я тоже считаю, что любая война должна вестись по правилам.

– Вы это османам или британцам расскажите, которые тех же самых османов и горцев на нас направляют, – жестко усмехнулся Елисей. – К слову сказать, в тот момент, когда я того британца на стену вытащил, в их лагере много английских офицеров было. И заметьте, ни один из них даже не пытался соотечественника спасти и уговорить того османа сменить нашего пленника на их.

– Вы уверены? – заметно растерялась дамочка.

– Абсолютно. Я потом с контрразведкой тех британцев по горам почти полгода разыскивал.

– Так вы и с полковником Тимофеевым знакомы? – удивленно охнула баронесса.

– Имею честь, – спокойно кивнул Елисей.

– Однако вы и вправду удивительный и весьма занятный юноша, – произнесла она, быстрым движением облизав губы кончиком языка. – Вот уж никак не ожидала, что у вас могут быть подобные связи.

– Не сомневаюсь, что у вас их еще больше, – усмехнулся парень, осознав всю двусмысленность этого комплимента.

– Надо признать, что некоторые знакомства у меня действительно есть. Но не так много, как хотелось бы. И не там, где мне их хотелось бы иметь, – ответила дамочка, думая о чем-то своем.

Впрочем, Елисей с ходу понял, что она имела в виду. Тут и не нужно быть особо одаренным, чтобы понять, что баронесса, долгое время прожив за границей, оказалась несколько оторванной от местного бомонда и теперь старательно ищет того, кто смог бы помочь ей пролезть в высший свет. А тут такая удача. И князь в друзьях, пусть и кавказский. И офицер контрразведки, явно имеющий доступ в высокие кабинеты. Благо она еще про товарища управляющего казначейством не знает. Точно житья бы не стало.

С этой мыслью Елисей вежливо попрощался и, аккуратно закрыв дверцу кареты, отправился дальше, провожаемый задумчивым взглядом дамочки, который он чувствовал на своей спине, словно прицел противника. Добравшись до дому, Елисей умылся у колодца и, убедившись, что мальчишки уже поужинали и теперь отдыхают в своих комнатах, направился в свой кабинет.

Усевшись за стол, парень достал из ящика несколько листов бумаги и карандаш и принялся чертить очередную свою задумку. Для быстрого и бесшумного снятия часовых он решил попробовать применять такую старую, добрую штуку, как арбалет. Только арбалет не простой, а блочный. Вроде тех, что были в ходу в его прошлой жизни. Что ни говори, но бывают случаи, когда до нужного человека просто не добраться. И вот тут подобное оружие может оказаться просто незаменимым.

Заодно он решил попробовать сделать что-то вроде ПББСа для револьверов. В некоторых случаях тоже штука весьма полезная. Впрочем, особо распространять глушители он не собирался. Только своим ребятам и себе самому, что называется, на всякий случай. С резиной в этом времени еще серьезные проблемы, но для обтюраторов вполне можно использовать и толстую кожу. Чаше их менять придется, вот и вся проблема.

Увлечшись, Елисей не заметил, как в кабинет вошла бабка Радмила. Услышав постукивание ее клюки рядом со столом, он вскинул голову и вопросительно выгнул бровь, глядя на старуху. Присев, бабка вздохнула и, чуть поджав сухие губы, нехотя проворчала:

– Девчонкам бы надо платья новые пошить. Старые уж изодрали совсем. Да и обувь им сменить не мешает. Растут как на дрожжах.

– Сколько денег надо, бабушка? – кивнув, уточнил Елисей.

– На них и рубля хватит. Да там еще кой-какие траты будут, – смутилась бабка.

– Бабушка, ты мне прямо скажи, сколько надо, я завтра и принесу. Знаю же, что ты не себе просишь, – поспешил успокоить ее Елисей.

– Ну, раз так, тогда слушай, – вздохнула бабка и принялась перечислять все нужное в хозяйстве.

* * *

Мальчишки отрабатывали в ближнем лесу правила маскировки, когда на тракте раздались заполошные выстрелы и пронзительное ржание раненой лошади. Негромко свистнув, Елисей быстро собрал ребят и, выхватив револьвер, велел им держаться рядом. Сам же быстрым, осторожным шагом направился в сторону перестрелки. Мальчишки, повыхватывая оружие, рассыпались цепью и двинулись следом за ним, внимательно отслеживая каждое движение парня.

Они уже почти добрались к дороге, когда на тракте раздался треск копыт и грохот несущейся повозки. Из-за поворота вылетела знакомая парню карета и помчалась в сторону крепости.

– Приготовиться, – негромко скомандовал Елисей, убедившись, что вся его команда засела в кустах, не вылезая на дорогу.

Следом за каретой вылетело пятеро верховых и понеслись дальше. В итоге получилась классическая засада. Елисей, вскинув револьвер, выстрелил в головного всадника, и тот, откинувшись в седле, так натянул повод, что его конь взвился на дыбы, заваливаясь на спину. Не ожидавшие такого остальные всадники попытались объехать неожиданное препятствие, из-за чего на дороге возникла самая натуральная свалка.

Взбесившиеся лошади бились, топча попадавших из седел всадников, и бешено ржали, пытаясь вырваться. Мальчишки по команде парня тщательно выбирали цели и выбивали гнавшихся за каретой горцев. Десяток негромких выстрелов, и ребятам осталось только успокоить сбившихся в кучу коней. Быстро разведя тяжело дышавших лошадей в разные стороны, мальчишки принялись вываживать их, ласково успокаивая. Елисей и трое ребят принялись обходить лежащие тела, проводя контроль и быстро обыскивая трупы.

Сложив все найденное в мешки, мальчишки удивленно уставились на парня, явно ожидая ответа на простой, но весьма насущный вопрос: «Что это было?»

Мрачно почесав в затылке, парень задумчиво посмотрел в сторону, откуда все это безобразие принеслось, и, вздохнув, скомандовал:

– Митя, возьми трех ребят из своего десятка и пробегись вдоль дороги вперед. Осторожны будьте. Там еще один подранок должен быть. На рожон не лезть. Если кто будет, стрелять из укрытия. Все понял?

Митя, четырнадцатилетний подросток, являвшийся назначенным десятником, коротко кивнул и, быстро вызвав трех ребят, скрылся в кустах. Елисей, проводив ребят взглядом, привычно перезарядил револьвер и, вздохнув, добавил:

– Коневодам проверить сбрую и самих коней на раны. По окончании – доклад.

Мальчишки, вываживавшие коней, тут же занялись своими подопечными, и уже через несколько минут последовали вполне толковые доклады по состоянию животных. Как оказа-

лось, все кони были напуганы, слегка поцарапаны, но вполне целы. Еще минут через десять за поворотом послышалось три выстрела. Парень стремительно развернулся в ту сторону и, схватившись за бок, зашипел от боли. Но еще через четверть часа на тракте показалась вся ушедшая четверка, ведущая в поводу еще двух коней.

– Раненый, и при нем еще один был, – коротко доложил Митя. – В лес оттащили. Что сняли, все на конях.

– Добро. Коней в крепость, остальные, по лесу к дому бегом, марш!

Команда разделилась, и вскоре половина группы уехала верхами, а остальные растворились в подлеске. Елисей, в очередной раз вздохнув, потер бок и зашагал к крепости. Отлично зная все окрестности, он срезал солидный кусок пути через лес и, выйдя к воротам, с едва заметной усмешкой одобрительно кивнул головой. Все его ученики стояли на привратной площади, дожидаясь своего командира.

Дежурный десяток солдат у ворот с интересом рассматривали экипировку мальчишек, даже не пытаясь прогнать их. В крепости все знали, как Елисей относится к своим подопечным и что делает с теми, кто пытался их задеть. Войдя в крепость, Елисей быстро осмотрел свое воинство и, велел десятникам уводить их домой, отправился в комендатуру. Если уж выяснять, что случилось на дороге, то только там.

Подойдя к знакомой двери, парень коротко постучал и, получив разрешение, вошел в кабинет. За столом штабс-капитана сидела баронесса и, всхлипывая, с жаром что-то рассказывала. Увидев парня, дамочка быстро утерла слезы и, улыбнувшись, с ходу заявила:

– Зря я вам не верила, Елисей. Вы не поверите, но нас с Митенькой чуть было не ограбили прямо под стенами вашей крепости.

– Знаю, – спокойно кивнул парень. – И было это не под стенами, а в шести верстах по тракту. Семеро было, – повернулся он к коменданту. – Я со своими ребятами как раз неподалеку был. В общем, нет больше тех семерых.

– А тела? – тут же последовал вопрос.

– Там, на месте, оставили. Только в кусты с тракта снесли. Пятеро на месте засады, еще двое чуть дальше.

– Ну, знаешь же правило, – скривился комендант.

– Знаю, да только мальчишкам их не погрузить было, а мне с моей раной никак не помочь, – вздохнул Елисей, машинально потирая бок.

– Тоже верно, – вздохнул штабс-капитан. – Ладно, дежурный десяток казаков отправлю.

– Погодите, господа, вы что, хотите сказать, что наших преследователей уже убили?! – сообразив, о чем речь, подскочила баронесса.

– Именно так, – спокойно кивнул Елисей, присаживаясь к столу напротив нее. – Кто из вас выстрелить успел, когда горцы напали?

– Митенька. Я даже понять ничего не успела. А он успел.

– Ну, хоть что-то, – иронично усмехнулся Елисей. – Одного ранил и коня оцарапал. Лечить придется, – пояснил он, заметив вопросительный взгляд коменданта.

– А сколько всего выстрелов было? – тут же спросил тот.

– Три, – все так же усмехаясь, ответил парень. – А с чего все началось? – повернулся он к баронессе.

– Мы по тракту ехали, когда эти из кустов выскочили и сразу дорогу перекрыли. Потом один прямо с седла в карету заглянул и что-то остальным сказал, в меня пальцем ткнув. Вот Митенька и взялся стрелять, – быстро пояснила дама.

– Ладно. Тела привезут, разберемся, что за клан был, – вздохнул комендант, качнув головой.

– Что-то не так, Алексей Захарович? – насторожилась баронесса.

– Да так, про Митеньку вашего думаю, – чуть скривился комендант. – Вот если бы он стрелял, – штабс-капитан кивнул на Елисея, – то из всей семерки только один бы в седле остался. Да и то не долго. А Митя, хоть и числится в армии, а толку с того...

– Ну, хоть выстрелить соображения хватило, – усмехнулся парень. – А то бы искали их потом по всем аулам. Ладно. Пойду я, ваше благородие. Мне еще мальчишек в чувство приводить. Первый бой, как-никак.

– Погодите, Елисей, так это ваши мальчишки ту засаду устроили? – подскочила баронесса.

– А куда деваться было? – пожал парень плечами. – Вы на своей карете так летели, что я подивился, как еще колеса не поотскакивали. Пришлось быстро засаду устраивать и ждать того, кто за вами гонится. Сменили бы вы кучера, сударыня, – неожиданно посоветовал он. – Ваш жесток больно и гордыни не чужд. Такому и оружие в руки давать опасно.

– Мой вам совет, баронесса, прислушайтесь к его словам, – негромко добавил комендант. – Не знаю, где он этому научился, но ежели сказал что-то, то так оно и выходит.

– Я учту это, – кивнула дама с заметной растерянностью.

– Так. А чего вас вдруг в город без сопровождения понесло? – опомнился Елисей, припомнив свой разговор с комендантом.

– Казаки только послезавтра готовы будут, а им не терпелось, – снова скривился комендант.

– Ну, как говорится, за одного битого двух небитых дают, – ехидно усмехнулся парень и, поднявшись, вышел.

Но не успел он выйти на крыльцо, как туда же выскочила баронесса и, вцепившись в локоть парня клещом, с жаром спросила:

– Елисей, а ваша команда может сама нас сопроводить до города?

– Исключено, сударыня, – решительно мотнул парень чубом. – Рано им еще из крепости далеко уходить. Нужных знаний пока нет.

– Вы уверены? – начала настаивать дамочка.

– Абсолютно, – отрезал Елисей. – То, что сегодня случилось, большое везение, никак иначе это не назовешь. Будь среди горцев кто поопытнее, не миновать бы беды.

– А вам самому разве не надо показаться хорошему доктору? – не унималась баронесса. – Ведь ваша рана так плохо заживает.

– Хорошо она заживает, сударыня, – вздохнул Елисей, которого этот разговор уже начал раздражать. – Да и лечит меня тут женщина, которая всю жизнь только тем и занималась, что раненых выхаживала.

– Ну почему вы такой упрямый? – возмутилась баронесса, игриво шлепнув его платочком по плечу.

– Я не упрямый, сударыня, я просто трезво смотрю на вещи и четко знаю, что я могу делать в данный момент, а что нет, – вздохнул парень.

– А как же здоровый авантюризм? Как тогда быть с умением бросить все и последовать за своей мечтой? Или вы не романтик? – тут же поддела его баронесса.

– Увы, сударыня. Авантюры и романтизм, это для богатых бездельников, а за мной живые люди стоят, и я за них отвечаю, – усмехнулся Елисей. – И это для меня важнее всего стального. Даже собственного удобства.

– Гм, интересная вы личность, Елисей, – протянула женщина, удивленно рассматривая его. – Вот уж не ожидала от вас подобного ответа. Вы ведь еще так молоды.

– Я же говорил, тут взрослеют быстро, – пожал парень плечами. – Или ты взрослый, и тогда несешь ответственность за свою семью и близких, или ты ребенок, и тогда не удивляйся, что к тебе и отношение, как к ребенку.

Еще раз попрощавшись, он осторожно спустился с крыльца и зашагал к дому. Но уже за углом комендатуры ему навстречу попался тот самый Митенька, говорить с которым парню совсем не хотелось. Увидев его, Митя шагнул навстречу и, негромко поздоровавшись, спросил, пытаясь заглянуть в глаза:

– Елисей, что у вас с моей тетушкой?

– Чего? – недоуменно протянул Елисей, глядя на него, как на больного.

– Она постоянно о вас говорит. С чего бы это? – не унимался Митя.

– Вот у нее и спроси, – развел парень руками. – А мне сейчас не до нее. Мне бы рану побыстрее вылечить.

Обойдя Митю, парень зашагал дальше, обдумывая услышанное. Только теперь до него начало доходить то, на что он раньше не обращал внимания. И все игривые взгляды баронессы, и ее разом влажнеющие глаза, и многое другое, что он принимал за обычное кокетство.

«М-да, Елисей. Дурень ты первостатейный», – проворчал парень себе под нос. Хотя то, что между ними так ничего и не случилось, было даже хорошо. Во всяком случае, баронесса не может ни в чем его обвинить. Парень имел в виду те обвинения, которые обычно используют женщины, чтобы чего-то от мужчины добиться. А так, не было ничего, и говорить не о чем. Добравшись, наконец, до дому, парень переоделся и, отдав испачканную одежду девчонкам в стирку, отправился к ребятам. Наступало время занятия грамотой.

* * *

Дед Святослав, не спеша прохаживаясь между рядов, то и дело своей клюкой поправлял руки ребят, беззлобно ворча:

– Не спешить, кому сказано. По волосу, по волосу шевелись. Чтобы тело само все запомнило.

Чего Елисею стоило уговорить его начать занятия с мальчишками, это отдельная сага. В ход шло всё. И просьбы, и угрозы, и шантаж, и даже попытка подкупа. Сдался старик только после того, как парень прямо заявил, что все равно станет обучать ребят двуручному бою, но из-за раны может что-то показать неправильно. А значит, из-за подобной ошибки кто-то из мальчишек может погибнуть.

Понимая, что парень прав, Святослав мрачно вздохнул и, помолчав, явно нехотя, согласился. С того дня старик каждый божий день приходил к началу занятий и три часа изводил ребят своими придирами. Доходило и до слез, и до нервных смешков, но мальчишки, сцепив зубы, работали. Елисей, глядя на них, только одобрительно кивал, едва заметно улыбаясь. Ребята, уже знавшие, что сам парень подобным стилем рубки владеет и тренировался до ранения ежедневно, даже не пытались возражать.

Но затеял все это Елисей не просто так. Святослав и Опонас уже считались наставниками в школе, так что начало было положено. Следом за ними парень планировал привлечь к обучению еще несколько казаков, умевших то, что не умели другие. Святослав, услышав такую его просьбу по привлечению новых наставников, моментально сообразил, что к чему, и, одобрительно кивнув, пообещал поговорить с нужными стариками.

Что ни говори, а воинские умения в казачьих семьях сохранялись свято и передавались от отца к сыну, словно самое большое достояние. Идею парня устроить из школы что-то вроде хранилища подобных знаний приняли далеко не все, хотя и признавали, что подобные знания не должны пропасть. В крепости нашелся мастер кнутабой, специалист по бросанию аркана и даже мастер по ловушкам. Глядя, как старик из подручных средств сооружает смертельно опасные капканы, Елисей только головой качал.

Одно дело – использовать для ловушек технологичные гаджеты, и совсем другое – устраивать их из того, что есть под рукой в этом мире. Ведь даже обычная нить тут сплеталась из

конского волоса и была заметна в траве. Сообразив, что все эти знания будут ребятам весьма полезны, Елисей принялся записывать и зарисовывать все, что старики показывали.

Очень скоро подобного учебного материала у него набралось на пять толстых тетрадей. Но останавливаться парень не собирался. Очень быстро он превратился в кого-то вроде архивариуса, попутно пополняя собственный багаж знаний. Старики, заметив, что парень и сам старательно учится, только одобрительно хмыкали и терпеливо повторяли все нужное по нескольку раз.

Дела в крепости шли своим чередом, когда однажды, примерно через полтора месяца после возвращения Елисея из города, ему прислали очередной вызов к коменданту. Едва войдя в кабинет, парень увидел мрачного господина Морозова и, покачав головой, вздохнул:

– Что, отпустили?

– Ну вот как он это делает? – повернулся чиновник к коменданту. – Я еще рта раскрыть не успел, а он уже все понял.

– Так задачка-то нехитрая. У вас главным было дело о фальшивом серебре, а главным фигурантом в нем был купец Молхнадзе. А раз вы сидите здесь с таким похоронным видом, значит, он умудрился с крючка сорваться. И, похоже, уже гуляет где-то за границей.

– В столице сидит, – мрачно вздохнул Морозов. – И боюсь, теперь он сделает все, чтобы до тебя добраться.

– А меня-то за что? – иронично хмыкнул парень, припомнив анекдот из своего времени. – Я ваши приказы выполнял.

– Ну, до нас с господином Тимофеевым ему добраться руки коротки, а вот тебя, как нашего ближника, ему ущемить самое оно будет.

– Ну-ну, пусть попробует, – хищно усмехнулся Елисей. – Я ведь тоже не пальцем деланный. Могу и сам охоту устроить.

– Что, в столицу поедешь? – быстро спросил Морозов, глядя на него заинтересованным взглядом.

– Зачем? Рано или поздно он из столицы выедет, а месть, это блюдо, которое подают холодным, – равнодушно усмехнулся парень.

– И как бы ты проделал подобное? – не унимался чиновник.

– Да способов масса, – отмахнулся Елисей. – Можно взорвать, можно отравить, а можно из длинного штуцера выстрелить. Выбирайте, что вам глянется.

– Отравить?! – растерялся Морозов. – И чем же, позвольте узнать?

– А то мало в этих лесах трав ядовитых, – фыркнул парень.

– Трав-то, может, и много, но ведь их еще и знать надо, – не отставал чиновник.

– А у кого я тут на постое жил? – ответил Елисей вопросом на вопрос.

– И верно. Травница местная. Она же все травы знает, и нужное зелье ей сварить, как воды попить, – растерянно охнул комендант.

– М-да, не хотел бы я тебя своим врагом иметь, – проворчал Морозов, удивленно разводя руками. – Но все одно, побережись тебе следует, Елисей. Сам понимаешь, стрелять не только ты умеешь.

– Вот уж что-что, а это я хорошо помню, – буркнул парень, потирая пострадавший бок.

– Но как ты узнаешь, что он собрался из столицы уехать? – вдруг сменил тему Морозов.

– А вы на что? – тут же поддел его Елисей. – Вот уж ни за что не поверю, что вы его из-под колпака своего выпустили. Небось, даже на горшке за ним присматриваете.

– Да ну тебя, – рассмеялся Морозов. – Но должен признать, что «хвост» за ним приставлен постоянный.

– Только менять их почаще не забывайте. А то разом приметит, – не сумел промолчать парень, усаживаясь на указанный стул.

– И кто же тебя всему этому научил? – проворчал Морозов, задумчиво его рассматривая.
– Самому бы знать, – уже привычно отговорился Елисей и тут же сменил тему: – А поделщиков его всех взяли?

– С полдюжины успели через хребет к османам уйти, – вздохнул Морозов.

– Как-то вы все это неправильно организовали, – не удержавшись, проворчал парень.

– Торопились. Нам ведь главное было партию фальшивого серебра взять, ну и тех, кто при нем окажется. А следствие вести и время тянуть – для нас слишком опасно было. Сам понимать должен, серебро фальшивое, это тебе не ассигнации. Да и ситуация тут не такая простая, как в остальной империи. Чуть что не так, сразу полыхнет.

– Это верно, – задумчиво кивнул парень. – Значит, вы считаете, что он рискнет отправить ко мне исполнителей? – помолчав, уточнил он.

– Во всяком случае, пара его эмиссаров сейчас катается по крупным городам страны с совершенно непонятными целями. Похоже, это попытка снова подобрать себе группу каторжников, готовых на любые подлости ради денег. А уж найти таких в нашем богоспасаемом государстве невелика сложность.

– Найти-то, может, и не сложно, да только светиться они тут будут, словно фонарь в ночи, – качнул Елисей головой. – Их тут только дурак не приметит.

– Думаешь, задумал что-то другое? – подобрался Морозов.

– Не знаю, – вздохнул Елисей. – Предгорья и Тифлис для него закрыты. Князь Буачидзе не упустит случая посчитаться за обиду дочери. А вот что он может в других городах устроить, это вопрос. Сам он сюда точно не полезет. Если только не решит тот же фокус с болезнью повторить. А вот кого он нанять решит, тут подумать надо.

– Вот и подумай, – быстро кивнул Морозов. – И вообще, пока не оправишься полностью, в город лучше не суйся. Всякое может быть.

– Мне сейчас и так не до города, – отмахнулся парень. – Обучение в самом разгаре. За мальчишками глаз да глаз нужен. Силу почуяли, да и в стрельбе кое-что получаться начало. В общем, не углядишь, точно чего-нибудь отчебучат. Ладно, пусть приезжают. Моим башибузукам будет на ком поучиться.

– Елисей, а с баронессой фон Штейнберг ты где познакомиться успел? – вдруг спросил Морозов, хитро усмехнувшись.

– Так она нашему Митеньке двоюродная тетка, – рассмеялся Елисей. – Сюда ехала, да кучер сдуру ее чуть в канаву вместе с каретой не завалил. Вот и познакомилась. А что такое? Не надо было?

– Шустрая дамочка, – чуть скривился Морозов. – Не успела в город приехать, как уже с большей частью офицеров перезнакомилась, и все о тебе расспрашивает.

– У офицеров? Вот дура-то, – фыркнул парень, рассмеявшись.

– Ну, дура не дура, а знакомства она заводит очень ловко. И что самое интересное, знакомиться старается с теми, кто поближе к штабу служит, – не принял его смеха чиновник.

– Ну, это дело для службы Александра Савича, – отмахнулся парень.

– Так-то оно так, но эта ее бурная деятельность мне очень не нравится. А если вспомнить, что приехала она сюда из-за границы, то, сам понимаешь, такой ее интерес к офицерам штаба наводит на некоторые размышления.

– А что у нее с финансами? – помолчав, неожиданно спросил Елисей. – То, что украшенный у нее на взвод баб хватит, я знаю точно. А вот на счетах что?

– На счетах кое-что есть, – понимающе кивнул Морозов. – Вплотную ею мы пока не занимались, но могу твердо сказать, что пока она не бедствует.

– Значит, надо проверять прошлые связи, – пожал Елисей плечами. – Раз уж она оказалась в поле зрения сразу двух таких служб, то проверка точно не помешает.

– А чем она тут занималась? – повернулся Морозов к коменданту, внимательно слушавшему их разговор.

– Ничем особенно. Так, больше с племянником время проводила.

– А чем племянник ее занимался? – иронично уточнил Елисей. – Он же у вас писарем числится.

– Числится, – усмехнулся в ответ комендант, – да только к серьезным документам после доноса на тебя я его не подпускаю. Если уже решился раз через голову начальства переступить, то и второй может случиться.

– Золотые слова, Алексей Захарович, – одобрительно кивнул Морозов.

– А карты местные только у вас хранятся? – подумав, уточнил Елисей.

– Да, только в моем кабинете, – чуть подбравшись, кивнул комендант.

– А ключ кроме вас кто еще у дежурного взять может? – не унимался парень.

– Та-ак, – мрачно протянул штабс-капитан. – Погоди малость, – буркнул он, поднимаясь и быстро подходя к шкафу, где хранились все карты.

Вынув из шкафа все бумаги, комендант быстро проверил их наличие и уже собрался возвращать обратно, когда вдруг, удивленно охнув, выдернул из рулона одну из карт. Елисей еще не понял, что привлекло его внимание, когда комендант, развернув карту, перевернул ее лицевой стороной вниз, и быстро разложив ее на столе, с чувством выругался:

– Вот тварь!

– Что такое, Алексей Захарович? – подскочил чиновник.

– Кто-то эту карту перерисовывал, – прорычал комендант, тыча пальцем в остаточные следы карандаша на бумаге. – Видите? Это след от карандаша, которым первая карта была нарисована. Пристрелю мерзавца!

– Это карта чего? – быстро уточнил Елисей, подходя к столу.

– Окрестностей тракта от перевала до крепости, – пояснил комендант, быстро перевернув карту.

– И зачем им карта местности и дороги, по которой уже нельзя пройти? – задумчиво хмыкнул Елисей. – Тропу-то на перевале мы обрушили.

Обойдя стол, парень внимательно осмотрел карту и, задумчиво хмыкнув, ткнул пальцем в место, где находилось памятное ущелье.

– Думаю, их это интересовало.

– Ущелье? Зачем? – удивился комендант. – Мы же теперь о нем знаем. Так что какой в этом смысл?

– Место уж больно удобное для накопления сил. Не важно, каких и для чего. Просто так его не найдешь, а в случае крайней необходимости там десяток может полк удержать, главное, чтобы патронов хватило. Орудия туда только на своем горбу притащить можно. А обычным стрелковым оружием там засевших так просто не выкуришь. Но вот кому это может быть нужно?

– Османам, больше некому, – решительно заявил комендант.

– Не уверен, – качнул Елисей головой. – Самую удобную тропу через перевал мы уничтожили.

– И что? Есть еще несколько, ты же сам мне об этом говорил, – вспыхнул штабс-капитан.

– Все верно, Алексей Захарович. Но вспомните, в тот раз османы с горцами силы в том ущелье почти два месяца копили. И это имея под рукой удобную тропу. А сколько они собираться станут, ежели через другие перевалы пойдут. А это прежде всего опасность, что их могут заметить. Да и горцы больше на подобные авантюры не пойдут. Они в прошлый раз потери понесли такие, что не скоро оправятся. Нет, тут что-то другое.

– И что же? – тут же последовал вопрос от обоих офицеров.

– Думаю, это уже по вашей части будет, Николай Кузьмич, – посмотрел парень в глаза Морозову.

– Поясни, – тут же потребовал тот.

– Я то ушелье только в бинокль рассматривал, но и того, что увидел, достаточно, чтобы понять, что оно очень удобно для самых разных целей. Там и вода есть, и выпас для лошадей, и лес рядом нетронутый. Зверья много. В общем, ежели хочешь что-то делать так, чтобы тебя никто не приметил, лучшего укрытия не найти.

– Пстой, пстой, ты хочешь сказать, что они решили чеканить свои фальшивки здесь? На территории империи? – вскинулся Морозов.

– Это, конечно, предположение. Что называется, за уши притянуто, но лично я бы, после того нашего налета на лабаз, так и поступил. Раз уж возить готовые фальшивки стало невозможно, значит, нужно их делать прямо на месте, – пожал парень плечами.

– Да что бы их всех разорвало! – выругался Морозов, бросаясь к столу и начиная что-то быстро писать.

* * *

Размявшись, и разогрев мышцы, Елисей принялся отрабатывать движения двуручной схватки, когда в ворота кто-то со всей дури замолотил кулаком. Удивленно хмыкнув, парень сунул шашки под мышку и, подойдя к калитке, откинул крючок. Калитка распахнулась, и во двор ввалился здоровенный взлохмаченный мужик вахлаковатого вида.

– Ты кто, чудо? – удивленно усмехнулся Елисей, разглядывая мужика.

– А ты кто? – последовал вполне логичный ответ, и парень сразу учуял могучий запах перегара. Судя по выхлопу, бухал мужик дня три, не меньше.

– Ты хоть понял, куда вломился, мужик? – покрутил Елисей головой, решив уладить недоразумение миром. Уж больно вид у мужика был растерянный.

– Тут это, мне сказали, травница тут живет. Людей пользуется, – выдал, наконец, неизвестный, сфокусировав взгляд на парне.

– Ранили кого? – тут же подобрался Елисей.

– Зашибли, – кивнул мужик так, что у Елисея возникло опасение, как бы башка не отвалилась.

– Здесь жди, сейчас позову, – скомандовал парень, направляясь к крыльцу.

Но бабка Радмила словно услышала, что кому-то нужна ее помощь. Выйдя на крыльцо, женщина прищурилась, рассматривая мужика, после чего, гневно пристукнув клюкой, рявкнула не хуже армейского старшины:

– Ты чего сюда приперся, вахлак косорылый? Зашибли человека, так сюда его несите. Что я на улице делать с ним стану?

– Так это, слышь, мать, спина у него, – заблеял мужик, присев от такого наезда.

– Он на земле лежит? – быстро уточнил Елисей.

– Ага.

– Ну, так стол какой найдите и осторожно под него подсуньте. Только ни на чем мягком не вздумайте нести. А то совсем убьете.

– Так, может, сам со мной сходишь, коль знаешь, как быть? – помолчав, угрюмо предложил мужик.

– Много ума надо под человека доску широкую сунуть? – фыркнул Елисей. – Не топчись тут. Делай, что говорят.

Нехотя кивнув, мужик развернулся и, со второго раза протиснувшись в калитку, исчез.

– И правда, сходил бы ты с ним, – подумав, вздохнула Радмила. – Не приведи господь, начнут перекладывать и добьют больного.

– Справятся, – отмахнулся Елисей, возвращаясь к тренировке. – Водки меньше жрать надо, тогда и бед не будет.

– Так-то оно так, да только неправильно это, – снова вздохнула бабка.

– Бабушка. Я не травник и людей не лечу, а убиваю, – отрезал Елисей.

– Ты чего злой такой с утра? – удивилась бабка.

– Странно мне, что они тебя искать кинулись, а не к доктору побежали, – нехотя признался парень. – Не нравится мне это.

– Так это же не сам купец, а кто-то из его людей. Сразу видно, что пришлый, – пожала Радмила плечами.

– Угу, но про тебя успели узнать, – не уступил Елисей.

Ему и вправду не понравился этот вызов к пострадавшему. Особенно теперь, когда его прямым текстом предупредили, что известный в узких кругах купец снова решил набрать себе команду исполнителей. То, что на него самого идет охота, Елисей знал и относился к этому философски. Но он совсем не хотел, чтобы из-за этих разборок пострадал кто-то из его окружения. В этом случае парень оставлял за собой полное право наказывать виновных так, чтобы другим неповадно было.

Раз уж пришлось жить в подобных условиях, надо соответствовать. Так что кровную месть еще никто не отменял. Прогнав весь тренировочный комплекс, Елисей умылся у колодца и, пройдя в дом, переоделся в чистое. Разложив все оружие по местам, он привычным жестом проверил револьверы и, мрачно вздохнув, отправился встречать с пробежки ребят. Самому ему еще сложно было бегать на дальние расстояния. Бок начинал ныть, и накатывала слабость.

Влетевшие во двор башибузуки наполнили подворье гомоном и запахами юных, здоровых тел. Убедившись, что указанную дистанцию преодолели все, парень отправил ребят мыться и приводить себя в порядок. Мальчишки уже почти закончили смывать с себя пыль, когда стук в ворота повторился. По молчаливому жесту Елисея пара ребят распахнули створки ворот, и четверо мужиков, покачиваясь и стараясь идти в ногу, внесли во двор пятого.

Уложив снятую где-то дверь прямо на землю, мужики растерянно затоптались. Мальчишки, глядя на эту процессию, примолкли, удивленно переглядываясь. Радмила, которую уже успели кликнуть, вышла из дома и, быстро подойдя к пострадавшему, присела на корточки и, заглянув ему в глаза, тихо спросила:

– Спина болит?

– Болит, – выдохнул мужчина, глядя на нее побелевшими от боли глазами. – И ног не чую. Помоги Христа ради, мать. Век за тебя буду бога молить.

– погоди ныть, – жестко осадил его женщина. – Сначала понять надобно, что с тобой приключилось. Чем это его так? – повернулась она к остальным мужикам.

– Колом из плетня, – тихо выдохнул один из несунув. – У базара сцепились, вот его и огрели.

– А про нас как узнали? – шагнул вперед Елисей.

– Так на базаре и подсказали, – пожал мужик плечами, при этом почему-то пряча глаза.

«Что-то ты, братец, темнишь», – подумал Елисей, вглядываясь каждому из четверки в глаза.

Под его настороженным, мрачным взглядом мужики принялись ежиться и перетаптываться, то и дело суетливо что-то поправляя в одежде. Мальчишки, почувствовав, что что-то идет не так, быстро рассредоточились вокруг пришлых, отслеживая каждое их движение. Радмила, вздохнув, оперлась на поданную парнем руку и, поднявшись, скомандовала:

– В дом его несите. Там решать стану, что дальше делать. А вы, – повернулась она к несунам, – к себе ступайте. Пусть завтра кто из вас один зайдет, узнает, что нужно и как дальше будет. Неча тут всей толпой делать.

В голосе старухи было столько властности и силы, что мужики, дружно поклонившись, поспешили испариться. Мальчишки закрыли ворота, и Елисей, убедившись, что дверь с пострадавшим уже аккуратно перенесли на женскую половину, подозвал к себе пару ребят. Быстро поставив им задачу, парень вернулся в дом и, подойдя к двери комнаты Радмилы, осторожно постучался.

– Ты что ль, Елисей? – послышалось в ответ.

– Я, бабушка.

– Войди. Заодно и поможешь мне, – разрешила бабка.

Войдя в комнату, парень под чутким руководством женщины раздел пострадавшего и помог ей перевернуть его на живот. Отставив клюку, бабка пальцами ловко ощупала ему позвоночник и, покачав головой, тихо проворчала:

– Повезло дураку. Придет время, встанет. Тянуть его надо.

– Как тянуть, куда? – не понял Елисей.

– Тело ему растянуть малость надо, чтобы хребет на место встал, – пояснила бабка. – Да только как это сделать? Руками тут не справишься.

– Так, может, винт сделать? – задумчиво предложил Елисей.

– Ну-ка, покажь, что за винт? – оживилась Радмила.

Пришлось парню пройти в кабинет и быстро набросать на листе бумаги что-то вроде станка для растяжки человека.

Ничего сложного. Больной помещается на ровную поверхность и под мышками через грудь прикрепляется к столу. Нижняя часть подвижная. В районе бедер часть стола выдвигается при помощи винтового крепления. Задумчиво оглядев его каракули, Радмила внимательно выслушала пояснения парня и, одобрительно кивнув, спросила:

– Долго делать станешь?

– Дня за два управлюсь, – пожал парень плечами.

– Сутки у тебя, Елисей, – помолчав, отрезала бабка. – Иначе так калекой лежачим и останется. Сделай, сынок. Надо сделать, – еле слышно добавила она.

– Добре, – помолчав, кивнул парень и, вздохнув, широким шагом вышел из комнаты.

Прежде всего, требовалось собрать все нужные части. Высвистав пару ребят, парень отправился в кузнечные ряды. Подходящий винт он нашел во второй по счету кузне. Столешница подходящего размера нашлась у столяра, а шорник обеспечил нужным количеством широких ремней. Ребята сразу сносили все это домой, в мастерскую, а сам Елисей отправился к торговцам тканями. Укладывать пострадавшего на голые доски было неправильно.

Не торгуясь, купив нужное количество плотного шелка, парень вернулся домой и сразу занялся делом. Мальчишки, узнав про очередное его изобретение, то и дело норовили просочиться в мастерскую, так что пришлось ему отобрать тройку самых рукастых мальчишек и раздать им задания. Уже было далеко за полночь, когда Елисей, под восторженные взгляды ребят, проверил работу механизмов и, удовлетворенно кивнув, отправил их спать.

Разбудила его с рассветом сама Радмила. Она уже успела побывать в мастерской и оценить работу ребят. Хотя и торопились, но сделать все сумели ровно и аккуратно. Механизм растяжки работал ровно, без заеданий и рывков, а сам стол был ровненько обит шелком. Осторожно огладив новинку мозолистой ладонью, Радмила покачала головой и, повернувшись к парню, тихо вздохнула:

– Твои бы умения, да на добро пустить, цены бы тебе не было.

– Так я вроде и зла не делаю, – пожал Елисей плечами, нещадно зевая. – Не я такой, бабушка. Жизнь наша такая.

– Да ну тебя, – рассмеялась бабка. – Прикажи эту штуку ко мне нести.

Мальчишки быстро перетаскили стол на половину бабки и установили его в комнате, предназначенной для принятия пациентов. Именно там она лечила синяки и ссадины мальчи-

шек и проводила перевязки самому Елисею. Следом за столом в комнату перенесли пострадавшего и, осторожно переложив на новый стол, принялись обвязывать ремнями. Радмила, сварив какой-то отвар, напоила им больного и, выждав некоторое время, тихо скомандовала Елисею:

– Тяни.

Подчиняясь ее команде, парень принялся быстро, но плавно вертеть винт, начиная растягивать пострадавшего. Тихо заскрипели ремни, и мужчина еле слышно застонал.

– погоди, – становила бабка Елисея. – Пусть обвыкнется.

Только теперь Елисей понял, что отвар, влитый в мужика, привел его в состояние, сходное с состоянием транса. Что-то вроде анестезии, но человек находится в сознании. Не полностью, но говорить и слышать может. Выждав какое-то время, женщина снова велела начать растяжку. Услышав новый стон, она осторожно подсунула ладонь под больного и, ощупав его позвоночник, кивнула:

– Хватит покуда. Часа через два еще гляну. А вы ступайте отсюда. Ему сейчас хуже станет, – скомандовала она, выгоняя всех любопытных.

Елисей только головой pokrutil, наблюдая за этим процессом лечения, но спорить не решился. В конце концов, Радмила всю свою жизнь людей лечит, что делать, знает лучше них всех, вместе взятых. Только один вопрос не давал ему покоя.

– А как вы раньше такие раны лечили? – первым делом спросил он, дождавшись, когда Радмила выйдет из комнаты.

– Так промеж телег растягивали, – понимающе усмехнулась женщина. – Коней в две телеги запрягали, веревками болезного обвязывали и тянули.

– А телеги зачем? – удивился Елисей.

– Конь разом в одном месте остановиться не может. Или назад подастся, или в сторону шагнет. Вот для того телеги и нужны. Два казака коней ведут, а еще двое под колеса телег камни подкладывают, чтобы они назад не откатились. Так и тянули. А стол ты добрый придумал. Подаришь его бабке? – лукаво улыбнулась Радмила.

– Господь с тобой, бабушка. Тебе и делал, – растерялся Елисей. – Мне-то он зачем?

– Благодарствую, – улыбнулась женщина. – Ты бы подумал еще, что для больных сделать можешь, – помолчав, попросила она.

– Ну, тут знать надо, что с человеком делать предстоит, – развел Елисей руками. – Я вот думаю, лампы тебе хорошие сделать, чтобы свету вечером больше было.

– Свечей не напасешься, – вздохнула бабка.

– А керосин на что? – возмутился парень. – Вон в мастерской четыре бочки нефти стоят.

– А вот это было бы добре, – тут же закивала Радмила.

* * *

Вызов в комендатуру был неожиданным. Елисея выдернули со стрельбища в овраге и велели бежать к штабс-капитану прямо сей момент. Удивленно хмыкнув, парень мрачно огляделся и, подозвав к себе десятников, наказал им быть особо внимательными, особенно с младшими. Потом, на всякий случай перезарядив револьвер, отправился к коменданту. Едва войдя в кабинет, парень с ходу был огорошен вопросом:

– Что там у тебя за пациент появился? – спросил комендант, указывая ему на стул.

– Да на базаре мужика какого-то зашибли, – пожал парень плечами. – Вот его к Радмиле и принесли. А что не так?

– Кто зашиб? – тут же последовал вопрос.

– Да бог его знает. Я и не спрашивал, – фыркнул Елисей. – А что такое?

– Не было драки на базаре. И мужики эти сами по себе, а не с караваном каким приехали, – зло выдохнул комендант.

– О как! – ахнул парень. – И что делать прикажете?

– Учить я тебя должен? – возмутился комендант.

– Я к тому, что с ними делать можно? – со зловещей усмешкой уточнил парень.

– Что хочешь, лишь бы говорить могли, – произнес комендант так, что неуютно стало даже Елисею.

– А вы уверены, то это те, кто нам нужен? – подумав, уточнил Елисей. – А то ведь после меня и лечить нечего будет. Беды не оберемся, ежели сторонних людей положим.

– Нет за ними никого, – мрачно вздохнул комендант. – У меня третий день люди базар трясут, пытаюсь хоть что-то про них узнать. Сами они пришли. Без каравана.

– А остановились где?

– А то твои башибузуки уже не проверили, – фыркнул штабс-капитан.

– Не дошли. Те четверо, что пятого принесли, от нас в трактир пошли и до самого вечера там просидели. А мальчишки мои еще не готовы, чтобы столько времени на месте сидеть. Да и опасно их у кабака держать. Опять зацепит кто, а мне от вас потом прилетит, что купеческих работников поколотил, – вздохнул Елисей.

– А ты края видеть научись. А то lupишь так, что потом доктор наш лечить устает, – огрызнулся комендант. – И как только умудряешься? С виду вроде глянешь, ну крепкий парень, жилистый, а как в драку влезешь, так откуда что берется. Едва без трупов обходится.

– Ну, кто на что учился, – пожал Елисей плечами, задумчиво глядя на коменданта. – Так что делать будем?

– Да что ты прицепился?! – вспыхнул комендант. – Сказано тебе, сами они по себе. Вот и разбирайся. Один из них в твоём доме живет.

– Ну, вы сами это сказали, – вздохнул Елисей, поднявшись, вышел не прощаясь.

Сложившаяся ситуация вывела его из равновесия, заставив вспомнить, что в доме остались только девчонки под руководством Радмилы. Быстро пройдя к своему двору, парень огляделся и, недолго думая, перемахнул забор. Сообщать, что он вернулся, Елисей не собирался. Просочившись в дом, он пробрался на женскую половину и, войдя в комнату, где находился раненый, аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Ты кто такой? – негромко спросил он, склоняясь на мужиком.

Веки лежавшего на столе едва заметно дрогнули, но не открылись. Елисей, положив руку ему на шею, слегка сжал пальцы и, не повышая голоса, добавил:

– Или расскажешь, что вы задумали, или я буду тот винт крутить, пока пополам тебя не порву. И не вздумай орать. Я знаю, что спину ты и вправду повредил. Но это не значит, что приятели твои не сделают то, что вы задумали. А тебя тут просто бросят. Так что, будем говорить, или начать винт крутить?

– Как догадался? – просипел ушибленный пережатой глоткой. – Мы же вроде все сделали, чтобы на нас внимания не обращали.

– Приятели твои глупость сделали, когда начали про драку на базаре рассказывать. Тут не город. Базар не полиция, а военный патруль охраняет. Так что я точно знаю, что драки не было. Кто вы?

– Беглые, – еле слышно выдохнул мужик. – С пересылки Омской бежали.

– И куда вас везли?

– На Сахалин.

– Ого! Это уже не просто каторга. Это считай пожизненно, – оценил Елисей.

– Вот потому и бежали. Все одно подыхать. Так хоть не на тех морозах.

– А сюда зачем пришли? – не унимался парень.

– Место тихое искали. Ищут нас. А тут еще у меня со спиной беда случилась.

– Как было?

– Хотели коней свести, да не получилось. Там жеребец норовистый был, так лягнул, что меня шагов на пять унесло, – бледно усмехнулся больной.

– Где коней воровали? – тут же последовал вопрос.

– В лесу, на стоянку наткнулись. Там вроде местные одни были. Вот мы и хотели ночью коней свести и дальше ехать. Ноги-то не казенные, пешком идти.

– Так вы что, хотели у горцев коней увести? – удивился Елисей.

– Ну да. А что?

– Повезло вам, мужики, – качнул парень головой. – Горцы, они народ простой. За такие вещи заживо бы с вас шкуры содрали, как с баранов. А как случилось, что они вас не заметили?

– Так они коней в стороне привязали, а сами у костра спали. А перед тем курили чего-то долго. Словно пьяные были. Вот мы и решились, – усмехнулся мужик.

– М-да, и правду повезло, – качнул Елисей головой, сообразив, о чем речь. – Ну, что мне с вами теперь делать?

– Сдашь? – удрученно спросил мужик.

– Так ведь беглые вы. Отпустить, так на разбой кинетесь.

– Мужикам скажи, пусть уходят. А я уж как-нибудь. Видать, судьба моя такая, на каторге сгинуть.

– Нашел посыльного, – фыркнул парень. – Куда хоть идти собирались?

– У одного из наших под Киевом родня обитает. Туда податься думали, – вздохнул мужик. – А за разбой не беспокойся. Не варнаки мы. Одного за драку пьяную судили. Случаем человека зашиб. Другой барину подати уплатить не смог, а тот его к мировому потащил. Я вот всю жизнь лесником был, а в недород решил в барском лесу кабанчика взять. Самострел поставил, а под него пес хозяйский попал. Вот барин меня и... – мужик скривился. – А я же его Христом богом молил охоту мне разрешить. Пожадничал. Из-за того всю семью схоронил. Дочка малая одна осталась, я и решился, чтоб ее спасти.

– Складно поешь, – задумчиво протянул Елисей.

– Правда это. Хочешь, перекрещусь. Потому и пошли лесом, что я следы читать хорошо умею. Нет средь нас варнаков.

– Ладно. Лежи пока, мне подумать надо, – помолчав, вздохнул Елисей. – И это, не вздумай учудить чего. Не посмотрю, что болезный, удавлю, как котенка.

– Да уж, хватка у тебя, – качнул уважительно мужик головой. – Чем промышляешь-то?

– Про пластунов казацких слышал?

– А как же.

– Вот я он и есть.

– Брешешь!

– Кобель брешет. Сказано, пластун. Или кадык вырвать, чтоб поверил?

– Да что же ты злой-то такой? – слабо возмутился мужик. – Мне же просто интересно. Слышал я про вас многое, вот и интересуюсь, что правда, а что лжа.

– Потом поговорим, – пообещал парень и все так же бесшумно выскользнул из комнаты.

Выбравшись из дома, он снова перемахнул забор и, чуть подумав, отправился на базар. Найти в крепости приезжих труда не составило. Уже через час Елисей вошел в трактир на базарной площади и, оглядев зал, решительно направился к столу, за которым сидела та самая четверка, что принесла приятеля на подворье. Не спрашивая разрешения, парень сел за стол и, отодвинув от себя тарелку с какими-то объедками, негромко спросил:

– И давно вы ушли кукушку слушать?

Сидевшие за столом мужики, недоуменно глядевшие на него, дружно вздрогнули и отодвинулись от стола, явно готовясь к драке.

– Сидеть, – прошипел Елисей так, что мужики замерли. – Я с приятелем вашим говорил, знаю, кто вы. Если он, конечно, мне правду сказал. Но судя по тому, как вы дернулись, когда про кукушку услышали, все правда.

– А ты откуда такое знаешь? – угрюмо поинтересовался один из мужиков.

– Я много чего знаю, – хмыкнул Елисей. – Его правда конь лягнул, когда вы хотели горцев ограбить?

– Правда. Зверь, а не лошадь. Горцы те дряни какой-то накурились и спать слегли. Вот мы и решили попробовать, – коротко поведал все тот же мужик.

– Варнаки среди вас есть? – прямо спросил парень, поочередно глядя каждому из них в глаза.

– Нет, – решительно качнул головой говорливый каторжник.

– Сарай значит, – усмехнулся Елисей.

– Да ты словно сам из бластных, – удивленно протянул все тот же мужчина. – Вроде мал еще, чтобы по тракту кандалами звенеть, а язык их знаешь. Ты кто такой будешь?

– Пластун я местный, – вздохнул Елисей. – Значится так, мужики. Другу вашему еще долго болеть. А вас в крепости уже приметили. В общем, ежели не хотите, чтоб вас тут всех повязали, уходите. И чем быстрее, тем лучше.

– Куда? – растерянно спросил мужик.

– Ну, куда вы там пробирались? Вот туда и идите.

А в крепости вам делать нечего.

– Просто у тебя всё. Уходите. А как? Жрать что станем? Денег-то нету, – пробурчал другой мужик, взъерошив коротко стриженные волосы.

– А сейчас на что гуляете? – не остался в долгу Елисей.

– Так тут и зарабатываем. На базаре. Силенкой бог не обидел, вот и подражаемся, кому разгрузить чего, кому перенести. А хозяин за работу кормит.

– Вот и соберите себе харчей в дорогу работой. И чем быстрее, тем лучше. Но сразу скажу. Вздумаете на разбой выйти, пощады не будет. Узнаю, что ваша работа, всех положу, – спокойно, словно обсуждал погоду, пообещал парень.

– И кто из нас варнак после, – буркнул заводила, окидывая взглядом амуницию парня.

– Я не ради добычи охочусь, хотя и от трофеев не отказываюсь, – пожал парень плечами.

– А с Минькой что потом станется? – помолчав, спросил заводила.

– Излечится, отпущу, – отмахнулся Елисей. – Ни вы, ни он мне и даром не нужны. По мне, так главное, чтобы в крепости и окрест все тихо было. Все поняли?

– Поняли, – вздохнул заводила, растерянно перебирая пальцами.

– В общем, так, мужики, – подумав, вздохнул Елисей. – Раз уж у вас с деньгами совсем плохо, три дня вам даю. Но эти три дня чтоб тише воды и ниже травы у меня сидели. Не доводите до греха. Еще раз повторю, пощады не будет.

– Да что ты нас все пугаешь?! – вдруг возмутился третий мужик. – Что же мы, и не люди совсем, чтобы так-то с нами? Ты пойми, казак. Некуда нам идти. Понимаешь, некуда.

В голосе мужика прозвучал такой надрыв, что парень невольно вздрогнул. Помолчав, Елисей сложил руки на груди и, еще раз оглядев каждого из четверки, тихо спросил:

– А как же родня под Киевом?

– А нужны мы той родне? – успокаиваясь, проворчал мужик. – Им себя бы прокормить.

– Есть одно место, – задумчиво проговорил парень. – Но тут уж все от вас самих зависеть будет. Не испугаетесь, будет вам место, где жить можно.

– Чего нам теперь бояться, – отмахнулся заводила.

– В сорока верстах от крепости есть станица пустая. Четыре года назад мор там прошел. Все, кто в той станице жил, померли. Я последний из всех остался. Но дома там крепкие. Крыша над головой будет. Ну, а остальное только от вас зависит. Сумеете хозяйство поднять,

живите спокойно. Из властей туда никто не сунется. Мора бояться. Ну, а не сумеете, на все воля божья.

– Мор, говоришь, – задумчиво повторил заводи́ла. – А дорогу туда как найти, подскажешь?

* * *

Новый вызов в комендатуру застал Елисея на уроке грамматики. Мрачно вздохнув, парень передал ребят десятникам и, тихо выругавшись, вышел. Это уже начинало его напрягать. В комендатуру он ходил уже словно на работу. Стоило только чему-то в крепости произойти, как его тут вызывали. С таким настроением Елисей и ввалился в кабинет штабс-капитана. Увидев сидящего за столом полковника, парень покачал головой и, вздохнув, спросил голосом волка из мультика:

– Шо, опять?

– Чего опять? – не понял полковник, подавая ему руку.

– Опять у вас чего-то стряслось, – развел Елисей руками.

– Угадал, – грустно усмехнулся Тимофеев. – Снова твои умения требуются, Елисей. И на этот раз дело будет опасным.

– А когда у меня другие были? – хмыкнул Елисей. – Только вы же знаете, боец из меня пока никакой.

– Ты мне не для боя, а для другого дела надобен, – быстро ответил полковник, на долю секунды скосив глаза на коменданта.

«Ого, похоже, дело и вправду серьезное», – подумал Елисей.

– Кого ловим? Надеюсь, не все та же история с фальшивым серебром?

– Нет. Там господин Морозов веселится, – усмехнулся полковник. – Но дело серьезное, и на этот раз в Екатеринодаре.

– Так мне же ребят учить надо. А такая поездка на месяц, не меньше, – возмутился парень.

– Смело два клади, – кивнул полковник. – Но так уж сложилось, что мне нужен именно ты. Да и потом, других пластунов под рукой все одно нету. А тебе я доверять могу. Что называется, проверено делом.

– Когда выезжаем? – помолчав, обреченно уточнил парень, отлично понимая, что просто так контрразведчик от него не отстанет. Раз уж нашел время и не поленился приехать в крепость за ним лично, значит, дело и вправду серьезное.

– Надо бы, как ты любишь говорить, еще вчера, – усмехнулся полковник и, поднявшись, добавил: – Пойдем, покажешь мне, как у тебя там, в школе что устроено, заодно и поговорим.

Комендант, заметно уязвленный таким недоверием, иронично хмыкнул, но благоразумно промолчал. Тимофеев, понимая кивнул и, обернувшись, развел руками, произнес извиняющимся тоном:

– Ну, прости, Алексей Захарович. Я и ему-то не все расскажу. Дело уж больно пакостное.

– Опять, небось, лазутчики иноземные, – скривился комендант.

– Скажем так, и они тоже, – грустно улыбнулся контрразведчик и, попрощавшись, вышел из кабинета, прихватив с собой парня.

Они вышли из комендатуры, и полковник, остановившись, снял фуражку, подставив лицо летнему солнышку.

– Господи, хорошо-то как, – простонал он, вдыхая полной грудью чистый горный воздух. – Устал я, Елисей. С войной этой народ словно взбесился. Всякие доброхоты от политики повылезали, житья от них нет.

– Похоже, вы где-то тут очередной заговор нащупали, – задумчиво протянул Елисей, внимательно глядя на него.

– Говорил же, приятно с тобой дело иметь, – усмехнулся контрразведчик. – Только намекни чуть, а ты остальное сам додумаешь. Помнишь, как мы британцев по лесам искали?

– Такое забудешь, – хмыкнул Елисей.

– Вот-вот. В общем, пока мы с тобой их тут искали, мои люди по городам рыскали. Сам понимаешь, не могли они действовать на нашей территории без поддержки.

– Ну, это азбука, – пожал Елисей плечами. – Пути отхода им разные должны были готовить. Да и выгори у них дело с осадой, могли бы и сами тут легализоваться. Я в таких делах не силен, – на всякий случай подпустил Елисей сиротской слезы, – но думаю, что такие господа могут стать точкой объединения всех, кто недоволен властью в наших местах. А там и до вооруженного бунта не далеко.

– Молодец, – одобрительно кивнул контрразведчик. – Верно все разложил. Так оно и есть. В общем, нарыли мои орлы кой-чего. Нашли место, где вся эта камарилья собирается.

Полковник замолчал, с интересом поглядывая на парня. В ответ Елисей только пожал плечами, про себя решив, что и так уже вылез со своими познаниями слишком сильно.

– Что, и догадок нет никаких? – не удержался полковник.

– Говорю же, я в ваших играх не силен, – мотнул парень чубом. – Да и не сказали вы ничего толком. В общем, не вижу пока, чем полезен быть вам могу. Вы сказали, что помощники ваши многое узнать успели, вот потому и не понимаю, зачем тогда вам я. Ваша служба и следы нашла, и всех, кто в той камарилье пляшет, срисовали. В чем тогда моя задача? – прямо спросил он, глядя полковнику в глаза.

– Операция наша к завершению идет, и мне очень нужно твое умение находить всяческие тайники. Уж прости, но в этом деле ты всем моим парням скопом фору дашь, – обозначил свой интерес контрразведчик.

– Собираетесь их всех разом брать? – помолчал, деловито уточнил Елисей.

– Именно.

– М-да, работы много будет, – проворчал парень, почесывая в затылке.

– Да ты не беспокойся. Всю работу мои люди сделают. Ты только подскажи, где искать надо.

– А что ваши? Совсем обыскивать не умеют? – не удержался Елисей от шпильки.

– Умеют. Но не так ловко, как ты. Времени много потеряем, ежели станем все места, где тайник устроить можно, вскрывать. А дело весьма серьезное.

– Добре. Но карабин на всякий случай все одно с собой возьму, – честно предупредил парень.

– Да хоть мортиру свою бери, – отмахнулся полковник. – Я тебе в сопровождение своего подпоручика дам. Никто и рта раскрыть не посмеет.

– Ого! Похоже, все и вправду очень серьезно, – охнул Елисей.

– Ты и не представляешь, насколько, – решительно кивнул полковник. – Его высокопревосходительство, генерал-губернатор, как услышал, что у него под боком лазутчики с нашими предателями спелись, так осерчал, что самолично мне бумагу на все действия выписал. Так что ситуация у моей службы теперь – или пан, или пропал. Так что иди, собирайся. Сегодня же и отправимся. Утром нам надо в Пятигорске быть.

«Хватай мешки, вокзал поехал», – проворчал про себя парень, направляясь к дому.

Но отказать полковнику он не мог. Это было бы неправильно. К тому же парню и самому было интересно посмотреть на один из самых больших городов региона. Сменить обстановку на некоторое время ему было полезно. Пройдя в дом, Елисей собрал ребят и, объяснив им, почему и куда должен уехать, приказал десятникам проводить занятия под руководством ста-

рых казаков. Быстро собрав все необходимое, он закинул в свой вещмешок пяток гранат и, попрощавшись, отправился в комендатуру.

К удивлению парня, полковник уже дожидался его, стоя возле безликой кареты, рядом с которой сидели верхами десятков казаков. С первого взгляда сообразив, что это бойцы не местные, Елисей снял папаху и, с достоинством поклонившись, поздоровался первым. Казаки, удивленно разглядывая его, ответили вразнобой, но не промолчал никто. Полковник нетерпеливо махнул ему рукой, указывая на карету:

– Садись. Некогда китайские церемонии разводить.

И к тому же ты теперь дворянское достоинство имеешь. Это они с тобой первыми здороваться должны, – ехидно напомнил он.

– Ошибаетесь, господин полковник. То, что я дворянином стал, не дает мне права про заветы предков забывать, – гордо выпрямившись, отрезал Елисей. – В наших местах испокон веку заведено – младший со старшим первым здоровается.

Внимательно слушавшие их разговор казаки быстро переглянулись и одобрительно заусмеялись, поглядывая на растерявшегося полковника.

– Ну, для меня все ваши устои всегда темным лесом были, – выкрутился тот. – Все, Елисей. Садись, время теряем.

Вместо ответа, парень сделал полшага в сторону и указал ему ладонью на дверь кареты. Сообразив, что парень пропускает его первым, полковник фыркнул и, быстро вскочив в карету, нетерпеливо оглянулся на Елисея. Аккуратно поставив вещмешок на пол, парень уселся и, захлопнув дверцу, спокойно пояснил, кивая на вещи:

– Я там пару гранат на всякий случай прихватил. Так что лучше лишний раз не ронять.

– Похоже, про мортиру я зря сказал, – растерянно буркнул полковник, удивленно глядя на вещмешок.

– Я считаю, пусть лучше будет и не понадобится, чем понадобится, а нету, – пожал Елисей плечами. – В нашем деле никогда не угадаешь, где чего пригодиться может.

– Ты только в азарте не забудь, что там не лес, а большой город. А то начнешь гранатами своими раскидываться, – усмехнулся полковник несколько нервно.

– Господь с вами, Александр Савич, что же я, зверь какой? – возмутился парень. – Говорю же, это все так, на всякий случай. Не пригодится, и слава богу. А уж если потребуется, не придется локти кусать. Сами знаете, эти лазутчики на любую гадость способны.

– Да уж, – скривился полковник.

Карета выкатилась из ворот крепости и, прибавив ходу, покатила к городу. Елисей, поставив карабин между колен, откинулся на спинку сиденья и, помолчав, тихо спросил:

– Александр Савич, а если совсем откровенно, зачем я вам вдруг так сильно понадобился? Ну не верю я, что ваши люди не умеют всякие помещения толком обыскивать. Не та у вас служба, чтобы неумех держать.

– И как только у тебя это получается, – проворчал полковник, задумчиво поглядывая на него. – Кто же тебя учил такому?

– Самому бы знать, – привычно отговорился Елисей. – Но вы мне не ответили.

– А чего тут отвечать, – вздохнул полковник. – Прав ты. Опять прав. И нужен ты мне не столько тайники искать, хотя и это тоже, конечно, а больше всего мне нужна твоя наблюдательность. Умение замечать то, чего другие не видят.

– И за кем я должен буду наблюдать? – не понял Елисей.

– Ты в игру вступишь, когда мои люди отработают. Для обысков нам придется каждого арестованного привозить к нему на дом, предварительно их жилье опечатав. И вот тогда, при обыске, ты и будешь за теми арестованными наблюдать. Ведь, помимо обыска, там будет и допрос вестись.

«Блин, я тебе что, детектор лжи, что ли?» – возмутился про себя парень, все еще не понимая конечной цели этого предприятия.

– Я донос тот, от вольноопределяющегося, хорошо помню. Он тогда написал, что ты за лицом того британца внимательно наблюдал и по каким-то только тебе заметным признакам понял, что он не тот, за кого себя выдает.

– Ну, так это старая наука. Еще монахами иезуитами придуманная. Кажется, она физиогномика называется, – протянул Елисей, делая вид, что вспоминает сложное название.

– Вот-вот. Только я про ту науку слышал, а ты про нее знаешь. Как так, не объяснишь? – бросил он на парня острый взгляд.

– Александр Савич, ну вы же знаете. Не помню я ничего про учение свое. Как отрезало, – вздохнул парень, огорченно покачав головой. – А вот почему ваша служба такой полезной штукой пользоваться не желает? – быстренько перевел он стрелки.

– Желает, да только мастеров таких, чтобы умели этому правильно обучить, днем с огнем не найти. Не иезуитам же нам кланяться, – развел полковник руками.

– Да уж, этим лучше не надо, – презрительно фыркнул Елисей.

Карета подпрыгнула на ухабе, и парень, чтобы не уронить винтовку, привычно прижал ее локтем.

– Гранаты твои от таких подпрыжек не рванут? – сменил тему полковник, кивнув на вещмешок.

– Не должны, – равнодушно отмахнулся Елисей. – Я их чистым исподним обложил.

– Успокоил, – вдруг расхохотался полковник, разом растеряв всю свою серьезность.

* * *

Ночевать они встали на постоялом дворе в большом селе под звучным названием Георгиевское. Елисей, едва услышав это название, тут же сделал стойку, проведя параллель с городом Георгиевском своего времени. Но сколько он ни крутил головой, высматривая хоть что-то, что могло бы напомнить ему знакомые места, так ничего и не нашел. Просто большое южное село, живущее своим миром и не обращающее внимания на то, что творится за околицей.

Единственное его достоинство, что построено оно было на перекрестке двух торговых трактов. Так что треть жителей села кормились именно с дороги. Тут даже свой базар был, на который съезжались жители окрестных поселений. Карета вкатилась на подворье, и седоки, выбравшись наружу, принялись разминать кости, прохаживаясь по двору. Десяток казаков, сопровождавших карету, соскочили с коней и принялись вываживать их, давая остыть.

Глядя на них, Елисей только удрученно вздохнул. Езда в карете давно уже заставила его пожалеть о своей ране. Будь его воля, он бы с удовольствием передвигался верхом на своем Буяне, а не трясся бы в этой неуклюжей коробке.

– Что, завидуешь? – понимающе усмехнулся полковник, заметив его взгляд.

– Угу, не будь раны, я бы верхом поехал, – кивнул парень, машинально потирая бок.

– Неужто болит еще? – удивился контрразведчик.

– Если чем тяжелым занимаюсь, ныть начинает еще, – нехотя признался парень.

– А травница твоя что говорит? – не унимался полковник.

– Сказала, пройдет, – снова вздохнул парень.

– Ладно, не переживай. Все одно нам с тобой еще многое обсудить надо. Так что верхом бы у тебя все равно не получилось, – усмехнулся полковник, хлопнув его по плечу. – Пошли вовнутрь. Есть уже хочется, – с улыбкой признался он, направляясь к крыльцу.

Елисей выпустил еще один страдальческий вздох и покорно последовал за контрразведчиком. Пройдя в обеденный зал, или бог его знает, как оно тут у них называется, парень с интересом осмотрелся и одобрительно хмыкнул. Зал был большим, светлым, с потолком, беленным

известью. К огромному удивлению парня, тут явно пользовались не свечами, а лампами. Во всяком случае, нигде не было видно сажи или нагара.

Хозяин заведения, очевидно уже предупрежденный кем-то из сопровождения, поспешил лично встретить знатных гостей. Вежливо поклонившись полковнику, он с недоумением оглядел парня и отвесил ему поклон заметно скромнее, чем контрразведчику. Хозяин явно не понимал, как воспринимать молодого казака, который умудрялся на равных держаться с офицером в немалом чине.

Глядя на его мучения, Елисей только злорадно усмехнулся про себя и, ткнув пальцем в стол в дальнем конце зала, решительно предложил:

– Александр Савич, давайте вон там сядем. И зал видно, и из окна не дотянутся, ежели что.

– А что ежели что? – с интересом уточнил полковник.

– Ну, про дальний выстрел я вам как-то рассказывал, – пожал Елисей плечами, направляясь к выбранному столу.

Хозяин постоялого двора аж поперхнулся от такого заявления. Полковник, сообразив, о чем он говорит, с сомнением покосился в окно и, покрутив головой, последовал за ним. Елисей, усевшись спиной к стене, осмотрелся и, повернувшись к хозяину, спросил:

– А меню у вас тут подают?

– Простите-с, но меню не имеем-с, – протянул мужик с заметной растерянностью.

– Ну, тогда хоть расскажите, что есть, – аристократично махнул парень рукой.

– Э-э, щи суточные, уха из стерляди, борщ с пампушками, – принялся перечислять хозяин. – Из закусок холодца могу предложить, есть караси в сметане, заяц печеный, пороса с кашей. Пироги с ягодой, халва тоже имеется, шербет подать можем. Квас, сбитень, чай, само собой. Кофий также имеется, – явно сев на своего любимого конька, важно приосанился хозяин.

– Ну, тогда мне борща, карасей и зайца. Потом чаю с пирогами, – быстро перечислил Елисей, чувствуя, как от перечисленных блюд подвело живот.

Полковник сделал свой заказ, и хозяин, поклонившись, отправился на кухню. Тимофеев, проводив его взглядом, повернулся к парню и, лукаво усмехнувшись, тихо спросил:

– Ты чего над человеком издеваешься? Чем он тебе не глянулся?

– Бестия продувная, – фыркнул парень, снимая папаху и взъершав себе волосы. – Мундир себе, что ли, пошить какой, чтоб всем сразу ясно было, кто я такой и как мне кланяться надо? – поддел он полковника.

– Угу, а через день ты тот мундир своими руками спалишь, – рассмеялся тот. – Нет, брат. Тебе и в черкеске удобно. А на остальных тебе плевать с высокой колокольни. Или я не прав?

– Правы, конечно, – усмехнулся Елисей.

Тут к столу подошла крупная, дебелая подавальщица и принялась ловко расставлять перед гостями посуду. Работала молодуха ловко, успевая при этом еще и постреливать в гостей глазами. Глядя на нее, Елисей вдруг понял, что деваха уже точно знает, сколько у них денег в карманах и кто из них чего стоит. Во всяком случае, на его набитых костяшках кулаков взгляд ее задержался несколько дольше, чем на всем остальном. Потом он переместился на револьверы и перевязь с ножами.

Прятать оружие Елисею даже в голову не пришло. Только карабин он оставил в карете, которую остались охранять два казака из сопровождения. Остальные, обиходив коней, уже рассаживались в зале, негромко гомоня и бросая на охраняемых недоуменные взгляды. Похоже, они так и не смогли понять, кто же едет с полковником в одной карете. Полковник уже с удовольствием хлебал наваристый борщ, когда парень, жестом подозвав к столу подавальщицу, выложил на стол рубль и, кивая на казаков, велел:

– Пива им отнеси.

– Они же вроде на службе, – удивился контрразведчик.

– Потому и заказал пива, а не вина, – пожал парень плечами. – А за службу не беспокойтесь. Казаки свое дело туго знают.

Подавальщица выставила перед казаками пять кувшинов примерно литра по три каждый и отправилась за кружками. Бойцы, удивленно переглянувшись, дружно оглянулись на своих подопечных. Потом, очевидно что-то решив для себя, десятник, казак средних лет, расправил усы и, поднявшись, подошел к столу своих охраняемых.

– Благодарствуем за угощение, ваше благородие, – негромко пробасил он, чуть склонив голову и глядя на полковника.

– Это он, – тут же перевел стрелки контрразведчик, ткнув ложкой в парня.

– Благодарствую, – повторил казак, с интересом рассматривая Елисея.

– На здоровье, казаки. Я правила знаю, – усмехнулся Елисей.

Кивнув, десятник вернулся к столу и занялся едой. Полковник, с интересом проследив за этим коротким диалогом, все так же тихо спросил:

– И что это было?

– Это старое правило. Пока казаки в дороге по службе спиртного ни-ни. А как на постой где в дороге встали в селе, то малость для отдыха принять можно. А уж после возвращения добрый поход отметить сам бог велел. Вот потому и пиво. Сегодня все одно тут ночевать станем. А утром им снова на службе быть.

– И много у вас таких правил? – подумав, уточнил контрразведчик.

– Так вся наша жизнь из них состоит. Законов у казаков всегда мало было. Но были правила, пращурами придуманные и нам завещанные. Вот по ним всегда и жили. А закон у нас всегда один был. Божий, – пожал парень плечами.

– Ну, теперь я начинаю понимать, почему ваше племя всегда наособицу держалось, на имперские законы наплевав, – усмехнулся полковник.

– Так казачество и возникло в противовес империи, – улыбнулся Елисей. – Это же те, кто с законами не согласен был, на окраины бежали и в ватаги сбивались. К тому же местные станицы всегда своим укладом жили. Еще до того, как империя вообще возникла.

– Слышал я те легенды, – отмахнулся полковник. – Мол, в этих местах казаки еще с хазарами воевали.

– А это не легенды, – спокойно ответил Елисей, глядя ему в глаза. – Тут семьи есть, которые от таких казаков свой род и ведут. К примеру, я из таких.

– Шутишь? – удивленно уточнил контрразведчик.

– Не та тема, чтобы шутки шутить. В крепости я еще троих знаю, кто из таких родов.

– Это что же тогда получается? Вы вроде как казацкая элита? – осторожно поддел его контрразведчик.

– Так и есть. Потому и говорим: казак от роду. Родовой казак.

– И проверить это как-то можно? – не сдавался полковник.

– Книги церковные если поднять, то в глубь веков проследить можно. Но рода еще раньше были.

– А это как проверить? – тут же последовал новый вопрос.

– А вот это только наш секрет, – жестко отрезал парень. – Нам, ежели нужно будет, то узнать не сложно.

– Однако, – растерялся контрразведчик. – Неужто правда?

– Чистая, – спокойно кивнул Елисей.

Расправившись с поданным угощением, он откинулся на стену и, с удовольствием попивая чай, незаметно оглядывал начавший наполняться зал. Народу заметно прибавилось. Тут были и купцы со своими приказчиками и подручными, были и артельные ватаги, заходили и казаки, выпить пива и обменяться новостями. В общем, жизнь шла своим чередом. Но внимание парня привлекла странная компания.

Трое молодых мужчин, державшихся от всех особняком. Хорошо одетые, крепкие, с цепкими, внимательными взглядами. Они сканировали зал словно радаром, явно кого-то высматривая. Дверь открылась, и в зал вошел пожилой мужчина, в сопровождении молодой девушки. За ними вошли еще двое, явно слуги. Мужчина осмотрелся и, заметив стол, за которым сидели парень с полковником, направился в их сторону.

Елисей чуть слышно кашлянул, привлекая внимание контрразведчика к подходившему дворянину. Полковник, задумавшись, едва заметно вздрогнул и, вскинув взгляд, чуть подобрался.

– Добрый вечер, сударь, вы позволите присоединиться к вам за столом? – вежливо поинтересовался мужчина.

– Сделайте одолжение, – проявил полковник любезность.

Мужчина помог девушке присесть и, усевшись сам, представился:

– Кокорин, Модест Петрович, из дворян. Моя племянница, Елена Ивановна.

– Полковник Тимофеев, Александр Савич. А этот молодой человек, Елисей, директор школы пластунов, – без улыбки представил контрразведчик парня, но в глазах его бесенята так и проскакивали.

– Директор? – явно растерялся Модест Петрович. – Шутить изволите, сударь? По-моему, молодой человек слишком юн для такого чина.

– Отнюдь, сударь. Чин сей он получил за свои дела, направленные на благо государства. На то и бумаги соответствующие имеются, – с достоинством отозвался полковник. – Но уж если вы так настаиваете изволите, готов дать вам в том свое слово офицера.

– Господь с вами, сударь, – всполошился Модест Петрович, не ожидавший такой реакции офицера. – Я и не думал сомневаться. Просто он и вправду слишком юн.

– Возраст – это недостаток, который с годами проходит, – не удержавшись, фыркнул Елисей, снова наполняя свой стакан чаем.

– Приношу свои извинения, молодой человек, – склонил Кокорин голову. – Видит бог, и в мыслях не держал вас обидеть.

– Я не в обиде, – улыбнулся Елисей одними губами. – Тем более что вы правы. Я действительно слишком молод для такой должности. Но так уж сложилось, что никого старше просто не нашлось.

Отвечая, Елисей краем глаза продолжал наблюдать за непонятной троицей. Те явно возбудились, когда в зал вошли Кокорин с племянницей. Девушка за все время беседы не проронила ни слова. Но трое неизвестных не сводили с нее глаз. Дождавшись, когда полковник закончит ужин, Елисей поднялся и, попрощавшись, отправился в комнату, отведенную ему, попутно попросив служанку принести в комнату воды.

Скинув амуницию, он неспешно умылся и, раздевшись до исподнего, с удовольствием растянулся на широкой кровати. Трясущий экипаж утомил его сильнее, чем долгая скачка верхом. Гомон в зале начал постепенно стихать, и вскоре наступила почти гробовая тишина, изредка нарушаемая только шагами прислуги.

* * *

Проснулся Елисей разом, словно рывком. Сев на кровати, парень пару секунд пытался понять, что произошло и что его вдруг разбудило. Убедившись, что в комнате все нормально, он осторожно поднялся и, бесшумно ступая босыми ногами по скрипучим доскам пола, подобрался к двери. Ощупав кончиками пальцев крючок на двери и убедившись, что с ним все в порядке, Елисей задумчиво хмыкнул и уже собирался вернуться в постель, когда услышал за дверью чей-то еле слышный шепот.

Кто-то так же тихо что-то проворчал в ответ, и парень понял, что это совсем не прислуга. Голоса были мужские, а на постоялом дворе служили в основном женщины. Конюха и кухонную службу он не считал. Там в основном были мальчишки на посылах. Подавальщицы в зале и горничные на жилом этаже к мужскому полу отношения явно не имели. Приложив ухо к двери, Елисей вслушался с происходящее в коридоре.

Судя по направлению, неизвестные толклись у двери напротив его. Кто-то осторожно переступил с ноги на ногу, заставив скрипнуть половицу. На него тут же зашикали. Потом что-то еле слышно брякнуло, и Елисей чуть заметно вздрогнул. Следом за этим звуком раздался звук взводимого курка. Уж этот щелчок он не перепутал бы никогда и ни с чем.

Все так же бесшумно метнувшись обратно к кровати, парень моментально запрыгнул в штаны, натянул рубашку и, парой движений намотав портянки, вбил ноги в сапоги. Надевать черкеску и папаху Елисей не стал. Не до того было. Выхватив из кобур оба револьвера, парень осторожно вернулся к дверям и, придерживая ее за ручку, аккуратно снял с петли крючок.

Постояв с минуту и убедившись, что в коридоре все стихло, парень медленно, по миллиметру, приоткрыл свою дверь и, выглянув в образовавшуюся щель, убедился в своих догадках. Неизвестные проникли в нужный им номер, старательно прикрыв за собой дверь. Но, не удерживаемая крючком, она слегка приоткрылась. Именно эту вертикальную полосу Елисей и рассмотрел на фоне чернильной темноты коридора.

Сунув револьверы за спину, парень выбрался в коридор и присел под стеной рядом с дверью комнаты, куда проникли неизвестные. Устраивать пальбу с непонятным противником Елисей не собирался. Слишком многое пока было непонятно. Но и стоять в стороне он не собирался. Уж слишком все было подозрительно. Наконец, шепуршание в комнате стихло, и дверь распахнулась. Из комнаты высунулась мужская физиономия и, быстро оглядевшись, втянулась обратно.

После этого дверь открыли нараспашку и в коридор осторожно вышли двое, неся что-то продолговатое, завернутое в одеяла. Третий неизвестный, выйдя следом, принялся аккуратно запирает дверь обратно. Плавню выпрямившись, Елисей выхватил оба револьвера и негромко скомандовал:

– А ну замерли, варнаки.

Орать в данной ситуации было не обязательно. Едва услышав его голос, вся троица дружно вздрогнула и замерла в нелепых позах, словно в стоп-кадре. Шумно выдохнув, запиравший дверь мужик медленно повернул голову в сторону парня и, громко сглотнув, прохрипел:

– Не лез бы ты в это дело, мил человек. Спать ступай, здоровее будешь.

– Пасть захлопни и на пол ложись, – зарычал в ответ Елисей, взводя курки сразу на обоих револьверах.

– Пожалеешь ведь, парень, – не унимался неизвестный, даже не делая попытки выполнить команду.

Вместо ответа Елисей ткнул стволом левого револьвера в ребра ближайшему несуну и, чуть повернув правую руку, нажал на спуск. Срез ствола оказался прямо напротив его уха. Грохнул выстрел, и мужик, испуганно вскрикнув, повалился на пол.

– Теперь вы двое. Положили, что несете, осторожно на пол и сами мордами вниз. Кто хоть пальцем лишний раз шевельнет, башку разнесу, – еще громче зарычал Елисей, сам едва не оглохнув от выстрела.

В комнатах послышались голоса, а по лестнице застучали шаги. Стены коридора осветились дрожащими сполохами свечных фонарей. В коридор выбежали казаки с оружием в руках. Рассмотрев стоящего над тремя мужиками парня, они удивленно переглянулись и, быстро упав на всех лежащих, вздернули их на ноги. Елисей, убирая револьверы за пояс, огляделся и, кивнув на дверь, сообщил:

– Они из этой комнаты вышли. Гляньте, что там.

Кивнув, десятник жестом отправил двух подчиненных в комнату. Казаки, быстро проскользнув в помещение, спустя минуту вернулись обратно и, смущенно усмехаясь, доложили:

– Барышня там была. Исподнее разложено.

– Как так была? – удивился десятник.

– Похоже, это она, – сообразил Елисей, жестом указывая на тюк.

– Ох ты ж, господи. Никак людоловы попались, – ахнул десятник и, выхватив кинжал, одним ловким движением вспорол одеяло.

Догадка парня оказалась верна. В упаковке действительно лежала Елена Ивановна, как ее представил господин Кокорин. Десятник быстро приложил пальцы к шее девушки и, облегченно улыбнувшись, проворчал:

– Слава те, господи, жива.

– Чем усыпили? – повернулся Елисей к схваченным мужикам.

Те в ответ только угрюмо отмалчивались.

– Обыщите их. Все, что в карманах найдете, вот сюда, на свет, – скомандовал Елисей, и казаки, получив подтверждающий кивок от десятника, принялись потрошить пленников.

Ножи, кистень, пара кастетов и пара жилетных пистолетов легли отдельной кучкой. Рядом казаки выложили все найденные деньги, документы и бумаги.

– Что здесь происходит? – послышался вопрос, и в круг света вступил полковник Тимофеев. Полностью одетый и застегнутый на все пуговицы.

– Людоловов схватили, ваше высокоблагородие, – коротко доложил десятник.

– Елисей, опять твои шуточки? – поинтересовался полковник, настороженно глядя на парня.

– Да уж какие тут шутки, Александр Савич, – фыркнул парень. – Проснулся от того, что под дверью шепчется кто-то. Оделся, в коридор вышел, а дверь напротив приоткрыта. Вот и пришлось порядок наводить, – развел он руками.

– Леночка! Что с ней! – послышался вскрик, и к спящей девушке, протолкавшись сквозь казаков, бросился господин Кокорин. – Господи! Да что же это такое! Что с ней, господа?! – вопрошал неутешный дядюшка, теребя спящую красавицу.

– Усыпили чем-то, потому и не отзывается, – коротко поведал Елисей, принимаясь перезаряжать револьвер.

– Усыпили? Чем? – вскинулся мужчина.

– Сейчас узнаем, – мрачно пообещал парень, покосившись на главаря банды.

В ответ тот только презрительно скривился.

– А привяжите-ка мне этих людоловов к коновязи, казаки, – попросил Елисей, зловеще усмехнувшись. – И нагайки приготовьте. Пусть господа людоловы попробуют казацкого угощения.

Десятник вопросительно покосился на полковника, но тот, моментально уловив, что Елисей затеял какую-то игру, решительно заявил:

– Выполняйте, десятник. И вообще, до моего особого распоряжения его приказы исполнять как мои собственные. Сам разберешься? – повернулся он к парню.

– Не извольте беспокоиться, Александр Савич. Все расскажут, или я из их шкур нам с вами перчаток нашью, – усмехнулся Елисей так, что вздрогнули даже казаки.

– Эфиром усыпили, – хрипло ответил главарь. – Пузырек я в комнате оставил. И тряпицу тоже. Не нужны более.

– Точно чистый эфир, или добавили чего? – на всякий случай уточнил Елисей.

– Точно. Нам бы только до околицы ее донести было. А там ищи ветра в поле, – бледно усмехнулся главарь.

– И зачем она вам? – тут же спросил Елисей, словно случайно наводя ствол револьвера на низ живота пленника.

– Заплатили нам. Сказали, белобрысая девка нужна, не тронутая, из благородных. Мы потому сюда и приехали. На тракте такую найти всегда легче, чем по селам да городам искать.

– И давно этим промышляете? – помолчав, мрачно спросил Елисей.

– Не считал. Деньги платят, и ладно, – фыркнул гвардеец, явно собрав в кучу все остатки собственной наглости.

– Придется их в полицию сдавать, – негромко проворчал полковник.

– Не все так просто, Александр Савич, – ответил Елисей, заметив мелькнувший в глазах гвардейца огонек торжества. – Сдается мне, эти господа больше по вашему ведомству проходят.

– ?.. – В глазах полковника стоял один большой вопрос.

– А кому они тех девок передают? Не думаю, что кто-то решится из краденых девушек себе гарем завести на территории империи, – прозрачно намекнул парень.

– Связать, и под замок. Глаз не спускать, – жестко приказал полковник, повернувшись к десятнику. – И перенесите, наконец, девицу обратно в комнату, что она у вас на полу лежит. Модест Петрович, сходите к хозяину, пусть пришлет служанку поумнее, прибрать племянницу вашу.

– Конечно, конечно, – засуетился Кокорин и, тяжело поднявшись на ноги, поспешил к лестнице.

Казаки осторожно перенесли девицу обратно в комнату и уволокли арестованных. В коридоре остался только десятник и пара казаков постарше. Полковник, тяжело вздохнув, расстегнул две верхние пуговицы мундира и, покрутив головой, проворчал:

– Опять не выплусь. И так с делами голова дурная, а тут ты еще забот на пустом месте добавил.

– Так что же мне, стоять и смотреть, как девчонку крадут? – удивленно фыркнул парень.

– Да я не о том, – отмахнулся контрразведчик. – Все ты правильно сделал. Это я так, от усталости ворчу.

– Так ложитесь отдыхать, – пожал Елисей плечами. – Утром вас будить не станем. Отоспитесь, там и поедем. Пара часов нам погоды не сделают, а свежая голова в деле всегда полезнее.

– Тоже верно, – снова вздохнул полковник. – А сам чем займешься?

– Теперь и не знаю, – смутился Елисей, сообразив, что сна нет ни в одном глазу. – Людоловов этих сейчас допрашивать бесполезно. А дел других и нет.

– Так, может, к нам, чаю попьем да погугорим? – осторожно предложил десятник. – Все одно весь сон сломали, сволочи.

– Тоже верно, – подумав, кивнул Елисей. – Спущусь.

Полковник с подозрением оглядел казаков, парня и, не найдя в их словах ничего предосудительного, махнул рукой, после чего, развернувшись, не спеша отправился в свою комнату. Пройдя к себе, Елисей быстро надел черкеску, подпоясался, накинул перевязь с ножами и, закрыв за собой дверь, отправился в дом для прислуги, специально выстроенный хозяином постоялого двора.

Комнаты он сдавал только чистой публике. Для слуг им был предусмотрен отдельный домик, что-то вроде казармы, разделенной на отдельные кубрики. Такого Елисей нигде не встречал, но судя по всему, и комнаты и казарма не пустовали. Пока он собирался, казаки уже успели отжать у хозяина самовар и раскопчегарить его. Сонная подавальщица таскала с кухни все необходимое для чаепития. На столе уже стояли колотый сахар, какое-то варенье и пироги, явно с ягодой.

Оглядев это изобилие, Елисей одобрительно кивнул и, сняв папаху, степенно перекрестился. Казаки дружно повторили его жест и, рассевшись, принялись с интересом рассматри-

вать его. Понимая, что позвали его сюда не просто так, Елисей чуть улыбнулся и, повернувшись к десятнику, спросил:

- Как величать тебя, казак?
- Савелием крестили. Так и зови, – чуть усмехнулся десятник.
- Елисей Кречет, – склонил голову парень. – Последний в роду, из станицы Пригорской.
- Погоди, так это же у вас там мор был! – вскинулся десятник.
- Вот потому последним и остался, – грустно кивнул Елисей.
- Кречет, говоришь, – задумчиво повторил десятник. – А Руслан Кречет тебе кем будет?
- Дедом.
- От значит как, – удивленно протянул десятник. – Выходит, не сгинул род.
- Даст бог, подниму, – решительно кивнул Елисей.
- А с полковником ты каким боком?
- Так я у пластунов в крепости поучиться успел, вот он теперь меня с собой и таскает,

когда дело особо пакостное намечается. Довелось мне случаем ему пособить крепко, вот он и решил, что я ему удачу приношу, – добавил шутки парень.

– Зря смеешься. Удача, она девка вертлявая, к кому ни попадя не ластится, – не принял шутки десятник. – А у тебя с ней, похоже, и вправду любовь. Вон как ловко один троих положил.

– Удача – не девка. Ее свыше подают, – ответил Елисей, касаясь пальцем груди, где висела громовая стрела.

Увидев этот жест, десятник удивленно распахнул глаза и, обрадованно улыбувшись, точно так же коснулся пальцем собственной груди.

* * *

Нещадно пыля, карета вкатилась в город и, проехав его почти насквозь, оказалась на широкой площади, мощенной брусчаткой. Остановившись у помпезного трехэтажного здания, кучер спрыгнул с козел и, потянувшись, распахнул дверцу. Тимофеев, первым выбравшись на улицу, устало покрутил головой, разминая шею, и, оглянувшись на подъехавших следом казаков, негромко приказал:

– Этих троих сразу в холодную. Я сейчас уговорюсь. Десятник, к ним своих людей приставишь, чтобы чего не вышло. Остальным отдыхать пока. Пошли, – обернулся он к выбравшемуся из кареты Елисею.

Коротко угукнув, парень взъерошил пятерней волосы и, надев папаху, последовал за полковником. В холле здания оказалось прохладно и после яркого уличного солнца почти темно.

Поднявшись на второй этаж, контрразведчик предъявил какому-то чиновнику бумагу и, чуть усмехнувшись, когда у того вытянулось лицо, приказал:

– Найдите квартиру, а лучше отдельный дом. И пусть документы все подготовят. Казаки, что со мной прибыли, у камер будут караул нести. Туда требуется поселить людоловов, что сейчас в телеге у входа сидят. И проследите, чтобы никто не смел к ним соваться. Этими позже займемся. И без того забот хватает. Все понятно?

– Точно так-с, не извольте беспокоиться, ваше высокопревосходительство, сей момент все исполним, – засуетился чиновник, вскакивая из-за стола. – Не желаете ли передохнуть с дороги? Тут рядом ресторан вполне приличный имеется. Не столичный, конечно, но по нашей глухомани вполне себе ничего.

– Понятно. Документы, значит, пока не готовы, – понимающе хмыкнул полковник и, обернувшись к парню, спросил: – Ну что? Может, и вправду перекусим пока?

– Пожалуй, Александр Савич, – подумав, кивнул Елисей. – Только умыться бы прежде с дороги.

– Это само собой, – решительно кивнул полковник. – Прикажете пока номера в гостинице снять. Себя в порядок приведем и пообедаем. А уж после не обессудьте, ежели что-то снова не готово будет, – зловеще пообещал он чиновнику.

– Сей момент, ваше высокоблагородие, сей момент, – снова засуетился чиновник, чуть заикаясь и обильно потея.

Схватив со стола колокольчик, он вызвал какого-то мелкого клерка и, то и дело срываясь на фальцет, потребовал в пожарном порядке обеспечить господина полковника всем необходимым. Спустя четверть часа после приезда контрразведчика в город здание городской управы бурлило, словно забытый на печке чайник. Почему Тимофеев начал именно отсюда и почему контрразведка оказалась в здании управы, Елисей так и не понял, но лезть со своими мыслями в местные порядки не решился.

Только оказавшись на улице, он не удержался и, подстроившись под шаг полковника, тихо спросил:

– Александр Савич, а почему ваша служба тут оказалась, а не в штабе войск?

– Не любят господа офицеры наше соседство, – скривился полковник. – Считают, что мы сразу за ними следить начнем. Да и черт с ними. Нам так даже лучше. Работать легче.

– А чего свое здание не поставите? – не удержался Елисей. – Тогда бы вы сами себе хозяевами были. И в подвале можно свою холодную организовать.

– Вот сразу видно, что ничегошеньки ты о нашей службе толком не знаешь. Как пластуну тебе цены нет, а вот чиновником тебе никогда не стать, – грустно усмехнулся полковник. – Мало нас, дружок. На весь уезд всего полтора десятка человек.

– А как же тогда они тут работали? – растерялся парень, услышав подобные цифры.

– Так прислали из других городов, – развел полковник руками. – Ладно. То уж наши внутренние заботы. А ты пока рядом со мной держись и все, что видишь, на ус мотай. Пригодится. А то сидишь в своей крепости, словно бирюк.

– Знаете, как солдаты говорят? Службу нужно проводить поближе к кухне и подальше от начальства, – усмехнулся в ответ Елисей. – Так что в крепости мне самое место. И воля полная, и начальства над головой никакого.

– И вправду бирюк, – рассмеялся Тимофеев.

Они вошли в гостиницу, оказавшуюся на другой стороне площади, и портье, уже явно накрученный местными чиновниками, тут же рассыпался мелким бесом, стараясь угодить высоким гостям. Оказавшись в своем номере, Елисей первым делом разделся до исподнего и отправился проверять туалетную комнату. Тут уже стояла большая деревянная бадья, заменявшая ванну, и двое слуг шустро наполняли ее горячей водой.

Дождавшись, когда ванна будет готова, парень выгнал слуг и, раздевшись, с блаженным стоном погрузился в воду. Нырнув с головой, он высидел так, сколько мог, и, медленно вынырнув, тряхнул головой, стряхивая воду с лица. Но едва только парень открыл глаза, как едва тут же не нырнул обратно. Рядом с бадьей стояла молодая женщина в нижней рубахе с мочалкой в руках.

Взяв себя в руки, Елисей быстро огляделся и, откашлявшись, спросил:

– Ты кто, красавишна?

– Анюта я, сударь. Прислали мыться вам помогать, – улыбнулась девушка, ловко намыливая мочалку.

– Ладно, – кивнул парень, делая вид, что все так и должно быть.

Анюта велела ему подняться и принялась ловко намыливать парню торс, но когда зашла за спину, тихо охнула, разглядев свежий шрам.

– Не бойся. Там уже зажило почти, – поспешил успокоить ее Елисей.

– Чем это вас так, сударь? – не сдержала девушка любопытства, осторожно намыливая ему спину.

– Пулей, – вздохнул парень, блаженствуя под ее сильными руками.

– А на плече?

– То шашкой достали.

– Однако повоевали вы, сударь.

– Служба такая, – вздохнул Елисей, погружаясь в воду, чтобы смыть пену. – На то и казак, – добавил он, протягивая руку за мылом, чтобы вымыть волосы.

– Сидите сударь. Сама справлюсь, – отобрала у него плоску Анюта.

Спустя десять минут, окончательно разомлевший от мытья и горячей воды, парень нехотя выбрался из бадьи и потянулся за простыней, когда к его спине прижалось упругое и горячее тело девушки.

– Ох, и хорош же ты, казак, – жарко прошептала она, обнимая парня. – Люблю таких. Жилистых, словно сыромятный ремень вяленых и опасных.

Вместо ответа Елисей одним плавным движением перетянул ее вперед и впился поцелуем в мягкие, влажные губы. Из ванной он выбрался только через час. До скрипа отмытый и довольный, словно мартовский кот, парень едва успел надеть все чистое, когда в дверь номера постучали. Как выяснилось, полковник давно уже закончил омовение и ждет его в ресторане гостиницы.

Привычно затянув на талии пояс с кинжалом и кобурой револьвера, Елисей надел папаху и, глянув на себя в зеркало, довольно усмехнулся. На него смотрел высокий, широкоплечий молодой человек, от которого просто веяло силой и опасностью. Полковника он нашел в ресторане, где тот с аппетитом поедал холодные закуски.

– Садись, я и на тебя заказал, – буркнул Тимофеев, с интересом оглядывая парня. – Ты чего такой довольный, аж сияешь?

– Настроение хорошее, Александр Савич, – быстро нашелся Елисей и, чтобы избежать дальнейших разговоров, ухватил со стола ближайшую тарелку.

Еще через час, сытые, отмытые и почти счастливые, они снова оказались в кабинете все того же чиновника. Похоже, выделенного времени ему хватило, чтобы подготовить все необходимое, так что потел на этот раз чиновник значительно меньше. Выгнав его из-за стола, полковник жестом указал парню на свободный стул и, подтянув к себе папку, погрузился в дела. Быстро пробежав взглядом несколько документов, Тимофеев мрачно хмыкнул и, вздохнув, проворчал:

– Похоже, без драки все-таки не обойдется.

– Среди болтунов военные затесались? – осторожно уточнил парень.

– Хуже, – скривился полковник. – Большая часть из них дворяне известных фамилий.

Похоже, придется моим топтунам серьезно побегать.

– Все одно отмажутся, – махнул Елисей рукой.

– Чего сделают? – не понял полковник.

– Вывернутся, – быстро пояснил парень. – Может, стоит их по жесткому варианту пустить?

– Это как? – насторожился Тимофеев.

– А самых говорливых шлепнуть, в руку пистолет сунуть и объявить, что те решили вооруженное сопротивление оказать.

– И что это даст? – поинтересовался полковник, мрачней на глазах.

– Остальные сговорчивее станут, – пожал парень плечами.

– Ты хоть понимаешь, что несешь? – угрюмо уточнил контрразведчик. – Ты ведь теперь не просто пластун, а дворянское достоинство имеешь. И как ты после такого спать будешь?

– Спокойно, – жестко отрезал парень, твердо глядя ему в глаза. – Интересы государства важнее. А сейчас, осмелюсь напомнить, война идет, и подобные забавы являются суть преда-

тельством родины. Предлагаете мне их после такого жалеть? А за честь мою не беспокойтесь. За дела свои я перед казачьим кругом и Господом Богом отвечать стану. А более ни перед кем.

Не ожидавший такой отповеди полковник хмыкнул и, покачав головой, растерянно проворчал в ответ:

– Все бы так думали, тогда бы и служба наша не нужны стала. Ладно. Подумаю. Может, ты в чем-то и прав. Вот что, дружок. Ступай-ка ты пока в гостиницу. Мне тут еще кучу всяких бумаг разобрать надо. А ты отдохни с дороги. Можешь погулять, если пожелаешь. Только один не ходи. Кого из десятка с собой возьми. Вижу же, что рана еще беспокоит.

– Есть немного, – не стал отнекиваться Елисей. – Добре, пройдуся, пожалуй. Когда вас обратно ждать? – уточнил он, поднимаясь.

– К ужину точно буду, – ответил полковник, окинув кучу папок задумчивым взглядом.

– Добре, тогда в ресторане и встретимся.

– погоди, – вскинулся вдруг полковник. – Вот, держи, – выложил он на стол тонкую пачку ассигнаций. – Я тебя в это дело втравил, значит, мне и платить.

– Так я вроде не бедствую, – удивился Елисей.

– Бери и не морочь мне голову. Это из фондов службы. Специально для таких случаев имеются. Или ты решил, что я тебе свои отдаю?

– А отвечать я за них как стану? – продолжал недоумевать парень.

– А никак. Я их тебе дал, мне и ответ держать. Все, ступай. А то мы с этим спором только время зря теряем, – приказал полковник, и Елисей, пожав плечами, убрал выданные деньги в карман.

Выйдя из здания управы, он с сомнением огляделся и, чуть подумав, отправился в гостиницу. Как бы ни хотелось ему это признавать, но пока к серьезной драке парень был еще не готов. А, что ни говори, в большом городе нарваться на неприятности проще простого. Особенно с его отношением ко всяческому высокородным снобам. Казаков поселили в той же гостинице, что и их с полковником, только выдали номера попроще.

Так что Елисей направился именно туда. Найдя десятника, он предложил ему пройтись по городу, на что тот с удовольствием согласился. Сидеть в гостинице безвылазно казакам явно не хотелось, но они находились на службе и на данном этапе себе не принадлежали. Сразу предупредив, что долго гулять не может, потому как заказали баню, десятник затянул пояс, сунул за голенище нагайку и, поправив папаху, вышел в коридор.

– И куда отправимся? – спросил он, с интересом поглядывая на парня.

– А куда добрый казак за новостями ходит? – усмехнулся в ответ Елисей и сам же ответил: – Правильно. На базар. Вот туда и пройдемся. Новости послушаем, заодно и к парку чего прикупим, – добавил он, лукаво подмигнув.

– Хорошо бы, да только с деньгами у нас негусто, – нехотя признался казак.

– Зато у меня есть, – отмахнулся Елисей. – Уж на несколько жбанов пива точно хватит. Крепче, уж прости, вам пока нельзя. Сам сказал, на службе.

– Так оно и понятно, – тут же кивнул десятник.

Подойдя к вышедшему на площадь городовому, они выяснили, где располагается ближайший базар, и отправились в указанную сторону. Спустя минут двадцать они окунулись в привычную атмосферу и, не спеша бродя по рядам, принялись то и дело задавать ничего не значащие вопросы. А спустя еще час, возвращаясь обратно, нагруженные жбанами с пивом и вязанками вяленой рыбы, негромко обсуждали все услышанное.

* * *

Трое суток прошли в блаженном ничегонеделании. Вечером четвертого дня полковник Тимофеев, вернувшись в снятый для них дом, прошел в комнату парня и, устало присев в кресло, негромко сообщил:

– Завтра с рассветом начинаем. Будь готов.

– Что я делать должен? – кивнув, уточнил Елисей.

– Народу у меня мало, так что пришлось обратиться за помощью. С моими людьми будут солдаты и жандармы. С этими мы хоть в одну дуду дудим. А от тебя, голубчик, я жду только одного. Умения находить и вскрывать тайники. Больше скажу. Делай все, что сочтешь нужным, но все бумаги этих господ должны лечь мне на стол. Сам понимаешь, люди там непростые, и опростоволоситься нам никак нельзя.

– Странно это, – помолчав, угрюмо проворчал Елисей.

– Что именно тебе странно? – не понял полковник.

– Что вы так не доверяете своим людям. Уж обыски-то они проводить должны уметь.

– Вот в том и беда, что должны, да не умеют. Точнее, опыта им в этом деле не хватает.

– Получается, вы набрали себе простых топтунов? – удивился парень. – Тех, кто привык больше в поле работать?

– Я понял, о чем ты, – кивнул контрразведчик. – Вся беда наша в том, голубчик, что служба наша организована не так и давно по большому счету. И опытных людей брать просто негде. Не поверишь, но даже в жандармерии опытных офицеров больше, чем у нас тут. Да и не было в этих местах большой необходимости в нашей службе. Ну сам подумай, кто тут в противниках был всегда? Степняки да горцы. Османы все больше контрабандой пробавлялись. Вот теперь и маемся, – вздохнул контрразведчик.

«Или я дурак, или жопа с двумя „п“ пишется», – выругался про себя Елисей.

– А как же поставки оружия горцам? – помолчав, спросил он. – Это же прямая забота вашей службы подобные поставки отследить.

– Издеваешься? – возмутился полковник. – А то ты не знаешь, что с горцами работать, только людей зря губить. Непримиимые чужаков терпеть не могут.

– М-да, это я чего-то не подумал, – смутился Елисей, сообразив, что ляпнул что-то не то.

Впрочем, если вспомнить эти неспешные времена и то, что в любой серьезной конторе обязательно находилась парочка поклонников европейского образа жизни, то подобное положение вещей становилось понятным. Между тем полковник, поднявшись, продолжал вещать:

– В общем, так, друг мой, делай что хочешь. Грози, морды бей, да хоть шкуры спускай, но бумаги всей этой братии добудь.

– Угу, а потом меня за такие методы самого по тракту кандалами греметь отправят, – фыркнул Елисей, ероша пальцами чуб.

– Никто тебя не тронет, – отмахнулся контрразведчик. – Кто же в твердом уме поверит, что какой-то мальчишка-казачок подобное задание получит. Ты уж прости меня за такие слова, но глядя на тебя, никому и в голову не придет, что ты опаснее аспиды в постели, – бледно усмехнулся он и, словно извиняясь, развел руками. – Главное, фамилии своей не называй.

– А как же тогда я работать стану? – не понял парень.

– Утром у ворот будет пролетка стоять. В ней тебя будет ждать мой подпоручик, со всеми необходимыми бумагами. Вот он и станет тебе все организовывать. Твое дело – тайники находить. За остальное будь спокоен.

– С рассветом, значит? – задумчиво переспросил Елисей. – Добре, буду на месте, – кивнул он, тайком бросив быстрый взгляд в темнеющее окно. – А сами вы где будете, ежели что? – спохватившись, быстро уточнил парень.

– У себя в кабинете, – скривился полковник.

Ему явно не хотелось проводить время подобным образом, но будучи в данной операции главным, обязан был организовать общий координационный центр, который станет принимать нужные решения. Понимающе кивнув, Елисей проводил гостя до двери и, моментально собравшись, выскользнул из дома.

Его роман с Анютой развивался бурно. И хотя женщина призналась, что иногда оказывает интимные услуги богатым постояльцам гостиницы за деньги, осуждать ее парень не решился. Каждый выживает, как умеет. Да и женщина эта ему нравилась. Было в ней что-то такое, что заставляло его вспыхивать, словно порох. Они оба знали, что эти отношения закончатся ничем. Что придет время, и он уедет, а она останется, но пока им было хорошо вместе.

Утром, едва начало светать, Елисей бесшумно проскользнул в свою комнату и, привычно проверив оружие, отправился умываться. Приведя себя в порядок, парень надел папаху и не таясь спустился на крыльцо. У ворот стояла пролетка, на козлах которой восседал пожилой солдат. Седоком в пролетке был молодой, примерно лет двадцати пяти, мужчина. Тщательно выбритый, с аккуратно подстриженными темно-русыми усами. В руке мужчины тлела папироса.

Подойдя к пролетке, Елисей окинул седока и кучера долгим, внимательным взглядом и, едва заметно улыбнувшись, спросил:

– Вы от полковника Тимофеева?

– А тебе, казачок, какое до того дело? – хмыкнул седок.

– Прямое. Или желаете подтверждения от самого господина полковника? Не думаю, что он обрадуется, ежели вы его разбудите с такой ерундой.

– Садись, – махнул ему мужчина, делая глубокую затяжку.

– Не желаете представиться, господин подпоручик? – поинтересовался парень, даже не шевельнувшись.

Он давно уже приметил, как слегка топорщится пола его сюртука, и потому точно знал, где офицер носит оружие. На операцию подпоручик почему-то решил отправиться не в мундире, а партикулярном платье.

– Шиховской, Степан Иванович, – отбросив окурок, словно нехотя буркнул подпоручик. – А теперь слушай меня внимательно. То, что мне приказано при тебе нянькой быть, не значит, что ты мной командовать станешь. Сидишь тихо и делаешь, что велено, а не то... – договорить подпоручик не успел.

Едва только он сунул руку под полу сюртука, как Елисей одним плавным, едва заметным глазу движением выхватил из кобуры револьвер, одновременно сделав шаг в сторону.

– Не советую, господин подпоручик, шутить подобным образом, – прошипел он, чуть качнув оружием. – Плохо закончиться может.

– Ловко, – одобрительно проворчал офицер, медленно вынимая руку из-под полы. – Так вы едете, сударь, или так и будем попусту воду толочь?

«Похоже, проверку я прошел», – усмехнулся про себя Елисей и, кивнув, добавил:

– А, по-вашему, я тут променад перед завтраком проделываю? Куда едем?

– Через сорок минут наши люди проведут первое задержание, – быстро ответил подпоручик, бросив взгляд на часы-луковицу. – Ну а после и мы в игру вступим.

– Тогда не будем терять времени, – хищно усмехнулся Елисей, усаживаясь в пролетку. «Да когда же ты уже заживешь, зараза», – проворчал он про себя, потирая разнывшийся после ночных развлечений бок.

– Что, все еще болит? – участливо поинтересовался подпоручик.

– Ноет иногда, – вздохнул парень. – Особенно если где-то сил много приложу.

Пролетка тронулась с места и не торопясь покатила куда-то в сторону чистых кварталов. Зябко передернув плечами, Елисей широко, от души зевнул.

– Не выспались? – тут же поддел его подпоручик. – И немудрено, Анюта та еще затейница.

– Есть такой анекдот. Встречаются две подруги, и одна говорит: «Ой не выспалась, около двух легла». Вторая ей: «Около двух выспаться сложно, особенно ежели шустрые попадутся», – не повелся на подколку парень.

От хохота подпоручик чуть из пролетки не вывалился. Даже сидевший на козлах солдат хихикал в кулак, управляя лошадью одной рукой.

– Изрядно, – одобрительно закивал подпоручик. – Не доводилось слышать. А есть еще что новенькое?

Похоже, молодой офицер был любителем анекдотов и душой компании. Так, травя анекдоты, они и добрались до первого адреса. Елисею пришлось крепко напрячься, чтобы адаптировать все известные ему хохмы под нынешние реалии. Кучер остановил пролетку на какой-то улице и, обернувшись, вопросительно посмотрел на подпоручика. Тот, быстро оглядевшись, коротко кивнул и, моментально подобравшись, негромко посоветовал:

– А теперь, Елисей, давайте помолчим. Немного времени у нас еще есть.

– Который дом? – уточнил Елисей, осматриваясь.

– Вон тот, красного кирпича.

– Сзади есть кто из наших?

– Солдаты под командой жандармского ротмистра.

– А из службы?

– Те сразу в дом пойдут. Та команда на подхвате. А чего это вы так всполошились, молодой человек? – насторожился подпоручик.

– Если эти ваши господа фигуранты не полные дураки, а думать так они мне повода не давали, то в каждом нужном нам доме должны быть предусмотрены по несколько путей отхода. А самое главное, варианты для задержки ваших людей.

– А зачем их задерживать? – еще больше насторожился подпоручик.

– Затем, что им нужно время, чтобы уничтожить все улики против себя, – спокойно пояснил парень.

– Ты думаешь, они сделают это?

– Такое впечатление, Степан Иванович, что вы никогда на задержаниях не были, – фыркнул Елисей. – Конечно, сделают. Они сделают все, чтобы избежать суда, если не ареста.

– И что делать?

– Вариантов у нас не много. Придется действовать быстро и жестко. Ваши люди должны входить в дома и блокировать перемещения всех обитателей. Только так вы сможете избежать уничтожения улик.

– Это не крестьяне, – задумчиво протянул офицер. – Это почтенные дворянские семьи, обращаться с которыми мы должны уважительно.

– А я и не предлагаю с ходу стучать по физиономиям и задиравать подолы всем бабам подряд, – пожал Елисей плечами. – Слуг сразу согнать в одну комнату и приставить охрану. Остальных удерживать в их комнатах под присмотром. А главного фигуранта усадить в кресло и не давать передвигаться до окончания обыска.

– Жалоб не оберемся, – вздохнул подпоручик.

– Можно подумать, их и без того мало будет, – усмехнулся парень. – Уж поверьте, жаловаться они будут постоянно и с удовольствием.

– Интересно знать, откуда вы этому выучиться успели? – помолчав, протянул офицер.

– Самому бы знать, – привычно отговорился Елисей. – А вот ваше незнание подобных вещей меня, признаться, серьезно удивляет.

– Увы, друг мой, но в задержаниях и обысках мне еще участия принимать не доводилось. Слежка, добыча документов, проверка слухов, до сего дня это и было моей работой, – смущенно признался подпоручик.

– В поле работали, – понимающе кивнул Елисей.

– Можно и так сказать. Опыт был нужен. Вот и бегал, словно мальчишка на посылках. А потом господин полковник решил меня сюда забрать.

– Похоже, вы умудрились где-то подставиться, – улыбнулся Елисей.

– А вы опасный собеседник, – удивленно покачал головой офицер. – Признаться, я удивлен. Да, вы правы. Я сделал то, что очень сильно рассердило мое предыдущее начальство, и оказался перед выбором. Отставка или переезд сюда.

– Ну, история старая, как мир, – понимающе кивнул парень. – Если начальство чем-то недовольно, значит, у него в этом деле есть свой интерес.

– А вас, похоже, это совсем не удивило.

– Приходилось уже сталкиваться. Благо что начальство то ко мне отношение имело весьма далекое. По сути, надо мной есть только казачий круг да Господь Бог. Остальные могут катиться к черту. А вот, кажется, и ваши сослуживцы, – тут парень кивнул на быстро двигавшиеся к дому фигуры.

– Я должен рассказать им о ваших предположениях, – подскочил подпоручик и, уже выскочив из пролетки, добавил: – Вы только не вздумайте отсюда уйти, а то полковник мне за вас башку оторвет. Он это несколько раз особо подчеркнул.

С этими словами подпоручик рысью понесся к остановившемуся у ворот взводу солдат. О чем он там говорил со своими сослуживцами, Елисей не знал, но судя по жестике, разговор был весьма оживленный. Вдохнув, Елисей на всякий случай проверил оружие и, не спеша выбравшись из пролетки, зашагал к спорщикам.

* * *

Следующие двое суток Елисею запомнились, как какой-то дикий конвейер. Войдя на адрес, он старательно обходил все комнаты дома, буквально обнюхивая их на предмет укрытий и тайников, после чего солдаты под присмотром жандарма вскрывали в указанном месте пол или стену. Добыча тут же отправлялась в кабинет полковника Тимофеева. В один из таких выходов парень обнаружил старый потайной ход, о котором не знали даже нынешние хозяева дома.

Как после выяснилось, его строили еще два поколения назад прежние обитатели. Зачем, теперь уже не узнать, но удивлены все собравшиеся были до полного изумления. Сам Елисей, после такой тренировки, ощущал себя специально обученной ищейкой, способной найти тайник где угодно. Малейшие потертости, едва заметные следы там, где их не должно было быть, заставляли его делать стойку.

И жандармы, и офицеры контрразведки уже после раскрытия второго тайника ходили за парнем по пятам, буквально заглядывая ему в рот. Елисей и сам не очень понимал, откуда вдруг у него взялось такое чутье на тайники и схроны, но этим своим новым качеством пользовался очень даже старательно. Его словно вело какое-то чувство. Какое именно, он не смог бы объяснить даже под дулом автомата. Но оно было, а значит, он просто делал дело, которого от него ждали.

Вечером второго дня, устав так, что даже голова разболелась, Елисей уселся в предоставленную пролетку и, тяжело вздохнув, тихо спросил у сопровождавшего его офицера:

– Куда теперь, Степан Иванович?

– Так все уже. Этот дом последним был, – развел руками подпоручик, давно уже утративший свою жизнерадостность от усталости. – Осталось только господину полковнику доложить.

– Ну, тогда, значит, едем к полковнику, – решительно заявил Елисей и, повернувшись к кучеру, скомандовал: – В городскую управу, голубчик.

– Сделаем, ваше благородие, – кивнул солдат и, тряхнув поводьями, направил пролетку по указанному адресу.

К чести пожилого солдата, вез он их, словно хрустальные вазы, стараясь лишний раз не тряхнуть и не качнуть. Примерно через сорок минут они вошли в знакомый кабинет и, встав перед столом, дождались, когда полковник оторвется от очередной партии бумаг. Вскинув голову, Тимофеев оглядел их усталым взглядом покрасневших глаз и, закулив очередную папиросу, хриплым от табака голосом спросил:

– Закончили?

– Так точно, ваше высокоблагородие, – бодро отрапортовал подпоручик.

– Степан, хватит из себя тупого служаку изображать, – отмахнулся полковник. – Где найденное?

– Должны были секретарю вашему передать. Отправили сразу, как только нашли, – подбравшись, ответил подпоручик.

– Ясно. Значит, не разобрал еще, – кивнул Тимофеев, выпуская густую струю дыма. – Садитесь, друзья мои. Значит так, дело мы сделали большое. Надо признать, что даже полновины вами найденного было бы достаточно, чтобы всю эту шваль к ногтю прижать. Тебе, Елисей, моя особая благодарность. Ты и вправду для меня талисманом удачи стал, – улыбнулся контрразведчик. – Мы с вами, господа, не просто заговор раскрыли, а предотвратили очень серьезное выступление некоторых неблагонадежных господ. И это в самый разгар войны. Теперь можете отдыхать.

– Так, может, я через денек домой отправлюсь? – подумав, осторожно спросил Елисей. – Чего мне тут сидеть попусту.

– Через три дня поедешь, – отрубил полковник.

– А что через три дня изменится? – удивился Елисей подобному тону.

– Кое-что изменится, – ехидно усмехнулся полковник, гася окурки в уже полной пепельнице. – А пока можешь развлекаться, как твоей душе угодно. Степан Иванович, посодействуй, голубчик, чтобы ему тут скучно не стало. А то он ведь от скуки много чего учудить способен, – попросил подпоручика Тимофеев. – Деньги у секретаря получите и развлекайтесь. Все, друзья мои, свободны, – в голосе контрразведчика лягнул металл, и Елисей понял, что спорить с ним в данный момент бесполезно.

Поднявшись, он попрощался и следом за Шаховским покинул кабинет. Подпоручик прямым ходом направился к секретарю, и тот, едва глянув на него, молча выложил на стол пачку ассигнаций. Кивнув, Степан Иванович так же молча убрал деньги в карман и, развернувшись к парню, спросил:

– Ну-с, молодой человек, чем теперь займемся?

– Для начала нужно помыться и выспаться, – тут же заявил Елисей. – Вы, Степан Иванович, как хотите, а я домой. Спать.

– Домой или в гости? – тут же поддел его подпоручик.

– Нет. Сначала спать. А потом уж все остальное, – криво усмехнулся Елисей, решив не обращать внимания на его подколки.

Они спустились вниз, и, уже усаживаясь в пролетку, парень вдруг понял, что подпоручик весьма недоволен своей ролью. Он то и дело оглядывался на здание и что-то обдумывал, но нарушить прямой приказ не решался.

– Степан Иванович, ну что вы маетесь, словно девица перед свиданием? – иронично хмыкнул Елисей. – Отвезите меня домой и ступайте, куда пожелаете. Дальше я уж и сам разберусь. На крайний случай на подворье десятков казаков дурью мается. Есть с кем в город выйти. Да и не собираюсь я особо разгуливать. Отмоюсь, отосплюсь, а там, глядишь, и в обратный путь время придет.

– Что, и к Анюте не пойдешь? – не сумел удержаться от подначки подпоручик.

– Это само собой, – усмехнулся в ответ парень.

– А полковник что скажет? – подумав, осторожно уточнил Шаховской.

– А что он скажет? – не понял Елисей. – Он же сам приказал. Развлекаться. Вот я и стану развлекаться. Только по-своему.

– Тогда вот. Держите, – выдернув из кармана полученные деньги и протягивая их парню, решительно выдохнул подпоручик. – Вздумаете что-то купить или заведение какое посетить, тратьте не глядя. Для того и получены. А мне и вправду нужно еще несколько дел сделать. Надеюсь, вы меня простите.

– Господь с вами, сударь, – тихо рассмеялся Елисей. – Говорю же, только домой меня отвезите и бегите, куда вам нужно. Я же понимаю, что это для вас возможность слегка карьеру подправить.

– Благодарствую, Елисей, – с чувством произнес подпоручик, впихивая парню в ладонь деньги и громко командуя кучеру: – К дому, голубчик. И побыстрее.

Спустя десять минут Елисей вошел во двор арендованного дома, слушая, как пролетка уносится в неизвестном направлении. Встретившие его казаки, моментально сообразив, что от усталости парень еле ноги переставляет, тут же проводили его до комнаты. Елисей только и успел, что выделить десятнику некоторую сумму для закупки продуктов для вечернего праздника и для приобретения полдюжины жбанов пива.

Тимофеев, не доверяя никому кроме узкого круга лиц, все полученные документы просматривал в выделенном ему кабинете, после чего перевозил их в арендованный дом и прятал в своей комнате, запирая в небольшой сундук, ключ от которого был только у него. Именно этот сундук и охраняли казаки, дуря от безделья и непонимания сути текущего момента. Единственной отдушиной для них были нечастые посиделки за пивом, которые устраивал Елисей.

Полковник на такое нарушение дисциплины смотрел сквозь пальцы, понимая, что лишнего казаки себе не позволят, а службу несут исправно, Тимофеев, по сути, попросту передал весь десяток под управление Елисея. По его собственному выражению, зверь зверя быстрее поймет. Так оно и вышло. Десятник, видя, что парень даже не пытается влезать в командование подчиненными ему людьми, принял это назначение как должное.

За время поездки все казаки уже поняли, что юный казачок на короткой ноге с могущественным полковником не просто так. Да и тайна, которую десятник и Елисей поведали друг другу, сыграла свою роль. Во всяком случае, теперь команды парня воспринимались как должное. Вот и теперь, услышав, что вечером Елисей желает отметить окончание операции накрытым столом, казаки развили бурную деятельность.

Троица бойцов была отправлена на базар, еще двое ушли за разносолами и напитками, а остальные, не в ущерб службе, принялись готовить столы во дворе. Пока Елисей спал, казаки успели закупить всяческих заедок, разносолов и пустить купленного барашка на шашлык. Уж что-что, а готовить эти бойцы умели не хуже любого повара.

Проснулся парень часов в пять, от одуряющего запаха жарящегося мяса. Быстро одевшись, он спустился во двор и, умывшись у колодца, с интересом оглядел уже накрытый стол. Казаки, увидев, что он встал, тут же раздвинулись, освобождая ему место. Поблагодарив бойцов, Елисей уселся и, приняхавшись, хлопнул себя ладонью по пузу:

– Ну, казаки, порадовали. Запахи такие, что быка съесть готов, – усмехнулся он, с вождением поглядывая в сторону мангала.

– На здоровичко, казак, – усмехнулся десятник. – Не побрезгуй. Твоими заботами гуляем.

– Господь с вами, братцы. Одним миром живем, – отмахнулся парень, с удовольствием впиваясь зубами в пирог с мясом.

Вечер удался на славу. Ничего крепче пива казаки не пили, но это не помешало им завершить застолье песней. Вошедший во двор Тимофеев, удивленно оглядев пиршество, растерянно качнул головой и, не удержавшись, проворчал:

– Вам что, лень было в трактир сходить?

– Трактир, это одно дело, а свои руки совсем другое, – усмехнулся в ответ Елисей. – Присоединяйтесь, Александр Савич. Уж поверьте, такого шашлыка вы более нигде не попробуете.

– А, пожалуй, присяду, – подумав, решительно махнул рукой полковник. – И вправду есть хочется, аж в глазах темно.

Быстро пройдя к себе в комнату, контрразведчик спрятал принесенные бумаги, сменил мундир на легкий френч и, быстро умывшись, спустился обратно. К тому времени казаки уже успели вынести из дома столовые приборы и организовать ему место, соответствующее статусу. Не чинясь, полковник присел к столу и, глотнув пива, принялся с удовольствием уничтожать горячий шашлык.

Между тем казаки, уже объевшиеся до одури, снова принялись негромко напевать, то и дело поглядывая в темнеющее небо. Глядя на этих суровых, сильных людей, Елисей вдруг понял, почему за столько лет никто так и не сумел выбить казачество из этих предгорий. Протяжные, берущие за душу песни выжимали слезу и заставляли почувствовать всю ширь и силу их душ.

Даже контрразведчик, замерев с куском мяса, насаженным на вилку, перестал жевать и вслушивался в этот напев, думая о чем-то своем. Заметив его состояние, Елисей чуть улыбнулся и, дождавшись окончания песни, незаметно выскользнул из-за стола. Пора было навесить свою случайную подругу. Выбравшись со двора, он бесшумной тенью заскользил в нужную сторону, стараясь держаться так, чтобы оставаться незамеченным.

Анюта встретила радостно полыхнувшими глазами. Едва дав ему переступить порог и закрыть за собой дверь, женщина обвила шею парня сильными руками, жарко прошептав:

– Пришел все-таки. Я уж и не чаяла. Думала, уехал и не попрощался.

– Через три дня обещали обратно отправить, – улыбнулся Елисей, отвечая на ее поцелуй. – Я хоть и служивый, а попрощаться все одно бы забежал. Вздуй самовар. Я тут гостинцев тебе принес к чаю.

– Нашел, о чем думать, – отмахнулась женщина, зардевшись.

Выскользнув из его объятий, она быстро разожгла самовар и принялась хлопотать, накрывая стол. С первого взгляда было件нятно, что даже такое внимание ей было приятно. Сделав себе зарубку перед отъездом обязательно сделать Анюте подарок, Елисей скинул ремень с кобурой и, не спеша усевшись за стол, спросил:

– Анют, а как тебя в эти края занесло? Ты же не казачка.

– Тамбовские мы, – грустно вздохнула женщина. – Недород у нас случился. Я еще малая была. Барин помогать не стал. Сказал, как хотите, а оброк платить должны. Вот родители и снялись. Батяка сказал: все одно подыхать. А так, может, бог милует. Пока шли, двоих детишек схоронили. Сюда добрались, батяка батрачить нанялся. Вроде зажили. А потом мамка болеть начала. В общем, в один год схоронила обоих. И мамку, и батяку. Брат в солдаты подался, а мне куда? Вот и пришлось в гостиницу идти, – чуть слышно всхлипнув, закончила она.

– Ты прости, что в душу полез, – повинулся Елисей, не ожидавший такой истории. – Не знал ведь, что оно все так.

– Господь с тобой, Елисей. Я не в обиде, – улыбнулась женщина, быстро утирая слезы. – Не попрекаешь, лаской даришь, вон, даже гостинцы принес. А мне более и не надо. Хоть один денек, а все одно мой.

– Тебе завтра в гостиницу надо? – подумав, поинтересовался парень.

– Надо, – вздохнула Анюта. – Я же и горничная, и девка банная. Жить-то как-то надо.

– И до сколько ты там будешь? – не унимался Елисей.

– А как темнеть начнет, так и свободна.

– Это хорошо, – чуть подумав, усмехнулся парень, уже успев продумать план действий.

* * *

Свой поход по базару Елисей начал с мануфактурных рядов. Выбрав пару отрезов шелка, он для вида поторговался и, расплатившись, направился к прилавкам со всякими диковинами. Захотелось подарить Аняте что-то такое, что не у каждого встретишь. Елисей и сам не понимал, чем вдруг зацепила его эта женщина, но отношение к ней у него было несколько странным. Нет, это не была любовь, и даже не влюбленность, но и закончить их роман простым прощанием он тоже не мог.

Не спеша прогуливаясь вдоль рядов, парень скользил взглядом по самым разным товарам, при этом не забывая следить за собственными карманами. Тут не Пятигорск, и щипачей в толпе сновало немало. Парень то и дело натыкался взглядом на внимательные, оценивающие взгляды самых разных представителей городского дна. То, что парни и подростки эти были одной шайкой, становилось понятно с первого взгляда.

Одетые с явным пренебрежением к общепризнанным нормам, настороженные, криво усмехающиеся физиономии, и цепкие, жесткие взгляды, моментально оценивающие платежеспособность любого посетителя базара. Вот такие взгляды и ловил на себе регулярно Елисей, продолжая свою прогулку. Миновав прилавки постоянных торговцев, парень вошел в ряды, где торговали те, кому вдруг срочно потребовались деньги. То есть люди продавали что-то из личного имущества. Именно в таком ряду он когда-то нашел нужную ему оптику и познакомился с Митенькой.

В этом ряду Елисей удвоил внимательность, не спеша осматривая весь выставленный товар. Неожиданно, к его удивлению, взгляд зацепился за корпус массивных каминных часов. Мореный орех, инкрустированный карельской березой, вычурный циферблат, изящные, ажурные стрелки. Присев над ящиком, на котором стояло это чудо, Елисей рассмотрел на циферблате небольшую табличку, «Карл Бреге».

– Часы работают? – спросил он, в упор посмотрев на пожилую женщину, явно из разночинцев.

Некогда роскошное, но теперь изрядно поношенное платье, выцветшие кружева и аккуратно заштопанные прорехи, которые она пыталась скрыть широкой шалью, несмотря на жару. Когда-то голубые, а теперь выцветшие глаза окинули парня долгим, настороженным взглядом, а высохшие морщинистые губы сжались в одну тонкую линию.

– Сударыня, вы меня слышите? – на всякий случай уточнил Елисей. – Я спросил, часы рабочие?

– Конечно рабочие, юноша, – прозвучал в ответ удивительно чистый, звонкий голос женщины. Такой сделал бы честь любой признанной великосветской красавице. – Я не стала бы продавать испорченную вещь.

– И сколько вы за них хотите? – поинтересовался парень, выпрямляясь.

– Боюсь, вам они не по карману, – фыркнула женщина, зацепившись взглядом за кобуру с револьвером. Похоже, оружие вызывало у нее резко отрицательную реакцию.

– Ну, мои деньги не вам считать, – не остался Елисей в долгу. – Так вы продаете их или просто время тут проводите?

– Продаю, – едва заметно вздрогнув и ссутулившись, выдохнула женщина.

– И сколько вы за них хотите?

– Десять рублей, – отрубила дама, очевидно решив напугать неприятного покупателя огромной суммой.

– Ну, за часы фирмы господина Бреге это не самые большие деньги, – медленно, словно раздумывая, протянул парень.

– Вы слышали об этой фирме? – удивлению женщины не было предела.

– Вы не поверите, сударыня, но я даже читать умею, – фыркнул в ответ Елисей.

– Кажется, вы обижены, – удивленно протянула дама.

– Нет. Обидеть меня сложно. Но я никогда не понимал людей, отрицающих необходимость оружия и важность существования людей, умеющих этим оружием пользоваться, – не удержался парень. – Не будь того и другого, жить бы вам в турецком гареме. И это в лучшем случае.

– Однако, – удивленно протянула дама, непроизвольным жестом поправляя шаль на груди. – А вы, молодой человек, не так просты, как кажется на первый взгляд. К чему этот маскарад? Вы же человек с образованием. Или вы тоже решили делать в этих гиблых местах карьеру?

– Я в этих, как вы изволили выразиться, гиблых местах родился. С вашего позволения, я родовой казак и останусь им до своего последнего часа. А что до образования, можете мне поверить, большая часть местного казачества с грамотой дружит. Ну да бог с ним. Я беру ваши часы, – закруглил парень разговор и, переложив сверток с тканями в левую руку, достал из кармана деньги.

Отсчитав ей названную сумму мелкими купюрами, Елисей хозяйственно обернул часы поданной дамой холстиной и, оглядевшись, заметил в стороне мужичка, торговавшего плетеными из ивняка корзинами. Носить такое количество покупок в руках было неудобно. Попрошавшись, он сместился к торговцу корзинами, краем глаза отслеживая дальнейшие действия дамы. Та, быстро спрятав деньги, замерла над оставшимся товаром, словно погрузившись в медитативный транс.

Отдав корзинщику пятак, Елисей выбрал крепкую, вместительную корзину и, осторожно уложив в нее все купленное, задумчиво оглядел остальные ряды. Торопиться было некуда, а значит, можно было продолжить прогулку. Но едва только он шагнул дальше, как женщина, вскочив, в два шага оказалась рядом и, ухватив его за рукав, тихо прошептала:

– Простите меня, юноша. Я не хотела вас обидеть. И храни вас господь.

– Благодарствую, сударыня, – вежливо склонил голову парень. – А насчет обиды, не извольте беспокоиться. Я не девка вздорная, чтобы обиды таить. Нет у меня на вас сердца. Будьте здоровы.

Их разговор оборвал пронзительный, на грани ультразвука вопль:

– Ограбили-и-и!!!

– Вот ироды, опять у когось кошель срезали, – выругался корзинщик.

Выпрямившись во весь рост, Елисей вытянул шею, старательно выискивая место, откуда прозвучал крик. Краем глаза заметив метнувшуюся к границе базара тень, парень хищно усмехнулся и, быстро попрощавшись с женщиной еще раз, отправился в ту же сторону. В том, что воришка торопится скинуть добычу подельнику, он даже не сомневался.

Повесив корзину на сгиб левой руки, он ловко скользил в толпе, не выпуская вора из поля зрения. Вот воришка на мгновение столкнулся с парнем постарше и тут же шагнул в сторону, принявшись лениво лузгать семечки. Парень же, моментально сменив направление движения, неспешным шагом направился к старым торговым лабазам. Все было ясно. Там у местных щипачей был схрон ворованного и там же топтались те, кто обеспечивал силовое прикрытие.

Встав в сторонке и делая вид, что рассматривает выставленный товар, Елисей дождался, когда парень выйдет обратно и, медленно смещаясь по дуге, начал подбираться к лабазам. Идея пришла ему в голову спонтанно, и теперь он старательно проигрывал в голове варианты ее реализации. То, что любые деньги имеют тенденцию заканчиваться, он знал прекрасно. А на руках у него был целый взвод юных растущих организмов, которые требовалось кормить.

Осторожно заглянув за угол, Елисей злорадно усмехнулся. Трое крупных, жилистых мужиков угрюмо топтались рядом с молодым, гибким мужчиной, одетым с претензией на стиль. Именно он потрошил полученный от парня бумажник, не спеша перекладывая изъятые из него ассигнации в кожаный саквояж, наподобие тех, что носят врачи.

Положить тут всех четверых для Елисея проблемой бы не стало. Даже в нынешнем его состоянии. Но это будет только полдела. Запомнив франта, парень осторожно вернулся на базар и все так же не спеша двинулся в обратную сторону. Судя по одежде, лазить по кустам этот человек не станет. Уж очень много внимания он уделяет своей внешности. Значит, есть смысл дожидаться его вечером у ворот. А дальше план война покажет.

Щадить местный криминал Елисею и в голову не приходило. Возникни такая необходимость, он бы всю эту братию пустил под нож, не раздумывая. С этими мыслями добравшись до дома, парень отнес корзину в свою комнату и, перекусив в ближайшем трактире, отправился обратно к базару. Дело шло к вечеру, и теперь ему предстояло перехватить и отследить франта, когда он понесет добычу на «малину».

Все вышло так, как он и планировал. Франт, никого не стеснясь, вышел с базара в сопровождении трех своих быков и, небрежно помахивая саквояжем, двинулся по улице в сторону доходных кварталов.

– Ничего не бояться, сволочи, – зло прошипел Елисей, глядя им вслед.

Вся четверка шагала по улицам с видом хозяев жизни, заставляя всех встречных сходить с тротуара на мостовую. Связываться с ними ни у кого желания не возникало. Люди покорно уступали дорогу, не преминув плюнуть вслед. Но бандитов это не волновало. Двигаясь следом, Елисей старался держаться так, чтобы в любой момент иметь возможность скрыться за деревом или свернуть в переулок.

Но ни один из бандитов так и не подумал оглянуться. Пройдя доходный квартал насквозь, мужики вышли на окраину города и, подойдя к калитке с покосившимся забором, постучали условным стуком. Им отворили, и те, ни слова не говоря, вошли во двор. Быстро свернув в переулок, Елисей ухватился руками за доски и, осторожно подтянувшись, заглянул за забор. Четверка вошла в широкий, приземистый саманный дом, а впустивший их громадный, косматый мужик уселся на крыльце, принявшись скручивать сигарку.

Поднявшись чуть выше, Елисей внимательно осмотрел двор и удивленно хмыкнул. У бандитов даже собаки не было. Вместо нее двор охранял этот самый косматый, чем-то напоминающий весеннего медведя мужик. Такой же громадный и всклокоченный, словно покрытый клочковатой шерстью. Обойдя двор по кругу, Елисей еще несколько раз заглядывал через забор, изучая подворье. Убедившись, что запомнил все нужное, парень поспешил обратно.

Теперь осталось только выбрать подходящий момент и провести короткую, но весьма суровую акцию. Оставлять живых свидетелей он не собирался. Вернувшись, домой, Елисей переоделся и, подхватив корзину с подарками, поспешил на свидание. Оставшиеся на охране казаки только понимающе посмеивались, одобрительно переглядываясь. Парень эти взгляды замечал, но делал вид, что его это не касается.

Анюта уже ждала его, накрыв стол к ужину и раскошегарив самовар. То, что Елисей почти не пил спиртного, ей очень нравилось, и женщина даже не пыталась предлагать ему выпивку. Одарив ее отрезами шелка, Елисей выставил на стол последний сверток и принялся осторожно разворачивать холстину. Увидев роскошные часы, Анюта восторженно ахнула, не поверив собственным глазам.

Откинув на задней стороне крышечку, Елисей достал массивный ключ и, осторожно заведя часы, поставил их на полку напротив кровати.

– Вот. Теперь всегда будешь время знать и меня вспоминать, на них глядя, – улыбнулся он, слушая размеренный ход механизма.

– Тебя и так не забуду, – всхлипнула Анюта, прижимаясь к нему всем телом.

– Не хнычь, – ласково буркнул Елисей, поглаживая ее по спине и ниже. – Сама знаешь, остаться здесь я не могу, а в крепости тебе жизни не будет.

– Знаю, милый, все знаю, – прохлюпала Аня. – Да только все одно не хочу, чтобы уезжал.

– Я, Нюта, человек служивый и войной живу. Видела же, с кем мне приехать довелось.

– Угу, целый полковник. Я ажно речи лишилась, когда мундир разглядела. А в гостинице вся прислуга с хозяином на цыпочках ходила, лишний раз боясь голос подать, – хихикнула женщина, припомнив день их знакомства.

– С чего это? – удивился Елисей, не знавший таких подробностей.

– Да кто же его знает, что это за офицер такой, что за-ради него ажно из городской управы чиновник прибежал. Вот хозяин на всякий случай и велел нам тише воды себя держать.

– Догадливый у вас хозяин, – хмыкнул Елисей. – Это полковник контрразведки. Только ты языком особо не мети. Я тебе это на будущее сказал. Мало ли как оно повернется. Может, он еще раз к вам поселиться решит. Дядька он не злой, но дело свое туго знает. Так что, ежели возникнет случай, прислуживай да рта лишний раз не открывай. Делай, что велют, и уходи. Целее будешь. Запомнила?

– Ага. Все сделаю, как ты велел, – истово закивала Аня, еще крепче прижимаясь к нему.

– Ох, и ладная ты, – жарко выдохнул парень, подхватывая ее на руки и направляясь к кровати.

– Самовар, – счастливо пискнула женщина, обнимая его за шею.

– К черту. После все, – зарычал Елисей, сдергивая с нее рубашку.

* * *

Темна южная ночь. С этой мыслью Елисей, хищно усмехнувшись, сделал еще один шаг вперед и одним резким движением вонзил бебут в шею сторожа, настороженно всматривавшегося в темноту ночи. Изогнутый клинок с едва слышным хрустом погрузился в плоть, разрезая аорту и дыхательное горло одновременно. Хрипя и булькая, мужик содрогнулся всем телом и начал медленно оседать на траву.

Чуть сместившись, Елисей одним резким движением выдернул кинжал и, воткнув его в землю, счистил кровь. Громадное тело сторожа бандитской «малины» еще вздрагивало в конвульсиях, но все уже было кончено. Выжить с такой раной было не реально даже в прошлом парня, а уж в нынешнем времени и подавно.

Ухватив тело за руки, парень оттащил его за угол и, закатив в кусты, вернулся к крыльцу. Летняя ночь хоть и темна, но коротка. Ночная прохлада нарушалась только треском цикад и едва ощутимым шелестом листвы. Осторожно толкнув входную дверь, Елисей проскользнул в сени и, зажмурившись, замер, давая глазам привыкнуть к полной темноте. Обычно в таких случаях полагается больше надеяться на слух и обоняние, но и зрение вполне может сыграть свою роль. Особенно если зрение адаптировалось к внешним условиям.

Вывернув дыхание, парень медленно раскрыл глаза и все так же бесшумно и плавно скользнул дальше. Кухонная баба, женщина старше средних лет, со следами лихой молодости на лице, звучно похрапывала, раскинувшись на лежанке и высоко задрав подбородок. Примерившись, Елисей дождался, когда она выдохнет, и резким движением всадил кинжал чуть выше впадины между ключиц. Искать кадык у женщины дело неблагодарное.

Следующим движением он с силой рванул кинжал от себя, рассекая гортань и артерию. Едва кинжал освободился, он накинул на женщину одеяло и прижал ее к лежанке коленом. Пара минут, и она затихла. Только медленная, вязкая капля нарушала тишину дома. В следующей комнате было пусто. А в спальне напротив спал кряжистый, ширококостный мужик.

Задумчиво посмотрев на него, Елисей почесал в затылке и, выскользнув в коридор, отправился осматривать остальные комнаты. Спустя полчаса он вернулся в спальню к местному авторитету и, примерившись, от всей души саданул его рукоятью кинжала в висок. Быстро скатив его с кровати, парень связал мужика прихваченной из кухни веревкой, на которой до этого сушилось какое-то белье, и, занавесив окна одеялом, отправился за водой.

Выплеснутый в физиономию ковш холодной воды заставил мужика застонать и очутилось тряхнуть головой. Сквозь обрывок простыни, который Елисей использовал вместо кляпа, слышалось какое-то мычание, которое при изрядной доле фантазии можно было принять за ругательства. Не говоря ни слова, парень присел над телом и, ткнув мужика кончиком кинжала в пах, тихо спросил:

– Хочешь всю оставшуюся жизнь евнухом ходить?

Почувствовав боль, мужик замер, таращась в темноту.

– Я сейчас кляп выну и стану вопросы задавать. Не станешь отвечать, буду от тебя по куску отрезать. Вздумаешь орать, естество под корень отхвачу. Все понял?

Мужик настороженно кивнул. Елисей, выдернув кляп, второй рукой прижал еще один кинжал к его горлу, одновременно добавляя нажима первым кинжалом.

– Уй, больно! – зашипел мужик.

– Потерпишь. Где добытое хранишь? И не говори мне, что все ворованное не тебе сносят. Я уже три дня за твоими шестерками приглядываю.

– Ты хоть понимаешь, что потом будет? – помолчав, угрюмо прохрипел мужик.

– Ничего не будет. Если тебе легче станет, ты у меня не первый такой. Так что лучше скажи все сам. Не испытывай судьбу. У меня еще никто промолчать не сумел, – равнодушно усмехнулся Елисей, старательно следя, чтобы в голосе не мелькнуло ни одной эмоции.

Именно такие, холодные, равнодушные голоса и пугают больше всего. Таким, как этот мужик, повидавшим на своем веку всякое и всяких, лучше всего было понятно, что шутки кончились и резать его будут всерьез. Невольно вздрогнув, мужик попытался напрячь плечи и руки, пробуя веревку на прочность, но Елисей, ожидавший чего-то подобного, усилил нажим сразу двух кинжалов, негромко предупредив:

– Не балуй. Я свое все одно возьму. А вот ты подыхать будешь очень плохо. Это я умею.

– Ладно, твоя взяла, – прохрипел мужик. – В подполе все. По левую руку из полки гвоздь торчит. Потянешь за него, дверца откроется. В том схроне все и лежит.

– Ну, пойдем, посмотрим, что там за гвоздик, – усмехнулся Елисей, заталкивая ему в рот кляп и поднимаясь.

Крышку подпола он заметил на кухне, когда случайно наступил на большое кованое кольцо. Благо мягкие сапоги, которые он специально надел на это дело, позволяли ощущать все, что было под ногами. Ухватив мужика под мышки, он перетащил его в кухню и, откинув крышку подпола, первым делом скинул в провал своего пленника. За веревки он не беспокоился. Даже если этому бугаю удастся разорвать их на запястьях, то на локтях и щиколотках веревку придется развязывать.

Уж что-что, а паковать пленных парень умел. Прихватив с полки плошку со свечкой, Елисей быстро спустился в подвал и, пару раз чиркнув кресалом, затеплил свечу. Едва только посветлело, мужик впился взглядом в лицо своего пленителя. Но Елисей только усмехнулся. Маска из старой холстины оставляла открытыми только глаза.

– Что, не ожидал? – спросил он, разглядывая мужика. – Я же сказал, ты у меня не первый. Я ваши «малины» поганые разорял и дальше разорять стану. Так что лучше не зли меня, ежели не хочешь лютой смертью помереть.

Не имея возможности ответить, мужик посмотрел куда-то ему за плечо. Оглянувшись, Елисей заметил торчащий из полки кованый гвоздь и, внимательно осмотрев саму полку,

осторожно потянул за шляпку. Тихо скрипнув, гвоздь вышел из доски сантиметров на пять и весь стеллаж начал отходить от стены.

– Ловко, – оценил схрон Елисей. – Сами делали или нанимали кого?

В ответ послышалось только злобное сопение. Распахнув дверцу, парень внимательно осмотрел проем на предмет ловушек и, убедившись, что ничего подобного тут нет, принялся изучать замок. Как оказалось, все было просто, как мычание. К концу гвоздя, в котором было просверлено отверстие, была протянута проволока, которая и поднимала самый обычный крючок. Вся хитрость заключалась в петле, на которую он опускался.

Убедившись, что никаких сюрпризов тут нет, Елисей вернулся к мужику и, перетащив его в дальний угол подвала, тихо произнес, доставая кинжал:

– Легкую смерть ты заслужил. Уж прости, но живым я тебя оставить не могу.

Клинок бебута с еле слышным хрустом пробил плоть и вонзился в грудину, разрубая сердце. Дернувшись, мужик вытянулся всем телом, после чего медленно обмяк. Закрыв ему пальцами глаза, Елисей тщательно отер клинок и, убрав его в ножны, занялся делом. Бандитский схрон оказался чем-то вроде сокровищницы. Тут было все, что имело хоть какую-то ценность. И серебро в монетах, и шкатулка с золотыми червонцами, и серебряная же посуда, и пачки ассигнаций в уже знакомом парню саквояже.

Внимательно осмотревшись, Елисей задумчиво почесал в затылке и, приметив в углу какой-то мешок, недолго думая вытряхнул его содержимое на пол. Это оказались связки выделанных шкур.

– Прости, земноводное, но все я не унесу, – проворчал парень, с сожалением рассматривая роскошные меха.

Не удержавшись, он сунул связку соболей обратно в мешок и уже на них уложил полдюжины тяжелых кожаных мешочков с серебром. Сверху легла шкатулка с червонцами. Завязав горловину мешка, Елисей огляделся и, чуть подумав, ссыпал все серебряные ложки, вилки, ножи в саквояж с ассигнациями. Вот теперь можно было уходить. Он уже шагнул к выходу, когда взгляд парня уперся в небольшой сундучок, стоявший в углу, слева от двери. Откинув крышку, Елисей тихо присвистнул.

– А вот это я точно оставить не смогу, – тихо проворчал он и, захлопнув крышку, просунул в проушину первую попавшуюся под руку железку.

Сундучок был полон драгоценных камней и украшений с ними.

– Блин, пещера Али-бабы, – проворчал Елисей, оглядываясь. – Тут телега нужна, чтобы разом все вывезти. Похоже, они не только в городе, но и на дорогах разбойничали. И не один год подряд. Твою же мать, это сколько они народу загубили, чтобы столько собрать?!

Фраза про телегу прозвучала не просто так. В одном из углов схрона были стопкой сложены рулоны роскошного персидского шелка. Удрученно вздохнув, парень выбрался из подвала и, погасив свечку, направился к выходу. Спустя полтора часа усталый, взмыленный, но довольный, он сложил груз в своей комнате и, убедившись, что его отлучки никто не заметил, завалился спать.

Всю снятую с себя одежду он упаковал в мешок с грязными вещами, планируя устроить в крепости большую стирку. Только специально сделанные из мешковины нарукавники отправились в еще тлеющую печь летней кухни. Кровь на них отстирывать было бесполезно. За новый груз он не волновался. Все последние дни он готовился к отъезду, постоянно посещая базар и закупая гостинцы для своих домашних.

Казаки, глядя на такую его домовитость и хозяйственность, только одобрительно крякали и старательно помогали упаковывать все так, чтобы купленное перенесло дорогу без ущерба. Так что еще пару мешков при таком количестве поклажи никто и не заметит. Проснулся Елисей по привычке, с первыми лучами солнца. От души зевнув и потянувшись, парень с минуту понежился в постели и, поднявшись, отправился умываться.

Несмотря на трудную ночь, выспался и отдохнул он отлично. Дежурный казак, увидев его с кинжалами в руках, только одобрительно усмехнулся. Его тренировки заставили этих опытных бойцов принять парня как равного. А пара шутейных схваток убедила, что юный казак способен преподнести им серьезные сюрпризы.

Прогнав весь комплекс упражнений, Елисей умылся колодезной водой и, присев рядом с дежурным, негромко проворчал:

– Скорей бы домой. Надоело без дела сидеть.

– Сами ждем, – понимающе кивнул казак. – Полковник сказывал, сегодня все решиться должно.

– На то и надежда, – снова вздохнул Елисей.

Из дома начали выходить проснувшиеся бойцы, и парень, поздоровавшись, отправился одеваться. Сверкать при посторонних исподним тут было не принято. Позавтракав, Елисей, после недолгого раздумья, решил не нарушать уже сложившийся порядок и снова посетить базар. Все равно в доме делать было нечего. Заодно можно будет узнать последние слухи. Известие о налете на бандитскую «малину» уже должно было прогреметь.

Такие вещи долго скрыть никак не получится. А уж на базаре тем более. В общем, в очередной раз собравшись и прихватив пустую корзину, парень вышел во двор и, окликнув десятника, сообщил ему, куда собрался.

– Денег тебе не жаль, – проворчал тот в ответ.

– Денег, коль надо будет, еще добудем, – усмехнулся парень. – А без гостинцев домой возвращаться себя не уважать.

– Тоже верно. Ступай с богом. Или, может, кого из своих с тобой послать? – на всякий случай уточнил десятник.

– Ежели только кто сам пожелает, – пожал Елисей плечами.

Резкий отказ и такое же резкое согласие могли вызвать удивление. А привлекать внимание к своей персоне парень не собирался. Все должно идти, как обычно. Один из казаков, почесав в затылке, вызвался тоже сходить с парнем. Заодно прикупить кое-чего к столу. Дождавшись сопровождающего, Елисей повесил корзину на сгиб локтя и не спеша зашагал в нужную сторону.

* * *

Домой полковник Тимофеев явился, уже когда окончательно стемнело. Собрав свою команду, он не спеша закурил и, оглядев собравшихся, устало выдохнул:

– Значит так, други мои. Дело сделано. Считаю своим долгом поблагодарить всех вас. От лица службы и своего личного. Десятник. Завтра отберешь пять человек, которые станут сопровождением Елисея в крепость. Остальные пока так и будут нести службу в доме. Сразу скажу. Пока дело не будет передано в суд, любая бумажка из моего кабинета дорогого стоит. Что, Елисей? – повернулся он, заметив, как вскинулся парень.

– Тогда, может, лучше со мной четверых отправить, а шестеро пусть службу несут? Так оно им проще будет. Я бы и один уехал, да вы не позволите, – с усмешкой добавил он.

– Верно. Не позволю, – решительно кивнул полковник. – И этот вопрос не оговаривается. Без охраны ты никуда не поедешь. А с предложением твоим я, пожалуй, соглашусь.

– Александр Савич, а с чего вдруг мне так охрана потребовалась? – задумчиво поинтересовался Елисей.

– А с того, дружок, что мне уже сделано предложение: избавиться от тебя и потерять некоторое количество обнаруженных документов, – зло усмехнулся контрразведчик. – И ведь не побоялись, сволочи, ко мне с таким предложением прийти.

– Что-то я не понял. В этом деле я не фигурант, а только приглашенный специалист по тайникам. И в будущем процессе участвовать не собираюсь. Так с чего они решили от меня избавиться?

– С того, что бумаги те именно ты нашел, – словно маленькому, пояснил полковник. – А значит, даже если пропадут документы, ты все одно свидетель тому, что бумаги были. Ты же слышал, я назвал два условия, на которых они готовы предоставить мне огромные преференции. От счета в банке до получения должности в столице.

– В таком случае вам самому следует побережться, – решительно заявил Елисей. – А раз так, то со мной поедут двое, шестеро охраняют ваш кабинет, а остальные должны охранять вас самого. Без вас, Александр Савич, все это дело развалится, не дойдя до суда. Вы, как говорится, ключевая фигура.

– Осмелюсь доложить, ваше высокоблагородие, а парень-то прав, – вдруг вступил в разговор молчавший до этого момента десятник. – Вы уж не серчайте, но я сделаю так, как он сказал. Верно казачок рассудил. Без вас все дело развалится.

– Кх-м, я как-то не думал, что в городе они решатся на какие-то действия, – смутился полковник, удивленно поглядывая на десятника.

– А зря, – решительно припечатал Елисей. – Сами говорили, что от этих всего ожидать можно.

– Господь с вами, – подумав, махнул полковник рукой. – Пусть так и будет. Только, десятник, с парнем лучших бойцов пошлешь. Пусть двух, но лучших. Понял?

– Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие. У меня все бойцы добрые, – решительно заверил десятник, выразительно посмотрев на парня.

– Ну, а теперь самое приятное, – усмехнулся контрразведчик. – Я, пока суд да дело, пользуясь возможностью, напрямую обратился к генерал-губернатору, и после доклада попросил его подписать приказ о награждении участников раскрытия этого дела. Так что, Елисей Кречет, его волей, поздравляю тебя Георгиевским кавалером. Изволь. Вот грамота за подписью его высокопревосходительства и сам крест.

С этими словами, достав из портфеля указанные предметы, полковник поднялся и, подойдя к вставшему парню, лично прикрепил ему на грудь награду.

– Уж прости, что без подобающего торжества, но пока про тебя только слышали. И пусть так и дальше останется, – пояснил он.

– Благодарствую, ваше высокопревосходительство, – приняв уставную стойку, поблагодарил парень.

– Это еще не все, – ехидно усмехнулся контрразведчик. – За подготовку команды пластунов, которые в данное время несут службу на балканском фронте, генерал-губернатор принял решение наградить тебя, Елисей Кречет, орденом Святой Анны второй степени, как директора школы пластунов. Изволь получить, – пряча улыбку, закончил полковник.

– Прямо звездопад какой-то, – растерянно проворчал парень.

Все эти награды его мало волновали, а вот поток милостей показался весьма подозрительным. Тимофеев, словно прочтя его мысли, прикрепляя орден, тихо буркнул:

– Не ищи подвоха. Его высокопревосходительству давно о твоих делах докладывают, да только повода для награждения не было. Тут дело больше придворное, чем служебное. За чаем поговорим, – пообещал он, возвращаясь к столу.

Казак, наблюдавшие за этим награждением, только удивленно переглядывались. Полковник, достав из портфеля пачку ассигнаций, раздал каждому из десятка по десять рублей, пообещав, что по окончании дела будет еще одно награждение. На этом торжественная часть была закончена, и полковник, попросив вздуть самовар, отправил всех заниматься своими делами. Елисей, выйдя в коридор, ухватил десятника за рукав и, заведя его в свою комнату, тихо спросил:

– Кого со мной пошлешь? Сразу говорю, лучших стрелков ты должен к нему приставить, – парень пальцем ткнул в сторону столовой, где остался полковник.

– Так и сделаю, – помолчав, кивнул казак. – С тобой лучших кавалеристов пошлю. Им дорогу проехать легче будет. Да и не думаю, что тебя кто-то в дороге ловить станет.

– Верно. Рожу мою, кроме вас да жандармов, никто толком и не видел, – кивнул парень. – Завтра день берем на сборы, а послезавтра, с первым светом, в путь. Казакам своим скажи.

– Сделаю, будь покоен, – уверенно кивнул казак.

Они спустились во двор, и Елисей, присев на лавку, принялся прокручивать про себя все всплывшие за этот день новости. На базаре слухи о разгроме на бандитской «малине» уже смаковали все кому не лень. Базарные воришки бродили меж рядов словно пришибленные, то и дело затравленно оглядываясь и даже не пытались присматривать денежных клиентов. Сам казак, услышав эту новость, удивленно покачал головой и, хмыкнув, пошел дальше, всем своим видом показывая, что все это его не касается.

Когда подали в столовую самовар и все потребное к толковому чаепитию, парень отложил свои думы и отправился на очередной разговор с контрразведчиком. Вся эта история с наградами его заметно напрягла и удивила. Дождавшись, когда полковник выпьет первую чашку горячего напитка и расстегнет две верхние пуговицы своего френча, Елисей отхлебнул из своего стакана и, откинувшись на спинку стула, тихо спросил:

– Так с чего вдруг такие милости, Александр Савич?

– Ты хоть кому-то доверяешь? – вместо ответа, поинтересовался полковник.

– Смотря когда, – жестко усмехнулся Елисей. – В бою я вам спину без раздумий поставлю. А вот в политике – увольте. Никому не верю. Разменяют по копейке и фамилии не спросят.

– Ох, и злой же ты, – покачал полковник головой. – Ладно. Бог тебе судья. А за награды не переживай. Тут все честно. Так уж сложилось, что Морозов успел протолкнуть все твои достижения через голову генерал-губернатора, а ему такое дело словно нож острый. Вот он и воспользовался поводом, чтобы перед канцелярией его величества показать, что находится в курсе всех местных дел и готов их всячески поддерживать. Тут тебе и за школу награда, и за помощь в раскрытии заговора. Думаю, за дело с фальшивым серебром тебе от Морозова тоже кое-что перепадет.

– Так оно же вроде еще не закончено, – с сомнением протянул парень.

– А сие уж и не важно, – отмахнулся полковник. – Ты партию фальшивок нашел? Нашел. При аресте фигурантов пострадал? Пострадал. Вот и жди награды, – усмехнулся он, шурясь, словно кот, безнаказанно умявший миску сметаны.

– Та-ак, господа хорошие, – помолчав, угрюмо протянул Елисей. – Похоже, вы с ним решили из меня на этих скачках фаворита сделать. Надеюсь, еще не стали тотализатор устраивать?

– Нет никаких скачек, Елисей, – вздохнул полковник, снова наполняя свою чашку чаем. – Так уж сложилось, что ты нам с ним обоим нужен. Ему, как человек, умеющий находить неожиданные решения в сложные времена, а мне – как мой человек в крепости и округе. Комендант ваш офицер, бесспорно, надежный и честный, но у него и своих проблем хватает, за которыми он важного может и не заметить. Помнишь, как с картами было?

В ответ Елисей только кивнул, внимательно его слушая.

– То, что он тебя в дворянское достоинство ввел, для меня большая польза. В этом случае я лет через пять смогу тебя офицером сделать. С атаманом я договарюсь, – отмахнулся он, увидев, что парень собрался возражать. – И станешь ты не просто офицером, а офицером казачьего воинства. А школа твоя – это почитай кадетский корпус для нужных мне людей. Уж поверь, с той выучкой, что мальчишки у тебя получают, я, даже самых худших забрав, с прибытком буду. Ты же их, как хрустальные вазы, вручную выделываешь. Шаховского помнишь?

– Конечно.

– Так вот, я его из пехотного полка забрал только за одно серьезное в нашем деле достоинство. Наблюдательный очень. А опыт, как говорится, дело наживное. Вот и сравни того подпоручика и кого из своих башибузуков. Что получается?

– Порвут подпоручика, как Тузик шапку, – буркнул Елисей, невольно, усмехнувшись. – Что в бою, что в кулачной драке, что в слежке за любим.

– Вот именно, – рассмеялся в ответ полковник. – По совести сказать, я, когда про твою школу услышал, поначалу не поверил, что из этого что-то толковое получится. А когда башибузуков твоих в деле увидел, понял, что дураком был. Твои выученики, Елисей, для моей службы словно манна небесная. И потому я с тех пор делаю все, чтобы школа твоя работала. Должен признать, помощи от меня не много. Но в штабе и при дворе генерал-губернатор все знают: эту школу, без моего ведома, трогать опасно.

– А что, уже хотели? – заинтересовался парень.

– Были ухари, – кивнул полковник. – Когда Морозов, со своими приказами, словно медведь на пасеку влез. Сам подумай. На пустом месте сразу столько приятных привилегий. Даже дворянское достоинство. Да любой карьерист за подобный шанс зубами ухватится. А тут никому не известный казачок. Да еще и почти подросток. Недоросль, можно сказать. Хотели подвинуть. Очень хотели. Да быстро сообразили, что вся эта история по линии казачества проходит и к армии как таковой никакого касательства не имеет. Тут даже ваш атаман не властен, потому как все это ты сам, на свой кошт затеял. И влезать теперь, после признания тебя директором и главным мастером, глупо. Шипели, словно гуси рассерженные, – снова рассмеялся он.

– М-да, – задумчиво протянул Елисей. – Думал, пластунов для казачества учить стану, а вышло, что и для вашей службы, и для казначейства бойцов готовить надо. Добре. Но знайте, Александр Савич, казачье войско прежде всего. Остальных сами с Морозовым промеж себя делите.

– Я же сказал, от тебя и худших забрав, все одно с прибытком буду, – отмахнулся полковник. – Ты только не бросай это дело. А уж я помогу. Чем смогу, тем и помогать стану. Слово даю. Вот скажи, к примеру. Выученики твои сумели бы так же, как ты, тайник отыскать?

– Сумели бы. Времени больше бы потратили, но нашли, – подумав, уверенно кивнул Елисей. – Я их всему, что сам знаю, учу. Да еще и старых казаков к этому делу подтянул. Старики много всяких хитрых уловок помнят. Вот и хочу все это в одном месте собрать, – поспешно пояснил он под одобрительное кивание контрразведчика.

– Вот и смотри, что выходит, – тут же подхватил Тимофеев. – Они у тебя и стрелки, и следопыты, и бойцы кулачные, в рубке противники страшные, и в лаве уверенно держаться будут. А человека скрасть им, что воды попить. Так, или я забыл чего?

– Все грамоте обучены, – добавил парень, чуть улыбнувшись, – ножевому бою, а главное, нужное видеть умеют.

– Вот видишь, – развел полковник руками. – Я ради одного таланта наблюдательности человека к себе перетаскиваю, а тут в каждом бойце все, что моей службе надо. И ты еще сомневаешься, что твоя школа мне полезна?

– Да я не сомневаюсь, – мотнул Елисей чубом. – Просто думаю, где столько мальчишек набрать, чтобы и вам угодить, и Морозову помочь, и войско без разведки не оставить. А ведь учеба, тем более такая, дело не быстрое. Тут два года отдай, и не грехи. И это в лучшем случае.

– Да уж, ситуация, – понимающе вздохнул полковник. – Ну да ладно. Худо-бедно, а пока дело делаем и с теми, что есть. А ты учи, Елисей. Учи.

– А что там у Морозова слышно? – сменил парень тему.

– А что у Морозова? – пожал полковник плечами. – Его люди в Тифлисе землю роют, все канал поставки фальшивого серебра ищут. И по лесам носятся. Слух прошел, что то серебро

стали на нашей территории делать, чтобы, значит, через границу не тащить. Но, сам понимаешь, это все только на уровне слухов.

– А в том ущелье, где османы силы копили, уже побывали? – не унимался парень.

– Вот уж чего не знаю, – качнул полковник головой. – У меня и без него голова кругом от местных дел.

– Да уж, вовремя хватились, – поддакнул Елисей, прихлебывая чай.

– Когда уезжать собираешься? – со вздохом поинтересовался Тимофеев.

– Завтра карету осмотрим, загрузим, и послезавтра с первым светом в путь, – улынулся Елисей, с довольным видом потянувшись.

* * *

Покачиваясь на сиденье кареты, Елисей нещадно зевал, бездумным взглядом скользя по проплывающему мимо пейзажу. Прощание с Анютой вышло бурным и долгим, но парень вспоминал его с удовольствием. Выехали они, едва рассвело, и к середине дня успели проехать достаточно много. К памяtnому постоялому двору карета подкатила уже в полной темноте. С учетом того, что в прошлый раз от этого места до города их кавалькада добралась только на следующий день, скорость их передвижения оказалась выше.

Этот факт Елисея изрядно порадовал. Едва войдя в обеденный зал, парень с ходу наткнулся взглядом на хозяина и едва заметно усмехнулся, заметив панику, мелькнувшую в его глазах. История с попыткой покушения еще не забылась, и хотя по первому расследованию этот трактирщик показался всем непричастным к делу, на карандаш его взять, что называется, сам бог велел. Не стоит забывать, что человек, допустивший подобный инцидент в собственном заведении, вполне может оказаться участником какой-нибудь преступной группы, промышляющей грабежом на местных дорогах.

Подойдя к стойке, Елисей иронично усмехнулся и, жестом подозвав хозяина поближе, равнодушным тоном приказал:

– Комнаты мне и моим людям, и ужин, вон за тот стол. Казаки по соседству сядут. Вопросы?

– Сей момент все будет, сударь, не извольте беспокоиться, – тут же изогнулся хозяин в угодливом поклоне.

– И еще. Ежели меня ночью снова побеспокоят, я этот гадюшник прикажу спалить к чертовой матери. Вместе с тобой, – прошипел парень так, что хозяин невольно шарахнулся в сторону.

Запнувшись о табурет, он с грохотом рухнул на пол и истерично засучил ногами, пытаясь отползти от этого страшного казачка как можно дальше. И только когда Елисей прикрыл глаза, едва сдерживаясь, чтобы не заржать от этой картины, дородный мужчина кое-как взял себя в руки и, кряхтя, поднялся на ноги. Наблюдавшие эту картину казаки удивленно переглянулись, не понимая, что произошло. Ведь Елисей даже пальцем хозяина не тронул.

Подскочивший слуга повел их в отведенные им комнаты. Умывшись и сменив одежду, Елисей снова спустился в зал и, присев за выбранный стол, чуть кивнул одному из своих сопровождающих. Второй уже отправился охранять карету и груз в ней. Доверять местным сторожам ни казаки, ни сам парень не собирались. Поэтому бойцы сразу договорились между собой, что есть и спать в дороге будут по очереди, неся охрану.

Служанки уже начали накрывать на столы, когда в зал вошел мужчина средних лет в сопровождении двух молодых женщин. Оглядевшись, мужчина решительно направился в сторону стола, который занял Елисей, явно собираясь указать парню, что тот уселся не на свое место, но чем ближе он подходил, тем больше недоумения проявлялось на его лице. Полученные награды парень так и не снял, так что мужчине было, от чего прийти в изумление.

Орден Святой Анны вручался только представителям дворянского сословия. Взяв себя в руки, мужчина подошел к столу и, едва заметно склонив голову, спросил:

– Вы позволите присоединиться к вам за столом, молодой человек?

– Окажите мне честь, сударь, – поднявшись, блеснул вежливостью Елисей.

– Благодарю. Позвольте представиться. Никодимов, Арсений Сергеевич, коллежский ассессор.

– Елисей Кречет. Директор школы пластунов. К вашим услугам, – все так же вежливо ответил парень.

– Школы пластунов?! – изумленно переспросил Никодимов. – Что ж. Это многое объясняет. Позвольте представить вам, моя супруга, Глафира Степановна, и ее сестра, Елизавета Степановна, – назвал он подошедших женщин.

– Весьма рад знакомству, сударыни, – щелкнул Елисей каблуками сапог. – Прошу, присаживайтесь. Как говорится, в ногах правды нет.

Дождавшись, когда женщины займут свои места, они с Никодимовым уселись за стол, и тут же подскочившая к ним подавальщица принялась перечислять блюда, которые можно получить прямо сейчас. Сам парень отдал предпочтение рыбным блюдам и пирогам с ягодой. Семейство явно устало в дороге и успело изрядно проголодаться, поэтому, едва только подали холодные закуски, как все тут же забыли про вяло текущую беседу. Сам же Елисей не горел желанием общаться, с удовольствием уплетая жареную рыбу.

Только когда первый голод был утолен, женщины вспомнили о правилах хорошего тона и тут же засыпали парня вопросами. Судя по их активности, это семейство давно уже не выбиралось из своего имения и теперь жаждало услышать последние новости. К собственному удивлению, Елисей легко отражал эту атаку, рассказывая им все услышанные на базаре новости. Как это было ни смешно, но даже рассказы на уроне слухов воспринимались ими словно открытие свыше.

Не спеша попивая чай, Елисей задавал в ответ на первый взгляд ничего не значащие вопросы, но за время беседы успел выяснить, что сестрица в этой семейке является кем-то вроде приживалки. Будучи вдовой, она после смерти мужа передала все свои капиталы в управление мужа сестры и переселилась к ним в дом. Такое в этом времени практиковалось регулярно, особенно если женщина не имела склонности к ведению дел.

Сам господин Никодимов в беседе участия почти не принимал, при этом внимательно слушая ответы парня. Наконец, когда женские страсти немного улеглись, он слегка понизил голос и, глядя парню в глаза, спросил:

– А что вы слышали о резне, устроенной неизвестными в доме, где проживали криминальные главари?

– Только то, что она была, – равнодушно пожал плечами Елисей. – Это случилось перед самым моим отъездом, так что толком еще ничего не было известно.

– А сами вы что об этом думаете? – не унимался коллежский ассессор.

– Признаться, ничего, – усмехнулся парень, глядя ему в глаза.

– Отчего же так, позвольте спросить?

– А чего мне о них думать? Бандиты, они бандиты и есть. Не поделили что-то промеж себя, вот и вышло, что вышло. По мне, так чем больше их в таких спорах поляжет, тем воздух чище.

– Не любите блатных? – уточнил Никодимов.

– А они, уж простите, не девицы, чтобы их любить или не любить. Но терпеть эту шваль, простите за грубость, никакого желания не имею, – спокойно ответил парень, не спеша прихлебывая чай.

– Отчего же, позвольте спросить, такая немилость к тем несчастным? – тут же последовал вопрос.

– А оттого, дорогой Арсений Сергеевич, что есть большая разница между блатными и так называемыми сараями. Объяснить, что это такое?

– Сделайте одолжение.

– Извольте. Сараями в блатном мире называют мужиков, которые были осуждены к каторге за так называемые бытовые преступления. Или они были арестованы по какой иной причине, но к блатному миру никакого касательства ранее не имели. По сути, это обычные люди, оказавшиеся по ту сторону закона. А вот блатные это отдельная история. Эти изначально знают, на что идут, когда готовят очередной налет или планируют нападение. Так вот сарая я готов пощадить и пожалеть. В нашем богоспасаемом государстве человек может оказаться на скамье подсудимых по многим обстоятельствам. Как говорится, от суммы и от тюрьмы не зарекайся. Человек способен оступиться, ошибиться, оказаться не в то время и не в том месте. Но он не живет этим.

– Что ж, ваша позиция по этому вопросу мне вполне понятна, – задумчиво кивнул Никодимов. – А вы не боитесь, что подобное отношение к блатным может отразиться на вас самом?

– Это каким же образом? – удивился Елисей.

– Ну, к примеру, они узнают об этом и решат отомстить или, как у них это принято, наказать.

– Милости прошу, – зло усмехнулся Елисей. – Если вы забыли, осмелюсь напомнить, я директор школы пластунов. Так что пусть приходят. Моим ребятам будет, на ком тренироваться.

– А ведь вы действительно не боитесь такого развития событий, – удивленно протянул Никодимов.

– Сударь, чтобы меня напугать, требуется нечто большее, чем дюжина каторжников с заточками, – фыркнул Елисей, невольно расправив плечи и выпрямившись.

– Господи, вот это взгляд, – послышался горячий шепот.

Не сообразив, о чем речь, парень оглянулся на внимательно слушавших из беседу женщин и невольно поразился тому, как блестят глаза Елизаветы. Жена Никодимова принялась яростно обмахиваться веером, отведя взгляд и суетливо поправляя кружева на груди. Краем сознания отметив такое их странное поведение, парень перевел взгляд на самого хозяина этого курятника и снова удивился.

Коллежский асессор смотрел на него так, словно видел в парне врага. Еще не злейшего, но до того осталось всего полшага.

«Мама дорогая, да он же ревнует! – ахнул про себя Елисей, заметив, как покосился Никодимов на жену. – Вот только Отелло местного разлива мне для полноты счастья и не хватало».

Делая вид, что занят наполнением своей чашки, парень взял паузу и, дав семейству немного успокоиться, негромко продолжил разговор:

– Вам бы, Арсений Сергеевич, к нам в крепость приехать, когда османы подбили горцев ее в осаду взять. Тогда бы у вас любые вопросы сами собой отпали. В наших местах труса праздновать означает самого себя разом погубить. А горец, доложу я вам, это совсем не каторжник с кистенем. Он от рождения воин. Потому как или он клан свой защитит, или более сильному прислугой станет. Промеж себя они режутся так, что и сказать страшно. Особенно ежели кровавая месть объявлена.

– М-да, об этом я, признаться, как-то не подумал, – нехотя признался Никодимов. – Что ж. Благодарю за приятный вечер. Прошу нас извинить, но с дороги и отдохнуть пора.

– Само собой, сударь. Я и сам уже собирался откланяться, – кивнул Елисей, не спеша допивая чай.

Коллежский асессор поднялся, тем самым вынуждая своих женщин последовать за ним. Обе сестры, легко вскочив, мило попрощались и поспешили на второй этаж, где им уже были приготовлены комнаты. Проводив взглядом Елизавету, судя по всему, младшую из сестер, Ели-

сей машинально отметил про себя и высокую грудь, и плавную походку женщины и на всякий случай осмотрел зал.

Ему хватило прошлого приключения, так что любое странное лицо он отмечал про себя как возможно опасное. Закончив ужинать, парень посидел еще немного и, чувствуя, что начало клонить в сон, поднялся. Пройдя в свою комнату, парень не спеша разделся и, умывшись принесенной служанкой водой, уже собрался улечься в постель, когда послышался тихий стук в дверь. Не ожидавший такого Елисей моментально оказался у стула, на котором были сложены его вещи, и, щелкнув взведенным курком, откинул крючок, на который дверь была закрыта.

Из темноты коридора в комнату бесшумно скользнула призрачная тень, и тонкие, обнаженные руки обвилились вокруг его шеи.

– С ума сошла, – еле слышно проворчал парень, автоматически прижимая к себе гибкое женское тело.

– Ага. Вот как глазища твои увидела, так и сошла, – прозвучало в ответ, и Елизавета впиалась ему в губы долгим, сладким поцелуем.

– А ежели муж сестрицы заметит? – оторвавшись от нее, на всякий случай поинтересовался парень. – Он же ревнив, как тот мавр.

– Это он только Глашу к каждому столбу ревнует, – отмахнулась женщина. – Я ему не интересна. И, слава богу, к слову сказать. Извел уже ее своими подозрениями. Мой-то покойничек тоже с норовом был, но до такой глупости никогда не доходил, – тихо хихикнула она, проскальзывая к кровати.

– Ну и слава богу. Пусть за своей бабой и дальше следит, – усмехнулся в ответ Елисей, откладывая револьвер и снова обнимая женщину.

– Ты всегда с оружием спишь? – не удержавшись, поддела его Елизавета.

– В наших краях в постель сначала оружие кладут, а только потом женщину. Потому как, ежели хочешь, чтобы женщина спокойно жила, ласкай первым делом оружие.

– Жуть какая, – прошептала женщина, снова припадая к нему поцелуем.

* * *

– Ну, ты и ухарь, – одобрительно поддел парня казак, посмеиваясь в пышные усы. – Не успел с одной слезть, как уж другую оседлал.

– Еду, сон и бабу надо брать, когда возможно. А то следующего раза может и не быть, – пожал плечами Елисей, перефразируя поговорку из своего времени.

– Тоже верно, – понимающе кивнул казак. – Ты мне вот что скажи. Верно говорят, что в твою школу любой прийти может?

– Верно. Главное, чтобы первую экзаменацию выдержал. А уж остальному научим. Но ежели мальчишка в грамоте ловок или еще талант какой имеет, это за него сыграет.

– Ишь ты, в грамоте, – удивленно хмыкнул казак. – А зачем простому пластуна грамота?

– А кто сказал, что я простых пластунов готовлю? – иронично переспросил парень. – Нет, друг ситный. Моих выучеников, вон, контрразведка готова на корню выкупать. Да и другие службы уже интересуются.

– Шутишь?! – удивленно охнул казак.

– Не тот случай, чтобы шутики шутить, – мотнул Елисей чубом. – От того, как я своих мальчишек выучу, их остальная жизнь сложится. Потому и сирот подбираю. И род казачий не затухнет, и мастерство воинское не пропадет.

– От то добре, – одобрительно закивал казак.

Карета не спеша катила по степной дороге, с каждой минутой все больше приближаясь к конечной точке своего путешествия. В Пятигорск они прибыли уже вечером. Казаки, имея строгие указания от полковника Тимофеева, тут же направили транспорт на указанное им

подворье, но Елисей, попросив высадить его у лавки ювелира, уговорился с ними встретиться следующим днем, чтобы оговорить дальнейшие действия. Помня, что этот парень на короткой ноге с полковником, казаки спорить не стали.

Изя принял приятеля с распростертыми объятьями. Все заказы, которые Елисей оставлял ему, проезжая в ту сторону, уже были собраны и погружены на новенькую повозку от Митрича. Осмотрев транспорт, Елисей одобрительно кивнул и, покачав колесо, уточнил:

– Ролики в ступицы ты лил?

– Ну а кто еще, – гулко рассмеялся гигант. – Не поверишь, но у нас эти повозки уже с руками отрывают, хоть и стоят, словно настоящие кареты.

– А каретники местные не злобятся? – с улыбкой поинтересовался Елисей.

– А смысла нет. Они нам не конкуренты. Подшипники только у нас имеются, а раму железную тоже только мы делаем. По отдельности все это у нас купить можно, а все одно правильно собрать у них не получается. Это не телеги сколачивать. Тут с железом работать уметь надо. Тут ведь как. Мы же только раму с колесами делаем. А уж остальное кто как сам захочет. Можем и просто повозку, как эта, а можем и что посерьезнее. Вот они и решили, ежели кому на нашей раме что серьезное надо, то раму они у нас покупают, а дальше как хозяин пожелает.

– Понятно. В общем, своего не упускаете, – понимающе кивнул Елисей.

– А у меня к тебе тоже дело есть. По твоему прямому умению.

– Это ты про что? Неужто снова где контрабандное золото добыл, – тут же подобрался ювелир.

– Угадал, дружище, – с улыбкой кивнул парень. – Пошли в дом, покажу.

Друзья прошли в комнату парня, и Елисей, достав сундучок с камнями и украшениями, заперев дверь, выставил его на стол.

– Любуйся, – вздохнул он, откидывая крышку.

– Ох, чтоб тебя! – ахнул ювелир, разглядев содержимое сундучка. – Ты кого ограбил, ирод? Я же вижу, что все украшения ношенные.

– Ты за кого меня держишь, бычок кудлатый? – возмутился парень. – Хоть раз было такое, чтобы я ограбил кого?

– Тогда откуда? – насупившись, потребовал ответа ювелир.

– У разбойников отбил. А ежели точнее, «малину» разбойничью разгромил, а это добыча, – не стал юлить Елисей.

– Ну да. Это на тебя похоже, – вздохнул Изя, успокаиваясь. – И что делать со всем этим добром собираешься?

– А вот об этом я с тобой и хотел посоветоваться. Ты в таком деле лучше меня соображаешь.

– Решил, как в тот раз, переделать и продать? – сообразил здоровяк.

– А чем плохо? – не понял парень. – И вам дело, и мне прибыль. Ну не бежать же мне с этим в полицию. Они же первым делом спросят, где взял и почему раньше не пришел. А оно мне надо? Да и не думаю, что настоящие хозяева этих побрякушек живыми остались. Не те люди там были, чтобы за спиной живых видаков оставлять.

– Тоже верно, – задумчиво проворчал ювелир. – В общем так. Ежели готов ты мне в этом деле довериться, то я бы все оправы совсем переделал. Есть у меня одна задумка. Давно хотел что-то такое сделать, да все материала не хватало. Как?

– А кому мне еще доверять, как не тебе? – изумился Елисей. – Кто из нас ювелир?

– А с камнями что делать хотел? – кивнув, уточнил Изя, перекладывая украшения из сундучка на стол. – Камни-то хорошие, – добавил он, пересыпая их с ладони на ладонь. – Зря так возишь. Это алмазы ничего не боятся. А остальной камень лучше осторожно хранить.

– Как было, так и забрал, – вздохнул Елисей, запуская пальцы в драгоценную россыпь. – Пожалуй, оставлю их до особых времен. Кто знает, как оно там сложиться может. Хотя, ежели тебе что-то для твоих задумок надо, бери.

– Ты серьезно? – охнул Изя, не поверив собственным ушам.

– Да когда же ты поймешь уже, что мне друзья всегда дороже денег будут? – возмутился парень. – Тем более что прибыль все одно пополам делить станем.

– С чего бы? Камни всегда дороже оправы стоят.

– А материал для нее, а работа твоя? – не сдавался Елисей. – От меня только камни. Так что не дури мне голову и не спорь.

– Ну, ежели можно, то я бы кое-что тут отобрал, – неуверенно вздохнул Изя.

– Бери, – решительно кивнул парень.

Кивнув, ювелир принялся выкладывать камни из сундучка, попутно откладывая те, которые ему подходили по какой-то только ему понятной схеме. Кучка из пятнадцати разных камней легла отдельно. Остальные камни Изя аккуратно сыпал обратно в сундучок.

– Так. Сейчас весы принесу и писчие принадлежности, – радостно выдохнул здоровяк, выскакивая из комнаты.

Спустя несколько минут он вернулся, неся в руках все необходимое для полной проверки и описи драгоценностей. Усевшись за стол, ювелир принялся священнодействовать. Первым делом Изя взялся за камни. Взвесив, он тщательно записывал его сорт, вес, качество огранки и все изъяны. И так с каждым отобранным камнем. После чего взялся за готовые украшения. Тут подробностей было не меньше, но точного описания самой оправы Изя специально не давал. Только общий вес изделия.

Глядя на него, Елисей только головой качал. Тишину в комнате нарушило тихое постукивание палки, на которую опирался дед Изя. Словно почуяв, что парни задумали что-то интересное, старик выбрался из своего кресла и отправился в комнату, отведенную Елисею. Вежливо постучавшись, он вошел и, едва увидев разложенные на столе драгоценности, всплеснул руками:

– Изя, ты шлемазл! Сколько я должен тебе повторять, что украшения нельзя бросать на стол просто так. Их должно класть на мягкое сукно.

– Не сердитесь, дедушка. Это я виноват, – вступился Елисей за друга. – Притащил сундучок сюда, чтобы показать, а потом придумали, как все это привести в нужный вид. Вот он и поторопился.

– Елисей, такое небрежение простительно вам. Вы, юноша, человек войны и для вас это только часть добычи. А ему подобное непростительно, – наставительно вздохнул старик. – Бог с вами. Покажи, что ты там нашел, – потребовал старик у внука, подходя к столу.

– Вот, дедушка. Тут только оправу переделаем и сразу в продажу пустим. А вот из этого я свой гарнитур сделать хочу. Металл у меня есть. Специально откладывал, – принялся пояснять Изя, пальцем указывая на украшения.

– Гм, Елисей, как давно у вас эти вещи? – внимательно рассмотрев ожерелье, поинтересовался старик.

– И месяца еще нет, – пожал парень плечами. – По случаю досталось. Как вы правильно сказали, добычей взял.

– У горцев? – тут же последовал вопрос.

– Нет. У наших каторжников.

– От этого не легче, – удрученно вздохнул старик, поглаживая украшение сухими, подрагивающими пальцами. – Это ожерелье делал мой старый приятель для одного богатого дворянина. Было это лет двадцать назад. А семь лет назад они с женой были найдены убитыми на дороге. Думаю, и на остальных украшениях тоже есть кровь.

– Думаю, вы не ошиблись, – помолчав, кивнул Елисей.

– Что ж. Изя, сделай так, чтобы никто и никогда больше не смог узнать эти вещи. Ты умеешь, я знаю. А что с камнями делать собрался?

– Помнишь, я тебе показывал свой эскиз? Гарнитур из пяти предметов с камнями, – смутившись, ответил здоровяк. – Елисей разрешил мне взять немного камней для него.

– Красивая вещь получится, – помолчав, кивнул старик. – Елисей, а вам не жалко отдавать ему такие камни? – поинтересовался он, внимательно рассматривая кучку отложенных драгоценностей.

– Дедушка, вы же сами сказали, красивая вещь получится, – развел Елисей руками. – А Изя мастер, каких поискать. Так чего камням попусту без дела лежать?

– Рубины, изумруды, сапфиры, бриллианты. Он отобрал лучшее, что здесь было. Эти камни стоят очень больших денег, – не унимался старик.

– Дедушка. Друг мне всегда будет дороже любых денег. А раз у Изя есть мечта сделать очень красивую вещь, и я могу ему в этом помочь, значит, так и будет. Я помогу, – твердо ответил парень, решительно подвигая всю кучку камней поближе к здоровяку.

– Храни тебя господь, мальчик, – еле слышно вздохнул старик и, похлопав внука по литому плечу, вышел из комнаты, тяжело шаркая ногами.

– Тяжело ему, – вздохнул Изя, глядя деду вслед. – Разум еще ясный, а глаза и руки уже не работают. Вот и мается.

– Так, может, и ему какую задачку подкинуть? – помолчав, осторожно предложил парень. – А что? – удивился он, заметив растерянный взгляд приятеля. – Камни есть. Металл у тебя тоже есть, ты сам говорил. Вот пусть и сделает что-нибудь. С чем он работать больше всего любил?

– С алмазами. У него это получалось даже лучше, чем у меня, – вздохнул Изя, грустно улыбнувшись.

– У него опыт есть, – кивнул Елисей. – Так. Заканчивай свое дело, и пошли к нему.

– погоди. А что именно ты хочешь ему заказать? – вскинулся Изя. – Учти, бриллиантов у тебя осталось не так и много. Но они самые дорогие.

– Изя, я тебе в глаз дам, ежели еще раз услышу про деньги, – рыкнул в ответ Елисей. – А заказать я ему думаю ожерелье. Да. Ожерелье для девушки. Точнее, для невесты. Ну, будет же у меня когда-нибудь невеста? – смутился он, заметив насмешливый взгляд друга. – Вот для нее и закажу. А расчет будет из этих материалов. Нечего деньги из кармана в карман перекладывать. Тут учли, там вычли, и все дела.

– Согласен, – гулко расхохотался ювелир. – погоди маленько, сейчас допишу, и пойдем.

Закончив с описью, они убрали все разложенное на столе и, прихватив сундучок с собой, отправились в комнату к деду. Старика друзья нашли на его привычном месте. В кресле, возле окна. Увидев ребят, старик удивился и, отложив газету, снял с носа пенсне. Елисей, подвинув к креслу стул, уселся на него верхом и, улыбнувшись, спросил:

– Дедушка, а вы можете из тех камней, что у меня остались, сделать для девушки ожерелье, подобного которому больше нет?

– Ох, мальчик мой, задай ты мне этот вопрос лет десять назад, я бы с радостью сказал, что это не сложно. А теперь... – старый ювелир покачал головой и, протянув вперед руки, показал им дрожащие пальцы.

– И все-таки, дедушка, я бы хотел, чтобы именно вы сделали для меня такое ожерелье, – мягко надавил Елисей. – Изя – прекрасный мастер, но ваш опыт с его не сравнить. Пожалуйста. Я бы хотел подарить своей невесте ожерелье вашей работы.

– А у тебя уже есть невеста? – оживился старик.

– Пока нет. Но кто знает, что будет завтра? Сегодня мы воюем, а завтра снова будем пахать землю. Так всегда было, и так всегда будет. Помните, что было написано на кольце? Все проходит.

– И это пройдет, – понимающе кивнул старик. – Хорошо. Я сделаю тебе ожерелье. Второго такого не будет ни у кого. Учись, Изя. Этот парень сумеет и змею уговорить, – поддел он внука, озорно подмигнув Елисею. – Но учти, мальчик, это будет не быстро, – тут же добавил старик.

– А я и не тороплюсь, мастер, – улыбнулся Елисей в ответ.

* * *

Радостные вопли мальчишек оглушали и одновременно наполняли душу парня теплом. Глядя на их блестящие от восторга глаза, Елисей чувствовал, как губы невольно разъезжаются в счастливой улыбке. Появление в крепости кареты в сопровождении крепкой, новенькой повозки вызвало ажиотаж. Загнав весь транспорт во двор, Елисей велел мальчишкам разгружать его и, указав казакам, где им придется отдыхать, отправился на доклад к коменданту.

Дождаться, пока штабс-капитан придет за ним посыльного, парень не стал. Что ни говори, а от коменданта в крепости зависело почти всё. Так что выказать свое уважение к нему было необходимо. Войдя в давно знакомый кабинет, Елисей лихо козырнул и, улыбнувшись, доложил:

– Ваше превосходительство, Елисей Кречет по исполнению задания командования вернулся домой.

– Издеваться изволишь? – поинтересовался комендант, пряча улыбку в усах.

– Господь с вами, Алексей Захарович, – рассмеялся Елисей. – Никогда и в мыслях не держал издеваться над вами.

– Садись, герой, – усмехнулся в ответ комендант, с интересом поглядывая на ордена, красовавшиеся на череске парня. – Рассказывай, что ты там такого сотворил, что тебя так обвешали.

– Да ну, – отмахнулся парень. – Георгия дали за помощь в деле, подробности, сами понимаете, рассказать не могу. А Анну от генерал-губернатора за школу. Раньше повода не было. И так золотым дождем из столицы окатило. Вот и выбирали момент.

– Тимофеев постарался? – на всякий случай уточнил комендант.

– В этом случае больше некому, – развел Елисей руками. – Его операция была.

– Сам-то как? Поправился? – подумав, спросил комендант, доставая портсигар.

– Почти, – вздохнул Елисей, невольно коснувшись левого бока.

– Что дальше делать собираешься?

– У меня теперь одно дело. Мальчишек обучать. Тимофеев обещал даже самых бестолковых у меня к себе в службу забирать. Так что работы впереди много.

– Да ладно, – отмахнулся комендант. – Тут без тебя старики-разбойники такое устроили, что вся крепость скоро волком взвояет. А башибузуки твои только посмеиваются. По чести сказать, иной раз уже и днем по улице пройти страшно. Того и гляди, мешок на голову накинута и уволочут куда за стену.

– Чего?! – от изумления Елисей даже на секунду забыл, где находится. – Шутить изволите, Алексей Захарович.

– Да какие тут к черту шутки. Я, признаться, тебя словно второго пришествия ждал. С казаками же никакого сладу нет. Словно взбесились, черти старые. Я им слово, а они мне – нужно так, господин комендант. Сами знаете, в крепости покуда пластунов нет. Вот и учим. Учеба, – фыркнул комендант, яростно пыхтя папиросой, – от той учебы народ уже собственной тени бояться начинает. Солдаты на стенах с ножами в руках стоят.

– Как с ножами? – не поверил Елисей.

– А вот так. Крест целуют, что как только случай будет, хоть одного бандита, да прирежут, – устало вздохнул штабс-капитан.

– С чего так? – мрачно спросил парень, у которого от всех этих новостей волосы на затылке дыбом встали.

– Так они, что ни день, солдата со стены утаскивают и до утра в каком-то сарае держат.

– Почему в каком-то? – снова не понял Елисей.

– А не знает никто, в каком именно, – развел комендант руками. – Потому как, прежде чем отпустить, они схваченного на улицу в мешке выводят. А у самих рожи краской так разрисованы, что ни в жизнь не узнать. Вот посреди улицы и отпускают. Так что наводи порядок, Елисей, пока беды не случилось. Меня казаки слушать не желают.

– Ну, с одной стороны, я их понимаю, и даже поддерживаю, – подумав, осторожно проговорил парень. – А с другой, старики явно палку перегнули. В лес-то ребят выводили?

– Было несколько раз, – кивнул комендант.

– Понятно. Значит, буду решать, как учебу лучше выстроить. Ладно, Алексей Захарович, пойду я. Пора делом заняться, – вздохнул Елисей, поднимаясь.

– Угу, ступай, братец, – кивнул комендант, подавая ему руку.

Вернувшись в дом, парень первым делом прошелся по всему зданию, проверяя порядок и отмечая про себя, что комнаты учеников тщательно вымыты, а кровати старательно застелены. Казарменные правила, которые Елисей прививал ребятам с самого первого дня, явно прижились. Убедившись, что в доме все в порядке, парень вышел во двор и, пройдя на спортгородок, остановился, глядя, как мальчишки обрабатывают мешки и подтягиваются на перекладинах.

Заметив его, башкибузуки бросили занятия и, окружив парня, дружно потребовали рассказа о приключениях. При этом глаза мальчишек не отрывались от награда.

«Да уж. Если не можешь предотвратить безобразие, возглавь его», – проворчал про себя Елисей, разглядывая своих подопечных.

Велев им рассестись, парень прошелся по речному песку, которым была посыпана площадка, и, вздохнув, коротко, без подробностей, рассказал о своей поездке. Мальчишки, уже не раз слышавшие от него про государственную тайну, быстро переглянулись и, понимая, что подробностей не будет, дружно скривились. Им хотелось рассказа о погонях, перестрелках, кулачных схватках с супостатом, а тут...

Глядя на их расстроенные физиономии, парень чуть усмехнулся и, пожав плечами, выдал сентенцию, которой его осадил еще на первом курсе училища:

– Если разведчик вступил в бой, значит, он завалил задание.

– Как это? – дружно возмутились мальчишки.

– А вот так. Задача любого пластуна – тихо прийти, узнать о противнике все, что только можно узнать, и так же тихо уйти. И это ваша главная задача. Все остальное к этой задаче прилагается.

– А зачем же тогда нас остальному учат? – тут же последовал вопрос.

– А затем, чтобы вы все умели. И в лаве рубиться, и пленного захватить, и следы прочесть, словно книгу открытую. А уж стрелять любой казак уметь должен так, чтобы на лету мух бить. Так что с завтрашнего дня все ваши безобразия в крепости прекращаются. Начинаем работать в лесах.

– Вернулся, значит, – послышался голос, и на площадку не спеша вышел дед Святослав.

– Здрав будь, дедушка, – развернувшись всем телом, поклонился старику Елисей.

– И тебе здоровья, казак, – склонил голову старик. – Подойди, Елисей. Дай на тебя глянуть. Поправился. Слава те, господи, – тихо вздохнул казак, обнимая парня за плечи. – А наград-то нахватал. Видать, не простое дело было.

– По-всякому складывалось, дедушка, – улыбнулся ему Елисей.

– Да я уж вижу. Ладно, сынок. Раз вернулся, принимай свое хозяйство. И то сказать, устали уж старики с этой бандой управляться. Их же на минуту оставь без пригляда, того и гляди учудят чего. Вот и пришлось придумывать всякое, чтобы заняты были.

– Мне уж комендант нажаловался, что вы всю крепость в страхе держите. Особенно солдат, – усмехнулся Елисей.

– А неча спать на постах, – азартно фыркнул старик.

– Говорят, они уж с ножами на стене дежурят, – легонько укорил его Елисей.

– И пусть их. Заодно мальчишки ухватки наши оттачивают, – отмахнулся Святослав.

– Рановато вы их к такому делу приучать стали, – качнул Елисей чубом. – Нет еще у мальчишек силы нужной. Да и приемов нужных еще толком не выучили. Такие ухватки оттачивают до того, чтобы думать не приходилось.

– Вот и проверь, чему мы их обучить успели, – лукаво усмехнулся старик.

– Вот завтра и проверим, – согласно кивнул парень. – Пошли все в дом. Я там гостинцев привез. Десятники, самовары ставить дежурных отправьте. И девочкам скажите, чтобы столы готовили.

– И то верно. Хозяин в дом вернулся, – одобрительно кивнул дед Святослав.

– Так нет женщин, Елисей, – с заметной растерянностью сообщил один из десятников. – В лес за травами ушли.

– Все? – на всякий случай уточнил парень.

– Ага, все.

– Значит, сами управимся, – решительно заявил Елисей, – или вы не казаки?

– Управимся, – дружно рявкнули мальчишки и стремительной гурьбой унеслись в дом.

– Вот ведь наказание господне, – с усмешкой глядя им вслед, вздохнул дед.

– Нормальные, здоровые пацаны, – усмехнулся в ответ Елисей. – Так, а калечного куда дели?

– Это которого с зашибленной спиной принесли? – уточнил Святослав.

– Его.

– Так к Лизавете переселили, как вставать начал, – отмахнулся старик. – А что такого? Мужик справный. Не пьющий. Работать, правда, пока шибко не может, но по хозяйству кое-как управляется. Так что там и живет.

– Тут ведь такое дело, дедушка. Каторжный он. Беглый. Полиция узнает, как бы и Лизавете рикошетом не досталось, – понизив голос, пояснил парень.

– А то я не знал, – фыркнул старик. – Нет у нас полиции и никогда не было. А появится, без нее разберемся, кому жить в крепости, а кому в другом месте угол искать.

– С властью спорить станешь? – удивился Елисей.

– Забыл, казак, что власть нам не указ? – строго спросил Святослав. – Я тебе сколько раз повторял, что казак только перед казачьим кругом и Господом Богом ответ держит?

– Это я помню, дедушка, – вздохнул Елисей, переждав эту вспышку гнева. – Сам часто всяким чинушам так отвечаю. Да только беды ей не хочу. Потому и сказал.

– Управимся, – отмахнулся старик. – Веди в дом, а то сил уж нет стоять. Совсем старый стал, – грустно вздохнул казак.

– Может, у батюшки сил попросишь? – осторожно предложил Елисей. – Нам ведь еще мальчишек учить.

– У тебя и самого добре выходит, – мотнул старик головой. – Да и негоже казаку просить от смерти укрытия.

– Так никто про укрытие и не говорит, – тут же отговорился парень. – А вот сил, чтобы дело доделать, почему бы и нет? Батюшке и самому вои нужны. А кто их выучит, ежели не мы?

– Вот завтра сам у него и спроси. По первому свету сходи, поклонись. Да за помощь в делах поблагодарить не забудь, – наставительно добавил старик.

– А подношения ему никакого не надо? – подумав, спросил парень.

– Кровь врага ему подношение, – угрюмо вздохнул Святослав. – Того врага, что ты в бою срубил. Запомни это, Елисей, и не вздумай святое место кровью твари какой оскорбить.

Глупость это, сынок. Запомни. Громовержец – не скотский бог. Ему душа твари бессловесной и даром не нужна. Он первым делом вой. Рода защитник. И земли своей. Одна тут особица. Тризна. Понял?

– Понял, дедушка, – медленно кивнул Елисей. – А раз он вой, то и подношение ему нужно воинское. Душа врага, или оружие, с бою взятое. Я прав?

– Оружие это уж так, мелочь, – отмахнулся старик. – На поле воинском ему первое подношение. А остальное – пыль. Потому вой, ему посвященные, на себе стрелу его носят. Чтобы через нее он сам все видел. Так что, даже далеко от капища, от родной земли уйдя, ты все одно под сенью его живешь.

Слушая старого казака, Елисей только медленно кивал, запоминая каждое слово. С некоторых пор он почему-то все больше начинал убеждаться, что ему несказанно везет. Чего только стоит почти спонтанный налет на бандитскую «малину». Стоило только хоть одному человеку не вовремя проснуться, и его гоняли бы по всему городу такой толпой, что никакая контрразведка не поможет. Так что в словах старика было рациональное зерно. Поблагодарить громовержца стоило. Как говорится, спина не переломится.

С этой мыслью он провел старика в дом и, усадив на лучшее место, принялся командовать мальчишками, попутно перетаскивая из своей комнаты мешки и корзины с гостинцами. Наконец, самовары поспели, и ребята, закончив деловую суету, чинно расселись, выжидая глядя на старого казака. Сняв папаху, Святослав не спеша перекрестился и, приняв от Елисея стакан чаю, кивнул:

– Угощай остальных, сынок. Заждались уж огольцы.

Елисей подал дежурным знак, и те принялись обносить всех собравшихся чаем. Сам же парень принялся доставать привезенные гостинцы и, вызывая мальчишек по имени, одаривать каждого, согласно его пристрастиям. Кому-то доставалось холодное оружие, а кому-то книга. Характеры своих подопечных парень изучал старательно.

* * *

Три недели спустя, едва команда вернулась из леса, Елисею поступил очередной вызов в комендатуру. Задумчиво почесав в затылке, парень на всякий случай проверил оружие и, не переодеваясь, отправился к коменданту. Раз просили срочно, потерпят и в таком виде. Благо хоть физиономия не разрисована. То, что вызов это не простой, он понял, едва подойдя к знакому зданию. У парадного стояли две кареты, рядом с которыми прохаживались полицейские.

Поднявшись на второй этаж, Елисей вежливо постучался и, услышав ответ, толкнул дверь. За столом коменданта он сразу обнаружил за столом баронессу фон Штейнберг и какого-то мужика в форме полицейского поручика. Сам комендант, мрачно насупившись, яростно дымил папирсой, то и дело бросая на незваных гостей короткие, злые взгляды.

– Звали, ваше благородие? – нейтральным тоном уточнил Елисей, входя.

– Да, Елисей. Входи, – гася окурок, пригласил комендант. – Присаживайся. Как рана твоя?

– Благодарствую, Алексей Захарович, почти зажила, – вежливо отозвался парень. – Слуцилось чего?

– Тут вот господин полицейский поручик интересуется, что ты в Екатеринодаре делал и чем занимался, – пояснил комендант, кивая на полицейского.

– Ну, вы же знаете, я туда не по своей воле ездил, – развел Елисей руками.

– Благодарю вас, господин штабс-капитан, далее я и сам управлюсь, – процедил поручик с ледяной вежливостью, граничившей с хамством. – Итак, молодой человек, вы были в озна-

ченном городе. Этот факт вы сами только что подтвердили. И чем же, позвольте узнать, вы там занимались?

– А вот за ответом на этот вопрос, сударь, вам придется обратиться к полковнику контрразведки Тимофееву. Уж простите, но о государственной тайне он меня особо предупредил. Желаете ответов, извольте пригласить кого-то из означенной службы, – в точности копируя интонации самого полицейского, ответил парень.

– Вот, значит, как, – прошипел поручик, побледнев от злости. – Что ж. Тогда собирайся. С нами поедешь. И оружие сдай.

– И не подумая, – едва заметно усмехнувшись, качнул Елисей головой. – Вы, сударь, для начала обвинение предъявить извольте. И уж ежели решили арестовать меня, зовите казачий круг или атамана. Оружие свое я только по их приказу отдам. Да и то не вам, а им.

– Он прав, господин поручик, – не сумел промолчать комендант. – Арестовать его вы можете только после того, как поставите в известность казачий круг. Крепость, суть воинский объект, и все на его территории находящиеся подчиняются, прежде всего, военному коменданту, то бишь мне, или казачьему кругу. А уж про оружие я и говорить не стану. В зависимости от социальной принадлежности. Осмелюсь напомнить, что казаки суть сословье служилое и подчиняются только казачьему кругу.

– Хорошо, – помолчав, снова процедил поручик, бледнея еще больше. – Я не стану спрашивать, чем именно ты там занимался. Я спрошу другое. Ты все время, пока был в городе, исполнял работу для контрразведки?

– Да. А свободное время, ежели было, заходил к гостиничной горничной. Имени, простите, не скажу. Не хочу, чтобы у нее неприятности возникли. А зачем именно, думаю, вы и так догадаетесь.

– Да, про данную женщину нам известно, – слегка расслабившись, кивнул поручик. – А что тебе известно о нападении и убийстве в доме, где проживал уголовный главарь?

– Только то, что там кого-то убили. Про то я на базаре услышал. Сказывали, что там едва ли не десяток душ народу зарезали. Да думаю, врал.

– А сам ты смог бы подобное проделать? Ведь ты пластун, и про тебя слухи ходят, что нечто подобное ты уже проделывал, – последовал новый вопрос.

– Это когда я с уголовниками воевал? – удивился Елисей.

– Не с уголовниками. С османами, – поправился поручик.

– Не сейчас, – качнул парень чубом. – От раны еще не совсем оправился. Да и времени у меня на то не было. Такие дела с кондачка не делаются. Тут много чего узнать для начала нужно.

– И что же именно? – иронично уточнил поручик, закуривая.

– Где именно дом стоит. Какой забор. Как охраняют, где награбленное хранят. Много чего, – принялся перечислять Елисей, краем глаза наблюдая, как закусила губу баронесса.

– Да ты прям воинскую операцию описываешь, – скептически хмыкнул полицейский.

– Так я служивый и есть. А ежели вы не знали, то я начальник школы пластунов, кавалер ордена Святого Георгия и Святой Анны второй степени, возведенный в дворянское достоинство личным указом его императорского величества, – отчеканил Елисей так, что поручик невольно подтянулся. – Так что извольте обращаться ко мне согласно правилам.

– Приношу свои извинения, сударь, – откашлявшись, извинился поручик. – У меня были не полные знания о вашей персоне.

– Я так и понял, – примирительно кивнул Елисей, решив не нагнетать обстановку.

– А о какой ране вы говорили? – словно случайно поинтересовался поручик.

– Стреляная рана. Получил пару месяцев назад. Крови много потерял, но выжил. Дело также вела контрразведка, – добавил парень на всякий случай.

– Я смотрю, вы с этой службой плотно сотрудничаете.

– Так в таких местах живем, – пожал Елисей плечами. – То лазутчик османский, то согла-
датай британский. И все горцев на бунт мутят да подбивают.

– Значит, полковник Тимофеев о вашей ране знает? – зашел поручик с другого конца.

– Так он лично мне доктора и привозил, – усмехнулся парень.

Поручик задумался. Он явно ехал сюда с мыслью, что в два счета прижмет юного казачка к стенке и вытрясет все нужное, а тут все оказалось гораздо сложнее. И более всего ему не хотелось связываться с контрразведкой. Все эти мысли так ясно отразились на его лице, что Елисей, не удержавшись, добавил ему соли на раны.

– А с чего полиция так всполошилась? Ну порешили каторжники друг дружку, вам-то какая печаль? – спросил он, пряча усмешку.

– Не все так просто. Главварь тот, как оказалось, еще казну бандитскую содержал. Был у них кем-то вроде казначея. Вот казну-то бандитскую мы и ищем, – вздохнув, нехотя пояснил полицейский. – Когда обыск учинили, вскрылось, что несколько громких дел, где были люди убиты, с этим местом связаны. Товары в том тайнике нашлись.

«Так. Похоже, я дуриком в бандитский общак влез, – удивленно хмыкнул про себя парень. – А ведь точно. То-то там столько добра всякого разом хранили. Ладно. При любом раскладе нужно в глухую несознанку уходить. До моих схронов им никогда не добраться, а без этого вообще ничего не докажут».

– Чего вдруг замолчали, сударь? – оживился поручик.

– Думаю, с чего вдруг вы ко мне пришли, – вздохнул Елисей. – Ну, был я в городе. Но это еще не повод меня арестовывать. Про тайник бандитский и про казну их я вообще впервые от вас услышал. Так с чего вдруг вы решили такой путь проделать? – прямо спросил он, глядя поручику в глаза.

– Нам сообщили, что вы, сударь, по выучке своей могли бы нечто подобное проделать, – осторожно ответил полицейский, старательно не глядя на баронессу.

«Ах ты, сучка, – фыркнул про себя Елисей. – Ну, погоди, тварь. Я тебе это припомню. Митенька твой еще за карту не ответил. Вместе с ним будешь контрразведке на вопросы отвечать».

Помолчав, он поднялся из-за стола и, пройдясь по кабинету, ненароком коснулся шкафа, где комендант хранил карты. Заметив, как напрягся комендант, Елисей незаметно указал ему взглядом не женщину и, получив в ответ волчий оскал, понимающе усмехнулся. Вернувшись к столу, парень сложил руки на груди и, вздохнув, негромко повторил:

– Понимаю ход ваших мыслей, господин поручик, но это не моя работа. Да и не было у меня на то времени. Про рану я уже говорил. Сами понимаете, когда тебе и согнуться-то толком сложно, тут уж не до таких шуток. Но ежели не верите, то я уже сказал, где сие проверить можете.

– Я уже понял, – мрачно вздохнул поручик. – Что ж, благодарю вас за честность. Позвольте откланяться.

Поднявшись, он одернул френч и, четким движением склонив голову, повернулся к баронессе.

– Сударыня, вы отправитесь со мной или изволите задержаться?

– Боюсь, баронессе придется задержаться, – вместо женщины жестко ответил комендант. – У нас возникли к ней некоторые вопросы. А вас, поручик, не смею более задерживать.

Удивленно хмыкнув, полицейский бросил быстрый взгляд на коменданта и парня, после чего, еще раз попрощавшись, покинул кабинет. Спустя пару минут на улице звонко щелкнул хлыст и раздался топот копыт. Подойдя к окну, Елисей убедился, что карета полиции уехала. Повернувшись к коменданту, парень едва заметно кивнул и, вернувшись к столу, сел так, чтобы видеть каждое движение баронессы.

– Как прикажете это понимать, господа? – поинтересовалась та, заметно волнуясь.

– Зачем Митенька перерисовывал карты? – в лоб спросил комендант, жестко глядя ей в глаза.

– Какие карты? – делано изумилась баронесса.

– Не надо игр, сударыня. Лучше скажите правду сейчас. Иначе я буду вынужден передать вас в контрразведку, – все так же жестко ответил комендант. – В том, что Митя сделал это по вашему наущению, у нас сомнений нет. Осталось выяснить, зачем и для кого вы это сделали.

– Что вы себе позволяете, господин штабс-капитан?! – взвизгнула баронесса, делая попытку вскочить.

– Сидеть, – рыкнул Елисей, вскидывая револьвер. – Как я стреляю, вы уже знаете. Так что не советую делать лишних движений.

– Ты выстрелишь в женщину? – окончательно растерялась баронесса.

– Не задумываясь, – кивнул парень. – И даже мое доброе отношение к вам не помешает. Уж поверьте, я знаю, на что способна женщина, загнанная в угол, и видел, как они убивают даже тех, с кем были близки несколько минут назад.

– Интересные у тебя познания, – растерянно проворчала баронесса, медленно усаживаясь на стул.

– Общение с контрразведкой и не такому научит, – зло усмехнулся Елисей. – Уж поверьте. Иной раз самому жутко.

– Хорошо, – помолчав и явно на что-то решившись, ответила баронесса. – Я отвечу на ваши вопросы, но с одним условием. Сразу после разговора вы позволите мне покинуть крепость. О большем я не прошу.

– Крепость? Не страну? – переспросил Елисей, подумав, что она оговорилась и готова свалить за границу.

– Именно крепость, – решительно кивнула баронесса. – Чтобы покинуть страну, мне потребуется помощь моего покровителя. Но это уже мои трудности. Главное, вырваться из этого каменного мешка. Так как?

– Я не против, – подумав, пожал Елисей плечами. – Все равно у нас Митенька останется. А потребуется, думаю, у Тимофеева хватит влияния, чтобы получить приказ на ваш арест.

– Соглашусь, пожалуй, – кивнул комендант после минутного раздумья. – Итак, от кого вы получили задание скопировать карту некой местности?

– Этот человек нашел меня в гостинице, в Пятигорске. Назвал некоторых господ, которым я была кое-чем обязана, после того как они помогли мне быстро оформить наследство, оставшееся от мужа, и попросил от их имени оказать ему услугу. Я была вынуждена согласиться. В конце концов, ничего страшного ведь не произошло. Любой умеющий правильно рисовать, может сам поехать в те места и нарисовать такую карту. Это ведь не так сложно.

– Как звали того человека и как он выглядел? – спросил Елисей, не обращая внимания на ее лирические отступления.

– Саларин, Савва Игнатьич. Ростом высок, худощав, глаза светло-карие. Волос темно-русый. С первого взгляда понятно, что из дворян. Ты вот, Елисей, все простым казаком прикидываешься, а по тебе, к примеру, сразу видно, что имеешь хорошее образование. Я, к слову сказать, так и не поняла, зачем ты прикидываешься малограмотным, – кокетливо улыбнулась женщина.

– А дураком жить легче, – усмехнулся Елисей и тут же спросил: – Где вы передали ему карту?

– Там же, в гостинице.

– Особые приметы у этого Саввы были? Родинки, шрамы, родимые пятна, может, привычку какую странную приметили?

– Ничего такого, – задумчиво качнула баронесса головой. – Хотя привычка у него одна в глаза бросилась. Он когда задумается, потирает пальцами правой руки костяшку большого

пальца на левой, – она показала, какой именно сустав любит потирать этот человек. – Медленно так, осторожно, словно она у него болит.

– Уже что-то, – буркнул Елисей и продолжил допрос.

Комендант даже не пытался вмешиваться, внимательно слушая их разговор.

* * *

Третьи сутки вся команда Елисеевых учеников шла по лесу. Ну, шла, это громко сказано. Группа отрабатывала бесшумный бег, поэтому их перемещения больше всего напоминало похождение пьяного зайца. Резкие смены направлений, переходы через овраги и водные преграды, просачивание сквозь буреломы, в общем, все прелести обычного перехода разведгруппы в поиске.

Сам Елисей, отлично помня, как в свое время, оказавшись за «речкой», много раз благодарил своих преподавателей за то, что сумели научить его всем этим премудростям, спуску мальчишкам не давал, при этом мысленно жалея их до слез. Но пусть уж лучше они проливают пот сейчас, чем кровь потом. Это был главный принцип во всем обучении. И мальчишки терпели. Пыхтели, прятали слезы, лечили царапины и ссадины, но упрямо делали все, что им было приказано. В итоге, после очередного маневра и резкой смены маршрута, команда вышла на памятную парню осыпь. Осмотревшись, Елисей сообразил, куда именно их занесло, и, удивленно почесав в затылке, буркнул про себя: «Видать, судьба».

Еще через несколько часов его башибузуки подобрались к расселине, за которой начинался тот самый памятный распадок, где горцы под присмотром османов копили силы для осады крепости. Еще раз напомнив мальчишкам об осторожности, Елисей разделил команду на две группы и нарезал задачи. Первый десяток должен был незаметно обыскать долинку, а второй прикрыть их и, в случае обнаружения противника, поддержать огнем. Само собой, все перемещения должны были вестись только скрытно.

Сам Елисей выбрал себе место для НП на скале, с которой можно было видеть почти всю долину. Вооружившись биноклем, он устроился поудобнее и принялся ждать результатов поиска. В том, что мальчишки хоть что-то да найдут, он не сомневался. От стоявших тут горцев много чего осталось. Загоны для скота, коновязи, кострища, все это мальчишкам предстояло как следует рассмотреть, изучить и только потом отправиться на доклад.

Но спустя полчаса на скалу, запыхавшись, вскарабкался самый младший из мальчишек, которого за шустрость и ловкость постоянно отправляли посыльным, и, тяжело дыша, скороговоркой сообщил:

– Дядька Елисей, там чужие в долине.

– Что за чужие? – подобравшись, уточнил парень.

– С виду не горцы, но и не пришлые. Языка такого мы не слышали. И еще, они там вроде как кузню устроили, – доложил малец с явной растерянностью.

– Много их? – быстро спросил Елисей, напрягшись.

Организовать кузню могли только те, кого так упорно искал господин Морозов. А значит, просто так неизвестные не сдадутся.

– Полтора десятка насчитали, – ободрился малец.

– Добре. Вернись обратно и десятникам скажи, за чужими только наблюдать. Себя не показывать и ничего более не делать, пока я не приду. Понял?

– Так точно.

– Тогда ступай. И осторожнее там.

Кивнув, малец едва не кубарем скатился со скалы и бесшумно растворился в высокой траве. Быстро проверив карабин, Елисей спустился со своего НП и осторожно двинулся в дальний угол долины. Именно там, где в скале были обнаружены естественные пещеры, эти чужаки

и устроились. По словам посыльного, именно в этих пещерах и была устроена кузня. Последние полторы сотни метров парню пришлось преодолевать на пузе. Трава, хоть и высокая, скрыть рослого парня не могла.

Добравшись до нужного рубежа, Елисей подал сигнал, свистнув сойкой, и, услышав ответ, сместился на десяток метров влево. Десятники, устроившись за кустом терновника, усиленно совещались, строя версии, кого они обнаружили и что делать дальше. Подобравшись к ним, Елисей перевел дух и, машинально потеряв занывший бок, тихо спросил:

– Что увидели?

Мальчишки по очереди доложились, и парень, кивнув, снова достал бинокль. Убедившись, что солнце находится сбоку и линзы не дадут отблеска, он слегка приподнялся и, наведя прибор на указанный провал, всмотрелся. В пещере и вправду вовсю кипела работа. Огненные сполохи то и дело освещали полуголых людей.

– Блин, гномы кавказские, – проворчал Елисей, опускаясь на место.

– Чего? – тут же навестили уши десятники.

– Потом расскажу, – отмахнулся парень. – В общем, так, парни. Просто так туда лезть нам с вами смысла нет. Прежде нужно понять, что именно они там делают. А то получится, что кто-то себе просто железо добывает, а тут мы со стволами. В общем, ночи ждем. Оставить наблюдателей, остальным отойти. Смена наблюдателей каждые два часа до темноты. Командуйте.

Спустя полчаса вся команда, кроме назначенных наблюдателей, собралась под скалой, в густых кустах. Дав ребятам перевести дух и отдышаться, Елисей приказал оставить самых младших на хозяйстве, а остальным устроить небольшой перекус сухим пайком, чтобы быть готовыми сменить наблюдателей. Да захода солнца было еще примерно часов шесть, так что отдохнуть успеет вся группа.

С заходом солнца закончили работу и неизвестные. Из пещеры потянулись потные, усталые мужчины. Разглядывая их в бинокль, Елисей вдруг понял, что тут далеко не все просто. Мальчишки ошиблись в подсчетах. Их было не полтора, а три десятка, и два из них перемещались в цепях. Оставшийся десяток перемещался только с оружием и только парами. Внимательно рассматривая это безобразие, Елисей только зубами от злости скрипел.

Наконец, умывшись у ручья и поужинав, группа неизвестных убралась в другую пещеру и затихла. Парень подал своей команде знак, и вся группа, уже привычно разделившись на две части, выдвинулась к самой скале. Первый десяток взял на прицел вход в жилую пещеру, а остальные, под его командой, просочились в мастерские. Затеpliant небольшой свечной фонарик, Елисей принялся осматривать пещеру.

К его огромному удивлению, тут нашлась куча инструментов, молоты, наковальни и сложенный из обожженного кирпича горн. Похоже, устраивал эту мастерскую настоящий специалист. У дальней стены Елисей обнаружил самодельный стеллаж, на котором нашел ящик с десятком бойков. Выдернув один, он поднес его к свету и, хищно усмехнувшись, еле слышно прошепел:

– Вот теперь все правильно.

– Что там? – не сдержали мальчишки любопытства.

– Форма для выделки фальшивого серебра, – коротко пояснил Елисей, показывая им клише.

– Это из чего же они такое делают? – изумленно протянул один из мальчишек.

– А вон, бронзовые пятаки видишь? – указал Елисей. – Их серебром тонким слоем покрывают, а потом вот этой штукой нужный рисунок выбивают.

У стены стояла большая корзина, полная гладких бронзовых кругляшей.

– И что делать станем? – послышался вопрос.

– Думаю, – вздохнул парень, лихорадочно решая, как поступить.

Нападать на десяток опытных бойцов с двумя десятками мальчишек слишком опасно, но с другой стороны, на них работает эффект неожиданности. О том, что вся эта территория под плотным контролем его команды, пришлые даже не догадываются, раз уж улеглись спать, даже не выставив часовых. С одной стороны, атаковать сейчас было бы самое то. Противник уже десятый сон видит и нападения не ждет.

Но в той же пещере находятся рабы, и завяжись перестрелка, им не поздоровится. А свидетели в таком деле будут очень даже не лишними. Пока он прикидывал и взвешивал, один из мальчишек, подобравшись поближе, дернул его за рукав и, ткнув пальцем куда-то на другой край долины, тихо сообщил:

– Там под скалой озерцо махонькое, а на берегу эти загон для коней и баранов устроили. При том загоне двое чужих. Молодые.

– Почему раньше не доложили? – вскинулся Елисей.

– Так я десятникам сказал, – пожал плечами мальчишка.

– Не к тебе вопрос, Семка, – хлопнул парень его по плечу. – Спасибо, что рассказал. Ступай с богом.

Прихватив один боек, Елисей приказал группе покинуть мастерскую и, подобравшись к десятникам, караулившим спальню, устроил им тихий разнос. Выслушав все, что он о них думает, парни смущенно засопели, понимая, что крепко накосячили. Ткнув пальцем в командира первого десятка, Елисей приказал ему взять пять человек и полностью заблокировать все отходы от загонов. Ничего не предпринимать и ждать сигнала от основной группы. В бой вступать только в том случае, если услышат стрельбу здесь или их команда будет обнаружена. Убедившись, что его услышали и поняли, Елисей отправил десятника работать, а сам, сдвинувшись так, чтобы из пещеры его не могли заметить, принялся высматривать удобные для засады места. Вскоре вся его группа рассредоточилась полукругом у входа в пещеры и затихла, дожидаясь рассвета.

Решено было брать пришлых на выходе, когда они будут еще сонными и не готовыми к бою. За то время, пока они тут орудуют, эти господа наверняка уже привыкли, что долина эта никем не посещается и беспокоить их некому. Главное было вычислить старшего или его помощника. Да и опасности для рабов в таком случае будет гораздо меньше. Как ни крути, а старшие в этой ватаге лично рабами заниматься не станут. Значит, выйдут из пещеры первыми. В крайнем случае вторыми. Остальных можно будет пустить под нож. Обычное «мясо», которое нанимают за плату, или просто должники, отрабатывающие свой долг. Такое часто практикуется. С этой мыслью Елисей плавно перекатился на спину и прикрыл глаза, давая себе возможность немного отдохнуть. Нагретая за день земля щедро делилась с ним теплом, заставляя усталое тело расслабиться и словно наливая его свежими силами.

Рассветное солнце ярко осветило вход в пещеры. Наблюдая за входом в бинокль, Елисей рассмотрел в пещере какое-то движение и, опустив прибор, застрекотал сорокой. Убрав прибор в чехол, он достал револьверы и, взведя курки, приготовился к атаке. Из пещеры, зевая и почесываясь, вышел высокий мужик, заросший густой черной бородой до самого пояса. Следом за ним вышел мужик пониже и потолще.

Всмотревшись, парень отметил про себя и добротную одежду, и хорошие сапоги, и шелковые рубашки, которые мужики несли в руках. Следом за этой парочкой потянулись остальные бандиты. Оружие они несли кто как, но ни одному из них и в голову не пришло как следует осмотреться. Никакого нападения они явно не ожидали. Плавно поднявшись, Елисей вскинул оружие и сделал два быстрых выстрела. Из кустов его тут же поддержали огнем, и спустя минуту все было кончено.

От озерца послышались выстрелы, и вскоре прибежавший оттуда посыльный доложил, что с чабанами тоже все прошло гладко. И отара, и кони перешли в полное владение мальчи-

шек. Одобрительно кивнув, Елисей сместился ко входу в пещеру и, встав сбоку, громко крикнул:

– Эй, православные, отзовись, кто живой. Есть еще бандиты в пещере?

– Есть, – послышалось в ответ, и вместе с ответом в камень, где стоял парень, ударила пуля.

– Сколько их? – уточнил парень, переждав грохот.

– Один.

Кто-то громко выругался по-грузински.

– Эй, биджо, бросай оружие и выходи. Живым останешься, – пообещал Елисей, поглядывая на двух пленных, которых мальчишки уже связали и теперь накладывали повязки, останавливая им кровь.

– Сам сюда зайди, – послышалось в ответ.

– Да не вопрос, – рассмеялся Елисей. – Вот сейчас мои люди травы сырой натаскают, навоза от загона принесут, я все это подожгу, а потом зайду. Ну, или ты сам оттуда выскочишь, когда дышать нечем станет.

– Хитрый, шакал, – взвизгнули из пещеры.

– Ну, кто из нас шакал, мы потом узнаем. А пока делай, что говорю, тогда жить будешь. Учти, ежели я решу атаковать, то живым я тебя уже брать не стану. Не нужен будешь. У меня ваши главные есть, мне хватит.

– Врешь, шакал.

– Парни, поднимите этих двух, и вон туда, шагов на пятьдесят отведите, пусть полюбуется, – скомандовал Елисей мальчишкам.

Через две минуты оба пленника стояли так, что их легко можно было рассмотреть из пещеры. В ответ на эту демонстрацию в пещере послышалась яростная ругань. Потом раздались шаги, и на траву тяжело упал роскошно украшенный пистолет. Явно работы кубачинских мастеров. Следом вылетели кинжал и длинный штуцер. Последней была выброшена шашка. Сдвинувшись на пару шагов в сторону, Елисей скомандовал:

– Теперь сам выходи.

Из пещеры медленно вышел крепкий, жилистый мужчина среднего роста и, остановившись у самого входа, быстро осмотрелся. Заметив парня, он хищно оскалился и, покачав головой, угрюмо выдохнул:

– Надо было тебя еще в Тифлисе убить.

– Ты мой кровник? – подумав, прямо спросил Елисей.

– Нет.

– Князя Буачидзе враг? – продолжил допытываться парень.

– Нет. Князь, хороший человек, – мотнул бородой мужчина.

– Тогда почему ты хочешь меня убить? – не понял Елисей.

– У меня кровник есть, но чтобы его убить, мне деньги нужны. Я их тут заработать хотел. Ехать далеко надо. А ты пришел, все испортил. Теперь он жить будет, а мне каторга.

В речи неизвестного резко выделился грузинский акцент. Глядя на него, Елисей вдруг сообразил, что этот абрек в данной игре просто наемник, которого наняли охранять мастерские. Чтобы проверить свою догадку, парень на несколько секунд прикрыл глаза и сделал глубокий вздох, чтобы привести мысли в порядок. Потом, глядя ему прямо в глаза, спросил:

– Тебя купец Молхнадзе нанял, чтобы ты за рабами следил или чтобы серебро охранял?

– Я монеты отсюда увозил, – помолчав, нехотя признался мужчина. – Там, в загоне, два моих коня стоят. Аргамак-полукровка и битюг. На них и возил.

– Один? – удивился Елисей.

– Я свое слово всегда держу. Молхнадзе это всегда знал. Потому и работу эту мне дал, – ответил мужчина, гордо выпрямившись.

– А рабы эти откуда? – кивнул парень на выходящих из пещеры мужчин.

– Не знаю. Я приехал, они уже были, – коротко ответил мужчина.

Пока они общались, мальчишки успели просочиться в пещеру и расковать всех рабов. Задумчиво оглядев мастеров, Елисей качнул головой и, сделав к ним шаг, громко спросил:

– Кто старшим будет?

– Ну, вроде как я, – отозвался широкоплечий мужик лет пятидесяти, настороженно рассматривая окруживших их мальчишек в странных костюмах. – А вы кто такие будете?

– Школы пластунов выученики. А я той школы начальник, – коротко пояснил Елисей, не вдаваясь в подробности. – А вы кто? Как тут оказались?

– Так выкрали нас. Кого силой, кого хитростью, – развел мужчина руками. – Все по железу мастера. Отхожий заработок искали, а оказались в железе.

– И давно вас в кучу собрали? – задал парень следующий вопрос.

– Так с полтора года уже будет. Сначала в горы свезли. Мы там работали. Потом снова увезли, не знаю куда, и не спрашивай. Знаю только, что там одни басурмане были. А уж после суда перетащили.

– Выносите всё из мастерской и оттуда, – скомандовал мальчишкам Елисей, указывая на спальную пещеру. – Ничего не оставлять.

– Что, и наковальню потащим? – удивленно охнул один из мальчишек.

– Я же сказал, всё, – отрезал Елисей. – И цепи с людей сбейте. Негоже православным железом без вины греметь.

– Нам бы инструмент, сами справимся, – быстро предложил мастерской.

В ответ Елисей только кивнул своим башибузукам. Мальчишки быстро разделились на группы. Одна часть осталась охранять пленных и бывших рабов, остальные, запалив факелы, ринулись обыскивать пещеры. Вскоре перед провалами начали расти кучи вещей, которые они вытаскивали наружу. Обнаружились и три ящика с серебром в слитках. Их отставили отдельно. Мастера, получив в руки молотки и зубила, быстро избавились от кандалов и теперь по очереди бегали к ручью, смывать с себя грязь и стираться. Фальшивомонетчики правилами гигиены особо не заморачивались. Позволяли только быстро умыться и смыть пот. Времени на банно-прачечные процедуры они тратить не желали.

Подойдя к ящикам с серебром, Елисей ногой откинул крышку верхнего и, достав один слиток, задумчиво подкинул его на ладони. Брусок весом примерно в килограмм маслянисто блеснул в свете солнца.

– Мужики, что про этого человека скажете? – неожиданно спросил он, указывая на замершего словно статую воина.

– А что говорить? – не понял старшина мастеров.

– Он в захвате вашем участвовал? Может, бил кого? Или еще какие обиды за ним есть? – быстро пояснил Елисей.

– Нет, – решительно мотнул головой старшина. – Ничего такого не было. Да и не жил он тут. Приезжал, дожидался, пока мы товар изготавим, и уезжал с ним. Нет, ничего дурного не скажу.

– Я воин, а не евнух из гарема, – презрительно фыркнул грузин. – Если бы не деньги, я бы давно уже в другом месте был.

– Значит, говоришь, всегда слово свое держишь, – протянул Елисей, доставая из ящика еще один слиток. – Тогда скажи, кому товар, что отсюда увозил, отдавал? И где?

– В Пятигорск возил. Там лабаз купеческий есть. Туда отдавал.

– Лабаз купца Молхнадзе? – быстро уточнил парень.

– Его, – кивнул воин.

- А отдавал кому?
- После захода солнца, каждый четвертый день, туда люди приходят. Им отдавал.
- А все остальное время кто в том лабазе сидит? – насторожился Елисей.
- Никого нет. Так специально сделали. Власть купца уже ловила, еле выкрутился. Потому и приходят люди только когда темно, товар забирают и сразу уходят. Я несколько раз по два дня нужного времени ждал. Никогда больше не приходят. Только на четвертый день.
- Хорошо, – помолчав, кивнул Елисей. – Дай мне слово, что не поднимешь оружия против меня и моих людей. Слово воина.
- Зачем? – удивился мужчина.
- Не хочу воина в цепях везти. Дай слово, и я позволю тебе самому идти.
- Хлебом, вином, крестом святым клянусь, что не подниму оружия на тебя и твоих людей, – едва заметно дрогнув голосом, поклялся воин.
- Держи, – скомандовал Елисей, перебрасывая ему серебряные слитки один за другим.
- Что это? – растерянно спросил мужчина, вертя металл в руках.
- Твои деньги. Собери свое оружие и забери коней. Ты можешь уйти, – ответил парень, пряча улыбку в уголках губ.
- Зачем ты это делаешь? – растерянно спросил воин, не веря собственным ушам.
- Я знаю, что такое кровь и честь воина. Ты не делал этим людям ничего плохого, а значит, тебя не за что судить.
- Я фальшивое серебро возил, – осторожно напомнил воин.
- Да. А я бандитов в городе убивал, – усмехнулся в ответ Елисей. – Ступай, воин. И пусть Господь направит твою руку в нужную минуту.
- Храни тебя Господь, казак. Помни, теперь у тебя не будет друга ближе, чем Реваз Кланья. Я должник твой. Вернусь, найду тебя, – истово пообещал воин.
- Я в крепости живу. И школа моя там. Захочешь найти, спроси там любого, где Елисей Кречет живет.

Воин прижал ладонь к сердцу и, низко поклонившись, принялся быстро собирать свое оружие. Потом, негромко свистнув, он подозвал двух коней из пригнанного мальчишками табуна и, подхватив не богатое, но добротное седло, принялся седлать аргамака. Елисей, чуть улыбнувшись, развернулся к мальчишкам и принялся раздавать указания. Как выяснилось, ящики и мешки, в которых все найденное в пещерах имущество бандиты хранили, так что увезти это добро проблемы не составит.

Мастеровые, сообразив, что свободны и теперь им предстоит обратный путь, бросились помогать укладывать и грузить все собранное. Спустя два часа большой караван был собран, и весь этот табор тронулся в путь. Глядя на это великое переселение, Елисей только головой качал. Больше всего караван напоминал табор кочевников. Куча народу, отара овец, груженные лошади, и вся эта масса плелась по лесу со скоростью черепахи.

Дождавшись, когда караван покинет долину, парень свистнул пару ребят постарше и принялся минировать края расселины, через которую люди вообще попадали сюда. Через час гулко грохнуло, и скалы, осыпавшись, завалили проход. Да, пешком в долину попасть все равно можно было, а вот провести коней или других выючных животных невозможно. Так что теперь долина теряла свою привлекательность как место для тайных дел.

Елисей с помощниками догнал караван примерно через час. Убедившись, что все идет нормально, он разослал мальчишек в разные стороны, как боевое охранение, и, догнав старшину мастеровых, начал задавать ему вопросы. Нужно было выстроить хоть какую-то картину разветвленности этой преступной группировки. Старшина отвечал на все вопросы не спеша, обстоятельно, явно понимая, что спрашивают его не просто так. Убедившись, что старшина ничего не скрывает, парень перешел к более подробному допросу. К вечеру он уже знал всех мастеровых по именам и о том, как они оказались в рабстве у фальшивомонетчиков.

Спустя четыре дня караван вышел к воротам крепости. Солдаты, увидев такой табор, подали сигнал тревоги, так что встречали их всем гарнизоном. Комендант, увидев парня и его башибузуков, только растерянно ахнул, после чего принялся раздавать приказания. Бывших рабов отправили в баню и на обследование к доктору, лошадей и все привезенное имущество отправилось на склад, под охрану, а мальчишки ушли домой, мыться и отдыхать. Самого же Елисея комендант поволок сразу в комендатуру.

– Рассказывай, – потребовал штабс-капитан, едва они вошли в кабинет.

Внимательно выслушав рассказ парня, комендант задумчиво хмыкнул и, покачав головой, удивленно проворчал:

– Так и хочется спросить, кой черт тебе ворожит. Это же надо? За этим серебром по всей империи бегают, а он с кучкой мальчишек в неделю эту банду в самое сердце ударил. Мастерскую вывез. И что теперь делать будем?

– Как что? – не понял Елисей. – Вы сейчас депешу напишете и господина Тимофеева обо всем случившемся в известность поставите. А уж он пусть сам господина Морозова ищет. У меня его адреса нет.

– Ну, смысл в этом есть, – помолчав, кивнул комендант. – Да только боюсь, Морозов тебе не простит, что ты не ему самому все сообщил.

– А тут и прощать нечего, – отмахнулся парень. – Он сюда трижды наезжал, а куда ему депешу слать, так сказать и не удосужился. И кому я обо всем этом безобразии сообщать должен?

– Тоже верно, – рассмеялся комендант. – Да только Тимофеев, прежде чем сообщить, сам с твоих пленников допрос снимет. И трясти их будет, как ту грушу. А потом еще пару дел под эту марку провернет.

– Да и ладно, – усмехнулся Елисей. – Мне до их споров и дела нет. Я прокукарекал, а там хоть не расцветай.

На том и порешили. Но к огромному удивлению обоих, полковник Тимофеев сделал все совсем не так. В крепость они с Морозовым принесли оба. Как оказалось, господин статский советник находился неподалеку, когда контрразведчик получил депешу от коменданта. В итоге оба офицера помчались в крепость быстрее собственного визга. Опросы бывших рабов и допрос арестованных они проводили вместе. Похоже, оба карьериста решили не устраивать бодание в конкуренции, а извлечь выгоду из сотрудничества.

Спустя три недели после их приезда господа офицеры высвистали в комендатуру Елисея и, усадив его за стол и напоив чаем, принялись выяснять, как все случилось. Внимательно выслушав рассказ, офицеры удивленно переглянулись и, не сговариваясь, скривились.

– Чего? – не понял Елисей.

– Глупость ты сделал, что абрека того отпустил. Он же теперь тех бандитов предупредит.

– Не станет он этого делать, – качнул Елисей головой, сам не понимая, откуда взялась такая уверенность.

– Почему? – тут же последовал вопрос.

– У него свое дело есть. Он за кровником гонится. Один раз он в этом деле обжегся. Теперь, когда я ему серебра дал, он времени терять не станет. Сразу по следу пойдет.

– Мне бы твою уверенность, – мрачно буркнул Морозов. – Вообще-то, за такое самоуправство не мешало бы тебя наказать.

– И как вы это сделаете, позвольте узнать, – мрачно хмыкнул парень.

– В том-то и дело, что никак, – усмехнулся Морозов. – Нет у меня на тебя никакого влияния. Не понимаю, как это получилось, но и у меня, и у полковника на тебя никакой управы нет. Ты же сам по себе.

– А ведь верно, – растерянно согласился контрразведчик. – Я про бумагу нужную за всеми этими делами и думать забыл.

– Вот-вот. И у меня та же чертовщина, – смущенно кивнул Морозов. – Вроде помогает. Дело свое ловко делает. Вот и успокоились.

– И что делать станем? – задумчиво поинтересовался полковник.

– А ничего не надо делать, – ответил Елисей вместо Морозова. – Я без повода лучше работаю. А вздумаете на цепь посадить, только сломаете все. Так что пусть все идет, как идет. Так оно надежнее.

* * *

Возвращение первой команды выпускников из похода оказалось для всех обитателей крепости полной неожиданностью. Семеро крепких, гибких, словно лоза юношей въехали на территорию фортификации и, пряча улыбки, прямым ходом направились к старому дому бабки Радмилы. Марья, увидев ребят, ахнула, выронив подойник и глядя на них квадратными от изумления глазами, сама того не замечая, завопила паровой сиреной на всю крепость:

– Вернулись!!!

– Да шо же ты орешь, скаженная?! Конечно, вернулись, – фыркнул Андрей, все так же командовавший ватагой. – Елисей где?

– Так у себя. Им у стены за плацем дом отстроили. Рядом с мастерской его. Там теперь все. И бабушка, – пролепетала Марья, опомнившись.

– От и добре, а то визжать принялась, словно привидение увидала.

Парни дружно развернули коней и все так же не спеша направились в нужную сторону.

Два десятка мальчишек размеренным бегом втянулись в ворота и, не останавливаясь, понеслись к дому. Легко бежавший за ними Елисей зорко присматривал за своими подопечными, отмечая про себя некоторые огрехи в ношении оружия или проблемы с экипировкой.

Мальчишки росли как на дрожжах, и такие вещи, как одежда, обувь и амуниция, горели в процессе обучения, словно в печи. Группа выскочила на плац и уже подбегала к воротам, когда из-за угла вывернула кавалькада всадников и на рысях понеслась к ним. Резко остановившись и развернувшись к неизвестным всем телом, Елисей положил ладонь на рукоять револьвера, когда вдруг увидел до боли знакомые глаза.

– Мишка, Андрейка, мальчишки! Вернулись, – еле слышно выдохнул он, шагнув вперед.

Не доскакав до казака метров пяти, парни вихрем слетели с коней и дружно бросились к нему обниматься. Прижимая к себе сразу всех, Елисей чувствовал, как горло перехватывает горячий комок, а в глазах закипают слезы.

– Живые, – еле слышно шептал Елисей. – Целые все. Здоровые. Господи, спасибо.

Замершие рядом два десятка нового набора только удивленно переглядывались, уже догадываясь, кто именно вернулся из похода. Наконец, немного успокоившись, Елисей отодвинулся от парней и, оглядев их, с улыбкой спросил:

– Неужто всех османов побили?

– Да ну их, – смущенно отмахнулся Андрей. – Княжич на месте не усидел. В атаку кинулся и пулю в руку словил. В общем, однорукий он теперь. А мы же к его батальону приписаны были. Вот нас всех одним махом и списали.

– А казаков много сгинуло? – кивнув поинтересовался Елисей.

– Два десятка за все время, – вздохнул Мишка.

– Так. И имущество ваше где? – вдруг спохватился Елисей.

– Следом едет, – рассмеялся Андрей. – С нами пяток раненых да списанных из казаков решило податься. Так что в обозе и имущество, и добыча там.

– И далеко оно едет? – уточнил Елисей, прикидывая возможность нападения.

– Версты две осталось, вот мы и не утерпели, – смутился Мишка.

– Добре, мальчишки, – махнув рукой, улыбнулся парень. – Кто местный, по домам ступайте. Матери небось уже все глаза выплакали. А остальные – в дом. Столы готовьте. Праздник у нас, парни. Герои из похода вернулись! – рявкнул он так, что присели даже кони, на которых приехали мальчишки.

Ответом ему стало дружное «ура!».

Радмила с девочками с раннего утра ушла собирать травы, так что хозяйничать взялись сами казачата. Уже через час на дворе были расставлены столы, над мангалами курился ароматный дымок, а по базару носилась стайка башибузуков, скупая продукты в промышленных масштабах. Из пригнанной из долины отары доставили сразу пять баранов, которых моментально пустили под нож.

Весть о возвращении Елисеевых выучеников разнеслась по крепости, словно лесной пожар, и жилая часть крепости буквально забурилась. Андрей, прихватив Мишку, умчался встречать свой обоз. Еще через полтора часа у ворот остановилась целая вереница телег и повозок, нагруженных так, что оси трещали. Андрей быстро организовал молодняк, и вскоре весь транспорт был хозяйственно прибран на задний двор.

О том, что там теперь было не протолкнуться, никто из мальчишек даже не подумал. Да это на тот момент было и не важно. У самого Елисея от радости словно думательная кость отключилась. В себя он пришел, только когда вошедший во двор дед Святослав ткнул его сухим кулаком в бок, беззлобно проворчав:

– Да окстись ты, скаженный. Совсем разум потерял.

– Ох, прости, дедушка, – опомнился Елисей. – Тут и вправду ополоуметь не долго. Не чаял уж и увидеть, – смутившись, тихо признался он.

– С чего бы? Иль учил плохо? – тут же поддел его старик.

– Не в том дело, – отмахнулся парень. – Думал, их после похода сразу в реестр занесут и куда в другое место служить отправят. Сам понимаешь, война идет.

– Рано им в реестр, – качнул старик головой. – А в походе они не сами по себе были.

– Да хрен с ним. Вернулись, и слава богу, – фыркнул Елисей, обнимая старика.

– И то верно, – рассмеялся Святослав, обняв его в ответ.

Наконец, столы были накрыты, приехавшие успели попариться в бане, и дальше началось то, что обычно называется встречей. Специально для старых казаков, обучавших ребят всяким премудростям войны, были выставлены бутылки со спиртным. Остальные, включая самого Елисея, обходились квасом и медами.

Матери вернувшихся мальчишек, успев наплакаться и наохаться, сновали по двору, обнося ребят разносолами. Вернувшиеся, смущенные вниманием старших, то и дело поглядывали на Елисея, словно ища в нем поддержки. В ответ парень только улыбался им, одобрительно кивая. Выждав, когда все немного успокоится, дед Святослав встал и, подняв чарку, громко сказал:

– Первый поход ватаги вашей добром прошел. Значит, добре учли вас. Учили всему, что сами знали. А раз так, любо! – закончил он, глядя Елисею в глаза.

– Любо! – пронзительно разнеслось над крепостью.

Следом за стариком на середину двора вдруг вышла вдова пластуна Ермила и мать братьев Андрея и Василия. Встав перед Елисеем, она низко, в пояс поклонилась парню и, взяв поднесенную кем-то из женщин чарку, громко произнесла, глядя ему в глаза:

– Храни тебя Христос, Елисей, за добро твое. За то, что не бросил сирот. Что не стал науку свою от сынов моих прятать. Что заместо отца обучил их всему, что добрый казак знать и уметь должен. Знал, что словно гусыни вслед тебе шипеть станем, но не отступился. На свой кошт их выучил и в люди вывел. Славен будь, казак.

Поднявшись, Елисей поклонился в ответ, только и найдясь, что ответить:

– Вам спасибо, люд казачий. Что поверили в дело мое.

– Любо! – снова разнеслось по округе, и собравшиеся дружно подняли чаши с напитками. Заметив, что во двор вошел комендант, Елисей подал ребятам знак, и те быстро освободили место рядом с пожилыми казаками, поставив чистые приборы. Благодарно кивнув, штабс-капитан поднял свою чарку и, окинув приехавших ребят внимательным взглядом, улыбнулся:

– Уезжали еще волчатами лопухими, а вернулись молодыми волками, которые смогут и крепость отстоять, и землю свою защитить. За вас, казаки! Чем заниматься собираетесь? – спросил он, выпив и закусив горячим шашлыком.

– А это, как дядька Елисей скажет, – тут же перевел стрелки Андрей. – Он нас выучил, на ноги поставил, ему и решать.

– Что скажешь? – переадресовал вопрос комендант.

– С кругом казачьим посоветоваться надо, – сделал парень реверанс в сторону старых казаков. – Но думаю, для начала, им передохнуть надо. А дальше станут молодых учить да вокруг крепости стражу нести. На то и пластуны.

– Верно рассудил, – переглянувшись, дружно кивнули старики.

И хотя тут собрался не весь местный казачий круг, Елисей понял, что его предложение уже принято. Женщины, услышав, что их сыновьям в ближайшее время новый поход не грозит, тут же кинулись обнимать мальчишек, вгоняя их в краску. Глядя на них, Елисей не удержался и, подозвав одного из ребят из нового призыва, тихо что-то прошептал ему. Кивнув, малец быстро оббежал приехавших, и вскоре все местные ребята незаметно выскользнули со двора. Святослав, внимательно следивший за всеми перемещениями ребят, только одобрительно кивнул парню.

К вечеру, когда все уже от выпитого и съеденного осоловели и разленились, парень выбрался из-за стола и, отойдя в сторонку, устало прислонился к старой яблоне.

– Что, упал с души камушек? – раздалось рядом, и к дереву не спеша подошел дед Святослав.

– Как десяток лет разом скинул, – не стал кокетничать Елисей.

– Судьба наша такая, – вздохнул старик. – Коль взялся за людей решать, так и несешь сей валун на душе. У батюшки давно был? – вдруг спросил он.

– Завтра сходить думал, – вздохнул Елисей. – Поклонюсь, что ребятишек моих сберег. Не дал сиротам пропасть и роды казачьи прервать.

– Добре, – кивнул старик. – Люб ты ему. И сам труса не празднуешь, и других верно учишь. По всему видать, выученики твои воевали добре. Каждый крови врага вкус знает. Тяжкая тебе доля досталась, Елисей. За людей ответ нести завсегда тяжело было. А ты на себя за мальчишек ответ взвалил.

– Делай, что должен, и будь, что будет, – припомнил Елисей поговорку из своего прошлого. – Вот сейчас из ребят вернувшихся учителей сделаю, и можно будет другими делами заняться, – поделился он своими планами.

– Верно решил, – одобрил Святослав. – Кто в бою не был, тот ничему толком научить не сможет.

– Так я же не воевал, – растерялся парень.

– Ой ли? – рассмеялся старик. – А кто на станицу нападение отбивал? Кто с абреками в лесах резался? Кто с солдатами к перевалу ходил? Бога не гневи, Елисей. Да и Ермил тебя многому научить успел. А вот то, что ты сумел мальчишкам всю свою науку передать так, что они с войны живыми пришли, мой тебе поклон от души. Такое не каждому дано. Вон, Опонас, лошади от бога, а как учить возьмется, то иль криком, иль кнутом все. Учить, сынок, тоже уметь надо. Особенно науке воинской. Ладно, Елисей. Пойду я. Устал что-то. Старый стал. На погост пора.

– Господь с тобой, дедушка, – вскинулся Елисей. – Ты еще здесь не все дела переделал.

– Это уж как батюшка рассудит, – грустно улыбнулся старик и, кивнув, медленно двинулся к воротам.

Проводив его взглядом, Елисей вздохнул и осмотрел двор. Посуду и остатки пиршества женщины уже убрали. Столы и лавки мальчишки утром разнесут по местам. Вернувшиеся мальчишки сбились в группку под стеной дома и, окруженные новичками, травили байки, рассказывая про свои военные похождения. С первого взгляда было件件но, что привирают. Но не соврешь, доброй байки не расскажешь. Глядя на эту идиллию, Елисей вдруг очень остро почувствовал, что и здесь, как и везде, он все равно один.

Это осознание так резануло его по нервам, что парень невольно зажмурился, чтобы удержать набежавшие слезы.

«Мать твою, словно баба на сносях. Второй раз за день реветь собрался», – одернул он сам себя.

Этот мысленный пинок немного привел его в чувство. Взяв себя в руки, парень еще раз осмотрелся и, убедившись, что беспокоиться тут не о чем, задумчиво покосился на окна дома. Решив не мешать подросткам, он незаметно проскользнул в дом и, пройдя в свой кабинет, уселся за стол. Пробегавшая по коридору Сашенька, заметив свет, заглянула в дверь и, увидев парня, спросила, радостно сверкая глазами:

– Елисей, самовар поспел. Тебе чаю нести?

– Неси, Сашенька, – обрадованно кивнул парень.

Спустя несколько минут юная хозяйка выставила перед ним вазочку с колотым сахаром и стакан с чаем. Поблагодарив девочку, Елисей достал из стола папку со своими идеями и погрузился в их разработки.

* * *

Обоз из трех телег подкатил к воротам, и возница, спрыгнув с облучка, застучал в ворота кнутовищем. Елисей, уже собиравшийся отправиться в комендатуру, сбежал с крыльца и, распахнув калитку, открыл рот, чтобы наехать на наглого дятла. Но едва рассмотрев стоящего у ворот человека, парень поперхнулся словами и расплылся в растерянной улыбке.

– Котэ батоно, какими судьбами?! – ахнул он, узнав гостя.

– Здравствуй, казак, – польщенно улыбнулся мужчина, входя во двор. – Дато велел тебе и твоим мальчишкам подарки отвезти. Вот я и приехал.

– Одну минуту, Котэ батоно, – заторопился Елисей, распахивая ворота и высвистывая мальчишек.

Обоз загнали на подворье и принялись ударными темпами разгружать. Между тем Елисей, отведя гостя в сторону, принялся выпрашивать у него последние известия.

– Спасибо, дорогой. Здоров Дато, чего и тебе желает. А вот с сыном его плохо. Руку мальчик потерял. Знаешь уже?

– Мальчишки сказали, что он в бою рану тяжелую получил, но чем закончилось, они и сами не знали, – мотнул Елисей чубом.

– В госпиталь его увезли, – кивнул Котэ. – Доктор хотел сразу руку отрезать, да мальчик упросил оставить. Плохо получилось. Пуля под локоть вошла. А когда жар начался, пришлось выше локтя резать. Нет теперь левой руки у него, – вздохнул мужчина. – А без руки какой воин?

– Не скажи, Котэ батоно, – упрямо помотал парень головой. – Воина не руки воином делают. И с одной рукой драться можно. Я своих мальчишек учу со связанными руками драться. Одними ногами. А стрелять и одной рукой можно. Ему какую руку отрезали?

– Левую.

– Вот видишь. А он все правой делает. Значит, и стрелять, и шашкой рубить может. Конем управлять сложно, не спорю, но тут другая наука нужна. Знаешь, как степняки конем управляют? Одними ногами. Вот и он так научиться может.

– Э-э, дорогой, где такого мастера взять, чтобы научил, – грустно протянул Котэ.

– Есть такой мастер, – помолчав, признался Елисей. – Из наших. Из казаков. Старый уже. Упрямый, как пень. Но мастер, каких поискать. И коней знает, и как учить их, тоже. Только уговорить его на что-то, проще камень упросить. Говорю же, упрямый, как пень. Надо его спросить.

– Спроси, Елисей. Очень тебя прошу, – вскинулся грузин, прижимая ладонь к сердцу. – Вечным должником твоим буду. Мальчик совсем плохой. Жить не хочет. Да, царь его наградами осыпал. Героем назвал. А служить не разрешил. Теперь дома сидит, с утра до вечера чачу пьет. Дато не знает, что делать. Был джигит, а теперь инвалид.

– Нельзя ему говорить, что он инвалид, – рыкнул парень, вспомнив свое прошлое. – Человек он. Понимаешь, Котэ батано. Человек. Не важно, без руки, без ноги. Он прежде всего человек. Так. Иди пока, отдохни с дороги. Я кое-какие дела сделаю, потом поговорим. Только скажи, с чего Дато решил опять гостинцы прислать? Признаться, не ждал я.

– Тоже не знаешь, – понимающе кивнул Котэ. – Сына его мальчишки твои из боя вывели. И его, и коня спасли. Если бы не они, там бы и умер. Он от боли духа лишился, из седла падать начал. А твои мальчишки спасли. Один сзади на коня прыгнул и обратно повез, второй спину им закрыл. Казаки видели. Они и рассказали.

– Вот паршивцы. А мне рассказать забыли, – раздул Елисей ноздри.

– Не ругай их, дорогой, – тут же попросил Котэ. – Знаешь, что они полковнику сказали, когда он их увидел?

– ?..

– Что они своих не бросают. Сколько в бой ушло, столько и вернуться должно. А мертвых и после боя схоронить можно. Мужчины!

В голосе этого сильного, умного человека прозвучало столько восторга, что Елисей только растерянно кивнул, не найдясь с ответом. Оставив гостей отдыхать и мыться, он сбегал в комендатуру и, утряся там все организационные вопросы, помчался на дом к деду Опонасу. Старый казак встретил его уже привычным ворчанием, обихаживая своего любимца, чистокровного осетинского иноходца.

– Дядька Опонас, ты можешь научить человека конем только ногами управлять? – поздоровавшись и переждав ворчание старика, спросил Елисей.

– Это как степняки, что ли? – уточнил старик.

– Да.

– Могу. Наука не сложная. Только тут сразу двоих учить надо. И коня, и всадника, – пожевав губами, высказался казак. – Они тогда друг дружку сердцем чувствовать станут. А тебе такое зачем?

– Помнишь, я рассказывал, что мальчишки мои с княжичем в поход ушли?

– Чего же не помню. Надюсь сам с вами гулял за их возвращение. Так они вроде все целые.

– Они – да. А вот княжич руку левую потерял. Сам знаешь, молодому джигиту без коня и жизнь не в жизнь. Вот я и подумал, может, ты сумеешь его такому научить. Уж прости, но лучшего лошадника я не знаю. Ежели ты не сумеешь, то другого и искать глупо, – подпустил парень лести.

– Ох, лис, – рассмеялся казак. – А где он, княжич твой? Мне на него глянуть надо.

– Так в том и беда, что он руки, лишившись, из дома выходить не хочет, – вздохнул парень. – Горе в вине топить начал.

– Тыфу, дурак, – скривился старик. – А еще княжич. У нас почитай треть казаков такими инвалидами ходили, и ничего. Все одно воевали, коль нужда случалась. Так ты что ж, хочешь, чтобы я к нему, туда, в Тифлис поехал? – сообразил наконец старик.

– А когда казаку дорога в тягость была? – снова подольстился парень.

– А твои башибузуки как же?

– Так теперь выученики твои вернулись, они и присмотрят. Ты пойми, дядька Опонас, я же не для себя прошу. Доброму человеку помочь надобно.

Елисей ожидал, что старик сейчас вспылит, наорет на него или даже за нагайку схватится, но казак задумался, продолжая машинально вычищать коня скребком.

– Ступай домой, Елисей, – вздохнул старик после долгого молчания. – Мне подумать надо. Завтра ответ дам.

Поклонившись, Елисей развернулся и, понимая, что уговаривать теперь бесполезно, отправился домой. Там, отловив вернувшихся ребят, он потребовал от них полного отчета о всплывшей истории. Как оказалось, княжича спасли Мишка и Витька. Именно они сумели в лаве заметить, как начал падать с коня их командир, и успели отреагировать, вывезя его с поля боя. Выслушав рассказ о разговоре с полковником, парень презрительно скривился. За подобный поступок в обычных случаях солдат к награде представляют. А тут даже слова доброго не сказал.

Вспомнив о своем близком знакомстве с полковником контрразведки, Елисей злорадно усмехнулся, мысленно пообещав себе доставить этому столичному гусю несколько не самых приятных минут жизни. Пусть Тимофеев и не вхож в столичные кабинеты, но связи у него имеются серьезные. А уж про Морозова и говорить нечего. Тот запросто может тому полковнику устроить аудит личных доходов.

Котэ, посвежевший и довольный после бани, нашел парня в его кабинете. Присев к столу, грузин с интересом покосился на разложенные листы с эскизами различных механизмов и, огладив бороду, тихо спросил:

– Что скажешь, Елисей? Говорил со стариком?

– Говорил, Котэ батано, – задумчиво кивнул парень. – Да только боюсь, одного его мало будет. Парень сейчас от горя сам себя не помнит. А Опонас тот еще учитель. Или по матушке обложит, или нагайкой вытянет. Сам понимаешь, что после этого будет.

– Ссора, – коротко кивнул Котэ.

– Вот-вот. Так что придется мне самому в Тифлис ехать, – снова вздохнул Елисей. – Но сначала мне надо тут дело наладить. Сам понимаешь, я здесь мальчишек не ремеслу учу. В общем, ежели Опонас согласится, вместе поедem. А ежели нет, сам поеду. Плохо будет, ежели у Дато сын горьким пьяницей станет. Очень плохо.

– Спасибо, дорогой. Только что ты один сделать сможешь? – удивленно спросил мужчина.

– Что-нибудь да смогу, – пожал плечами Елисей. – Двум десяткам мальчишек нахожу, что сказать. С казачьим кругом тоже общий язык нахожу. Даже с контрразведкой и то договориться сумел. Значит, и тут что-нибудь придумаю, – напустил он туману.

Слушая его, Котэ только согласно кивал. Потом, чуть улыбнувшись, хитро прищурился и, понизив голос, негромко сообщил:

– Нино часто тебя вспоминает. Понравилось ей, как ты на гитаре играешь.

– Ой, Котэ батано, не смейся, – усмехнулся Елисей. – Она – князя дочка, а я казак. Одно название, что дворянин. Казакom родился, казакom и помру. Не такой зять Дато нужен.

– Плохо ты Дато знаешь, дорогой, – загадочно усмехнулся Котэ. – Если Нино захочет, он для нее луну с неба достанет. После того, что с мальчиком случилось, он с дочки пыль сдувать готов.

– Вот-вот. Потому и не согласится, – кивнул Елисей.

– Ай, дорогой, не о том ты думаешь, – решительно отмахнулся Котэ. – Ты лучше скажи, когда про учителя знать будешь?

– Обещал завтра ответ дать, – развел Елисей руками.

Женщины позвали их к столу, и разговор увял сам собой.

Утром следующего дня мальчишки начали тренировки по уже обычному расписанию, когда во двор вошел Опонас и, оглядевшись, прямым ходом направился к парню. Его старая, аккуратно заштопанная черкеска была вычищена, а папаху казак надел новую. Эти перемены Елисей отметил про себя сразу, едва фигура старого лошаdnика показалась в воротах.

– Ты скажи, – вместо приветствия начал казак, – тебе тот княжич для дела нужен, или ты выгоду свою блюдешь?

– Нет мне в том деле ни выгоды, ни дела. Отец его, человек добрый, потому и помочь хочу, – ответил Елисей, спокойно выдерживая его испытующий взгляд.

– Угу. Добре. Поедем, – помолчав, коротко кивнул старик. – Только уговор. Ежели со мной там случится чего, ты тело мое сюда хоронить привезешь. Тут всю жизнь прожил, тут и лежать хочу, – жестко выдвинул условия казак.

– Сделаю, дядька Опонас. Слово даю, – решительно кивнул Елисей.

– Загодя скажешь, когда к дороге готовым быть, – буркнул старик, коротко кивнув в ответ.

Проводив его взглядом, Елисей тяжело вздохнул и, почесав в затылке, принялся вспоминать, кто из семьи у Опонаса остался. Как оказалось, кроме сына и двух замужних дочерей, другой родни у него нет. Да и те подались из крепости в места, где жизнь поспокойнее. В крепости старик жил бобылем, предпочитая общество лошадей общению с людьми.

– Что же вы, пни старые, все про костлявую вспоминаете-то? – возмущенно выдохнул Елисей, глядя ему вслед.

Собрав десятников, он принялся ставить им задачи на время своего отсутствия. Услышав, что парень собрался в Тифлис, мальчишки удивленно переглянулись, не понимая, что произошло. Вернувшиеся же из похода парни только понимающе кивнули. Глядя на них, Елисей чуть улыбнулся и, тыча пальцем в каждого, нарезал круг задач. Слушая его, парни кивали, иногда задавая уточняющие вопросы.

Убедившись, что его услышали и поняли, Елисей занялся подготовкой к поездке. На этот раз нужды в транспорте не было. Но требовалось решить вопрос с гостинцами. Вспомнив, что среди его трофеев есть небольшая диадема, Елисей выволок на свет божий сундучок с драгоценностями и зарылся в него с головой. Диадема представляла собой тонкий плетеный обруч с тремя рубинами и россыпью мелких гранатов.

Из нее пришлось вставлять в нее камни. Прежние были извлечены. Что тут было раньше, Елисей и понятия не имел, но ювелир сказал, что это восточная работа и в такое украшение вставлять нужно именно рубины. Так что теперь диадема была словно новенькой. Повертев украшение в руках, Елисей задумчиво хмыкнул и, пожав плечами, проворчал:

– Не понравится, продам к черту.

Князю он решил подарить украшенный серебром и золотой инкрустацией рог. Точнее, это был своеобразный кубок из бычьего рога. Вся разница была в том, что здесь была приделана серебряная ножка, так что тару можно было спокойно поставить на стол. А вот с подарками княжичу парню пришлось попотеть. Наконец, выбрав в своем арсенале лучший револьвер, украшенный все тем же Изей, Елисей успокоился.

Оружие это, хоть и покрытое инкрустацией, было боевым. Прибавив к нему готовые патроны, кобуру и набор для чистки, Елисей упаковал все в кожаный мешок и принялся собираться в дорогу сам.

Спустя еще два дня из ворот крепости вышел караван из трех телег, в сопровождении двух верховых.

* * *

Переход до Тифлиса прошел спокойно. Спустя две недели они въехали на подворье княжеского дома, и Котэ, на правах хозяина, тут же принялся раздавать приказания, заставляя слуг метаться, словно перепуганные мыши. Как выяснилось, самого князя дома не было, так что гостей встречали слуги и княжна Нино. Княжич так и не соизволил выйти из своей комнаты. Котэ, выслушав рассказ девушки о том, как ее брат проводит время, только кивнул и выразительно покосился на казака.

Сообразив, что он хочет сказать, Елисей только кивнул и, отдав все оружие старому казаку, попросил проводить его к пострадавшему. Котэ, удивленно хмыкнув, чуть пожал плечами и повел парня в дом. Без стука распахнув двери, Елисей ввалился в покои княжича и, остановившись посреди комнаты, презрительно скривился:

– Ну и гадюшник. Эй, Ильико, ты живой тут? Хоть бы окно открыл, дышать нечем.

– Ты кто? – послышался в ответ страдальческий голос.

– Елисей. Помнишь такого?

– Какой Елисей? Зачем Елисей? Эй, ты знаешь, куда вломился? Это мой дом.

– Да ладно?! А я уж подумал, в ночлежку для бродяг попал.

– Ты в дом князя Буачидзе пришел, шакал! – горячая кровь наконец сумела затмить похмелье, и из спальни вывалился расхристаный, небритый, едва держащийся на ногах княжич.

– Твое счастье, что Дато твою опухшую рожу не видит, ишак, – не остался в долгу Елисей. – Ты боевой офицер, или сопля на ножках? Позор семьи. Да на тебя смотреть противно. Чего вылупился? Ударить хочешь? Давай, попробуй. Чтобы тебя по стенке размазать, мне даже руки не нужны.

Заведясь, Елисей не сдерживался и орал на молодого офицера так, что в окнах стекла дребезжали. Зарывав от злости, Ильико бросился в драку. Еще не протрезвев окончательно, он неловко взмахнул уцелевшей рукой, и тут же получил жесткий пинок ногой в живот. Отлетев к стене, княжич громко икнул и, зажав рот рукой, быстро завалился на бок. Рвало его долго и мучительно. Кое-как опорожнив желудок, Ильико тяжело перевалился на спину и, проморгавшись, хрипло спросил, утирая рот рукавом:

– Легко с инвалидом справляться?

– А ты не заметил, что я с тобой справился, вообще рук не поднимая? – иронично усмехнулся парень. – Ильико. Ты мужчина или баба беременная? Руку в бою потерял, и что? От этого перестал мужчиной быть? Да у меня мальчишки смелее.

– Подожди, – наконец прорвавшись сквозь алкогольные пары, сообразил княжич. – Ты начальник школы пластунов. Я тебя узнал. Твои мальчишки меня спасли.

– Наконец-то, – усмехнулся парень. – Не прошло и года. Очухался? Тогда на двор пошли.

– Зачем? – тупо уточнил княжич, даже не делая попытки подняться.

– Затем, что мои мальчишки тебя спасали не за тем, чтобы ты в отцовском доме от чачи сдох, – жестко заявил Елисей. – Пошли. Человека из тебя делать будем. Офицера.

– Ай, какой я теперь офицер, – вяло отмахнулся Ильико. – Инвалид. Даже на коня сесть не могу.

– На коня ногами садятся, а не на руках влезают, – фыркнул Елисей.

– У править им как? – не сдавался княжич.

– Ногами. Как степняки.

– Я так не умею. И никто здесь не умеет.

– Есть у меня человек, научит, – усмехнулся парень.

– Где? Там у тебя? В крепости? – пьяно скривился Ильико.

– Нет. Здесь. В этом доме. Я его с собой привез.

– А кто он? Тоже степняк? – заметно оживился молодой человек.

– Казак. Из тех, кто всю жизнь с абреками резался. Не станешь его слушать, он тебя и нагайкой вытянуть может. Никого не боится.

– Я тоже не боюсь, – вдруг заявил Ильико и, закричав, начал подниматься на ноги.

– Знаю. Потому и приехал, – вздохнул Елисей.

Подхватив его за пояс, он вывел княжича на задний двор и, подведя к колодцу, принялся обливать водой. Вздрагивая, крикая и тихо ругаясь, Ильико стоически перенес эту процедуру. Заглянув ему в глаза и убедившись, что княжич окончательно протрезвел, Елисей повел его в дом. Выскочивший на крыльцо Котэ тут же набросил на молодого человека одеяло и, передав с рук на руки слугам, что-то быстро сказал по-грузински. Тяжело вздохнув, он повернулся к парню и, покачивая головой, устало сказал:

– Не знаю, что у тебя дальше получится, но за два месяца я его первый раз трезвым вижу.

– Получится, – покатав желваки на скулах, кивнул Елисей. – Или оживет, или окончательно в канаву скатится. Но ты уж прости, Котэ батано, он шадить я его не стану. Так Дато и скажи. Не может помочь, пусть хоть не мешает.

– Не беспокойся, дорогой. Сам его из дому выгоню, если мешать станет, – понимающе кивнул мужчина.

Княжича накормили горячим хашем, влили в него пару чашек крепкого кофе и усадили в гостиную, укрыв ноги пледом. Осоловевший от горячей пищи, Ильико сонным взглядом наблюдал за суетой слуг, готовивших праздничный стол. По просьбе Елисея, на стол ничего крепче молодого вина не ставили. Котэ следил за этим лично.

Князь Дато вернулся домой под вечер. Едва увидев гостей, он расцвел радушной улыбкой и, крепко обняв Елисея, с ходу спросил:

– Что случилось, дорогой? В чем помощь нужна?

– У меня все, слава богу, князь. А приехал я, потому что весть услышал, что это тебе помощь требуется, – негромко отозвался парень.

– Ты о чем? – насторожился князь.

– Ильико, – коротко пояснил Елисей.

– Вай-ме, – скривился князь, укоризненно покосившись на стоящего рядом Котэ. – Зачем сказал?

– А что делать, Дато? Ты который месяц бьешься, ничего сделать не можешь. А он приехал, а Ильико уже трезвый. Подрались, правда, сначала, но зато толк есть.

– Как подрались? – вскинулся князь.

– Ерунда, – отмахнулся Елисей. – Он на меня кинулся, ну и получил слегка.

– Где он? – засуетился Дато.

– В гостиной сидит, – улыбнулся Котэ, беря его под руку. – Не суетись, Дато. Он уже хаш покушал, кофе выпил, теперь в кресле сидит, отдыхает.

– Что, трезвый? – не поверил князь своим ушам.

– Трезвый, Дато. Трезвый. И вот еще что. Елисей с собой человека привез. Казака, который умеет конем только ногами управлять. Дато, Ильико плакал, что теперь не может на коня сесть. Вот, – он указал рукой на парня, – его человек Ильико научит, как без руки ездить. Что скажешь?

– Не знаю, – растерянно признался князь. – Ты из-за этого приехал? – уточнил он у парня.

– Дато батано, ты меня другом назвал. И какой же друг буду, если к тебе в дом беда пришла, а я в стороне останусь?

– Вай-ме, мальчик! Если у тебя получится, богом клянусь, я для тебя все сделаю, что сам попросишь. Все отдам, – поклялся князь, судорожно вздохнув.

– Не шуми, Дато батоно. Сначала нужно дело сделать, – аккуратно осадил его Елисей. – Пойдем в дом. Ильико там. Пусть на глазах будет.

Увидев трезвого и какого-то умиротворенного сына, князь скупой улыбнулся и поспешил отвернуться, пряча повлажневшие глаза. Елисей сделал вид, что ничего не заметил, и, хлопнув княжича по плечу, нарочито весело спросил:

– Ну что, Ильико, отдохнул? Ужинать пойдем. Слуги уже стол накрыли.

– Я сыт, Елисей, – попытался отказаться молодой человек.

– И что? С нами посидишь. Не хочешь кушать, не кушай. Чай пей. Фрукты ешь.

Сообразив, что он не отстанет, Ильико встал и покорно поплелся в столовую. Князь, глядя ему в спину, только растерянно покачал головой. Елисей же, хрустнув костяшками пальцев, ухватил за рукав первого попавшегося слугу и, отведя его в сторону, попросил принести из своей комнаты кожаный мешок. Когда все расселись, парень развязал горловину мешка и, чуть улыбаясь, принялся одаривать хозяев.

Вышедшая к столу княжна, увидев диадему, тихо ахнула и зарделась маковым цветом. Князь, увидев украшение, только растерянно крикнул и, качнув головой, негромко проворчал:

– Дорогой подарок.

– Красивой девушке красивая вещь, князь, – улыбнулся в ответ парень. – А тебе, Ильико, вот это, – с этими словами он положил на стол кобуру с револьвером. – Второго такого больше нет.

– Зачем мне теперь оружие, – грустно улыбнулся княжич.

– Затем, что ты все еще мужчина. Кто станет дом защищать, ежели враг придет? Отец? Так он в годах уже и один долго не продержится. Это твой крест, княжич. Без руки, без ноги, да хоть без головы, а дом свой ты защищать должен. И ты это знаешь.

– Ох, и упрямый ты, Елисей, – растерянно усмехнулся Ильико.

– Упрямый, – спокойно согласился парень. – Потому и жив до сих пор. Если бы я каждый раз, когда меня ранили, лапки задирали, уже бы давно закопали. Бог тебе силу и волю дал, чтобы жить и дело делать, а не для того, чтобы ты сам себя чачей убивал. Не хочешь больше воевать, не воюй. Отцу в делах помогай.

– Нет, не хочу, а не могу, – начал было княжич, но Елисей жестко оборвал его:

– Нет такого слова. Хочешь сделать, значит, сделаешь. Я тебе старого казака привез. Мастера в джигитовке, каких поискать. Он тебя научит конем без рук управлять. Захочешь научиться, выучишься. Нет, значит, никто тебе не поможет. Тогда, можешь забыть, как меня зовут. Отцу твоему, сестре, всегда помогу. А про тебя и думать забуду. Выбирай, княжич, кто ты. Мужчина или баба перепуганная.

Елисей специально говорил так, чтобы вывести Ильико из равновесия. Заставить взбелениться. Разозлить. Гордо выпрямившись, княжич вперил в парня бешеный взгляд и, окинув стол задумчивым взглядом, негромко приказал стоявшему рядом слуге:

– Сациви положи, и лобио. Вина на глоток налей.

Подняв свой бокал, он сделал глубокий вздох и, взяв себя в руки, тихо произнес:

– Сегодня не буду тебе ничего отвечать. Завтра все сам увидишь, – с этими словами он выпил тот самый глоток вина и набросился на еду. Но перед этим демонстративно перевернул свой бокал ножкой вверх.

Князь со своим родственником только растерянно переглянулись. Елисей, чуть улыбнувшись, одобрительно кивнул и, подняв свой бокал, ответил:

– Твое здоровье, княжич. Я верил, что беда не сломала тебя. Завтра будем о деле говорить.

Ильико, на минуту оторвавшись от еды, окинул его долгим, внимательным взглядом и, улыбнувшись, покрутил головой.

– Я хотел тебя на дуэль вызвать, – признался он.

– Я знаю, Ильико. Но получив вызов, я бы получил право выбора оружия. И поверь, против меня у тебя не было бы ни одного шанса. Не потому, что ты плохой воин. А потому, что ты давно не тренировался. А я оружие из рук не выпускаю. Поверь, брат, я не драться с тобой приехал, а помочь.

– Верю, – тихо вздохнул Ильико. – И спасибо тебе, Елисей. За мальчиков твоих, за помощь, за то, что кровника нашего наказать сумел. За все спасибо.

– Он прав, бичико, – поддержал сына князь. – Мы перед тобой в долгу.

– Нет между нами долгов, Дато батано. Все, что делаю, делается или от души, или вообще не делается, – отмахнулся Елисей. – Я в этой жизни друзей ищу, а не выгоды. Для выгоды у меня другие люди есть.

– Слушаю тебя, бичико, и ушам и глазам своим не верю. Сидит за столом еще мальчик, а говорит умудренный мужчина, – задумчиво проворчал князь. – Как так?

– Умные люди меня учили, батано. Потому и жив по сию пору, – развел парень руками. – Скажи, Дато, у тебя в табуне молодые кони есть? Из тех, которых еще учить не начали?

– Конечно, есть, дорогой. Тебе конь нужен? Только скажи, лучшего приведут, – тут же вскинулся князь.

– Не мне, – качнул Елисей головой. – Ему, – он кивнул на княжича. – Мой человек сказал, что всадника вместе с конем учить надо. Тогда они друг друга сердцем слышать будут. Так что, найдешь такого коня?

– Все будет, Елисей, – решительно кивнул князь. – Что твой человек скажет, все достану. Пусть только поможет.

– Добре, – улыбнулся парень. – Завтра с ним говорить будем. Только сразу тебе скажу, Ильико. Опонас – казак суровый. Чуть что не так, может и нагайкой вытянуть. Так что лучше внимательно слушай, что он говорит, и старательно исполняй. Плохому он не научит, слово даю.

– Я запомню, Елисей, – тепло улыбнувшись, кивнул княжич.

* * *

То, что Опонас был заядлым лошадником, Елисей знал всегда, но того, что старик устроил князю, едва увидев его табун, не ожидал никак. Осмотрев всего пару коней, казак принялся материть табунщиков так, что те едва за кинжалы не схватились. В ответ сам Елисей демонстративно вытащил из кобуры револьвер и взвел курок, мрачно рассматривая табунщиков. Сообразив, что бросаться с заточенным железом на ствол просто экзотический способ самоубийства, мужики насупились и присмирели.

Князь же, внимательно слушая старика, то и дело бросал на них суровые, многообещающие взгляды. Кое-как уgomонившись, Опонас выдал на-гора десяток советов о том, как правильно исправить только одному ему заметный ущерб, и принялся выбирать подросшего жеребенка. На сленге лошадников – стригуна. Чем именно старый казак руководствовался в своем выборе, никто так и не понял, но лошадник, выбрав жеребенка, ловко накинуд ему на шею аркан и, в два счета стреножив, взялся за более тщательный осмотр.

Вздрагивая всем телом, жеребенок пытался шарахнуться или лягнуть казака, но тот, что-то еле слышно нашептывая, умудрился очень быстро успокоить его. Уже через пару минут жеребенок перестал вздрагивать и делать попытки вырваться. Судя по вытянувшимся физиономиям табунщиков, такого им тоже видеть не приходилось. Осмотрев, ошупав и обнюхав жеребенка, Опонас отступил в сторону и, одобрительно кивнув, с довольным видом проворчал:

– Добра лошадь будет, – добра он произнес с ударением на первый слог. – Теперь смотри, князь, чтобы эти криворукие его не загубили. В таком деле только лаской надо. А объезжать его я сам стану.

– Думаешь, мои люди сами его объездить не сумеют? – удивился князь.

– Угу, сумеют-то сумеют, да только в страх его загонят. А тут не страх, тут любовь нужна. Сына сюда вези. Пусть сам за жеребенком ходит. А я помогать стану. А когда время придет, объезжу и ему передам.

– Дато батоно, лучше сделай так, как он говорит. Человека, лучше него лошадей знающего, я еще не видел, – на всякий случай добавил Елисей.

– Хорошо. Будет так, как просишь, – чуть подумав, решительно кивнул князь.

– От и добре, – с довольным видом кивнул Опонас. – И прикажи нам тут шалаш какой поставить. Поначалу тут поживем с сыном твоим.

– Зачем шалаш, уважаемый? – возмутился князь. – Вон там целый дом есть, где все табунщики живут. Там живите. Надо будет, еще один дом поставить прикажу.

– Э, нет, княже, – упрямо мотнул казак головой. – У них свои дела, а у нас свои будут. Да и жеребенок к своему хозяину привыкнуть должен. Да ты не беспокойся. Присмотрю я за обоими. Не впервой.

Князь растерянно оглянулся на парня и, увидев одобрительный кивок, только руками развел. Они вернулись в Тифлис, а из города спустя несколько часов в сторону княжеских выгонов отправился целый караван телег. С тем же караваном отправился и Ильико. Провожая сына задумчивым взглядом, Дато только тяжело вздыхал. Понимая его состояние, Елисей чуть усмехнулся и, подойдя поближе, тихо посоветовал:

– Не рви сердце, Дато батоно. Опонас плохого не сделает. Да и лучше Ильико там будет. Соблазнов меньше, да и слуг там не будет. Придется самому за собой ухаживать.

– Он сын князя, – вскинулся Дато. – Есть вещи, которые ему делать не нужно.

– Это если он дома. А ежели в походе? – тут же нашелся парень. – Хочешь, чтобы сын твой себя здоровым человеком считал, не мешай и не жалеи. Точнее, жалеть можешь, сколько сам хочешь. Только сделай так, чтобы он этого не знал и не видел. Только так его к нормальной жизни вернуть можно.

– Ты говоришь так, словно сам без руки ходил, – помолчав, проворчал князь.

– Я, княже, в казачьей станице родился. А там всякие были. И безрукие, и безногие. И все себя воями считали, – огрызнулся Елисей.

– Не сердись, бичико, – сообразив, что ляпнул что-то не то, повинился князь. – Просто сердце за сына болит. Его не станет, что тогда будет? Кому все оставлю? Род прервется, беда будет.

– Вот потому я и решил помочь тебе, Дато батоно. Казаки ко всему привычные, а Ильико в царском дворце служил. Ему настоящая боль неведома.

Князь снова завелся, чтобы возразить, но сообразив, что парень прав, медленно выпустил набранный в грудь воздух сквозь плотно сжатые губы и, покачивая головой, буркнул:

– Тебе, Елисей, только в политики идти. Любого уговоришь.

– Казак я, княже, – рассмеялся парень. – Казаком родился, казаком и помру. Ты лучше скажи, купца того искать перестал, или шустрят еще люди твои?

– Ищут, – мрачно кивнул князь. – Спрятался где-то, шакал. Когда его в столице арестовали, думал, всё. В тюрьму посадят, своего человека pošлю, он дело сделает. Нет, отпустили. А когда мои люди в его дом пришли, он сбежал уже. Где теперь, не знаю. Ищут.

– Плохо ищут, если он набрался наглости в Пятигорске появиться, – буркнул в ответ Елисей, машинально потерев пострадавший бок.

– Ай, не говори, – взмахнул рукой князь. – Сам, когда узнал, чуть их не пристрелил. Пойдем в дом, бичико. Нино с утра что-то на кухне затеяла. Для тебя старается, – добавил он, лукаво покосившись на парня.

– Добрая хозяйка будет, – вежливо кивнул Елисей.

– Слушай, Елисей, не пойму я. Она тебе что, совсем не нравится, да? – вдруг спросил князь, разворачиваясь к нему всем телом.

– Нравится, – честно признался Елисей, глядя ему в глаза. – Да только ты сам сказал, что хочешь ей жениха знатного и богатого. А я кто?

– Вай-ме, шени деда!¹ – выругался Дато, схватившись за голову. – Это, ра-квия², я ее счастливой видеть хочу, а что сказал, забудь. Дурак был. Мне Котэ прямо сказал, что дурак я. И что нравишься ты ей. Что скажешь?

– А что я могу сказать, Дато батано? – растерялся Елисей от такой прямоты. – Да, она мне сразу понравилась. Потому и подарок ей выбирал такой, чтобы красоту ее показать. Да только Нино – княжна, а я простой казак, получивший дворянское достоинство. Разве ты согласишься за такого ее отдать? Да и из крепости я куда-то уехать не могу. Сам знаешь, там школа у меня, и перевозить ее куда-то нельзя. Мне мальчишек учить надо.

– И все? – терпеливо выслушав его, поинтересовался князь.

– А что еще-то? – не понял Елисей. – Ты отец, тебе ее судьбу решать. Сам знаешь, у меня из родных нет никого. Сиротой остался.

– Ай, бичико, богом клянусь, вот знаю, что умный ты, а сейчас как дурак говоришь, – фыркнул князь и, развернувшись, направился к дому.

– Это что сейчас было? – растерянno проворчал Елисей, почесывая в затылке и глядя ему вслед.

Вздыхнув, он поспешил следом за хозяином дома. Котэ, перехватив его в коридоре, удержал парня за рукав и, нагнувшись к самому уху, еле слышно шепнул:

– Я с Дато говорил. Время не теряй, проси Нино за тебя отдать.

– Говорили уже, – вздохнул Елисей и в нескольких словах пересказал ему их разговор.

– Ага, – выслушав его, весьма содержательно высказался Котэ, задумавшись. – Ладно. Главное ты сказал.

Подтолкнув парня в сторону столовой, он развернулся и бесшумно скрылся за поворотом.

– Или я дурак, или лыжи не едут, – буркнул Елисей, окончательно запутавшись в хитро-сплетениях местных матримониальных планов.

Пройдя в столовую, он застал князя за столом, задумчиво тянущего из бокала вино и уставившегося невидящим взглядом куда-то в противоположную стену. Услышав шаги парня, Дато очнулся от дум и, указав ему ладонью на место рядом с собой, вздохнул:

– Я спросить тебя хочу, бичико. Если купца найдешь сам, что с ним делать станешь? Закону отдашь или сам все сделаешь?

– Сам, – коротко отрезал Елисей. – Если не вспоминать, что он кровник твой, то закону его отдавать бесполезно. У купца денег много. Опять выкрутится. Да и у меня к нему много неприятных вопросов набралось. За рану свою спросить хочу.

– Не боишься, что полиция арестует? – поддел его князь.

– Пусть сначала докажут, что я его вообще видел, – презрительно скривился парень. – Я пластун, Дато батано. И для меня ночью врага прирезать, как воды попить.

Пока они беседовали, слуги принялись накрывать на стол. Нино, лично руководя ими, то и дело бросала на парня быстрые, внимательные взгляды. В ответ Елисей только чуть заметно

¹ Мать твою!

² Как это.

улыбался ей, краем глаза отслеживая реакцию ее отца. Дато, явно сразу заметивший эти переглядки, только отводил глаза и делал вид, что увлечен вином. Котэ, статуей застывший у двери, следил за этой картиной с видом опытного телохранителя.

«Так, или я чего-то не понимаю, или тут чего-то затевается», – буркнул про себя парень, приюхиваясь к поданному блюду.

– Попробуй, бичико. Девочка для тебя старалась, – рассмеялся князь.

– Да я и не сомневаюсь, что вкусно. Из ее рук даже яд медом покажется, – нашелся Елисей, пробуя поданное блюдо.

От его слов девушка чуть покраснела и попыталась спрятаться за Котэ. Тот, обняв ее за плечи, удержал племянницу на месте, что-то тихо прошептал на ухо.

– И правда очень вкусно, – прожевав, кивнул Елисей. – Всегда говорил, что твоя дочка, княже, прекрасная хозяйка.

Ответить князь не успел. Вбежавший в комнату слуга что-то быстро прошептал ему на ухо. Удивленно хмыкнув, Дато покосился на парня и, кивнув, приказал:

– Пригласи. Нино, скажи, пусть еще прибор принесут, – добавил он, выжидающе поглядывая на дверь.

Вошедший в столовую Морозов с улыбкой протянул князю руку, весело произнеся:

– Рад видеть вас в добром здравии, князь. Здравствуй, Елисей.

– Здравствуй, Николай Кузьмич. Проходи, дорогой. К столу садись. Вина выпьем, поговорим спокойно. Или опять торопишься?

– Нет, время еще есть, – улыбнулся Морозов, усаживаясь. – Как сын ваш, князь. Оправился после ранения?

– Слава богу, – вздохнул Дато. – Некоторое время плохо было. Но теперь, кажется, в себя пришел.

– А у тебя, Елисей, как дела? – повернулся чиновник к парню.

– Вашими молитвами, – усмехнулся тот. – Мальчишки мои вернулись, так что теперь хоть малость свободного времени появилось. Вот, решил Дато навестить.

– А я ведь за тобой приехал, Елисей, – прожевав очередную порцию, вздохнул Морозов. – Опять мне знания твои потребовались.

– Что на этот раз? – подобрался парень.

– Все то же, – скривился Морозов. – Пленные твои много интересного поведали. И веревочка от них далеко потянулась.

– Опять тайники искать, – скривился Елисей.

– Не столько тайники, сколько нужно фигурантов тихо повязать. А на такое только ты и твои башибузуки способны. Мои коль кого вязать начнут, так грохоту и пальбы на весь город будет.

– Где работаем? – помолчав, мрачно спросил Елисей.

– Опять в Екатеринодаре. Хотел я твоих ребят сразу с собой забрать из крепости, да они меня и слушать не стали, – развел Морозов руками.

– Так и должно быть. Это, Николай Кузьмич, казаки. Они только Господу Богу и кругу казачьему ответны.

– Угу, а мы время теряем из-за упрямства вашего, – не сдержался Морозов.

– Войско казачье только атаману подчинено, – жестко отрезал Елисей.

– Не злись, – примирительно вздохнул Морозов. – Знаю я все. Да только из-за всей этой субординации у меня руки связаны. Потому и вынужден тебе каждый раз кланяться. И откровенно признаться, такое положение вещей меня крепко раздражает.

– Ну, а я тут при каких делах? – развел Елисей руками. – Уж от меня вы завсегда помощь получаете. А уж, как это у меня получается, дело десятое.

– Тоже верно, – усмехнулся Морозов. – Ты прости меня. Устал я со всей этой беготней. Вроде все уже нашли. И работников, и мастерскую, а все одно дело не закрыть никак. Там, – он ткнул пальцем куда-то в потолок, – от меня требуют главных злодеев найти. А как я их отыщу, ежели у них половина двора на прикорме?

– Так своему начальству и скажите, – пожал Елисей плечами. – Хотят злодеев получить, пусть вам на все действия полный карт-бланш дадут. Тогда и дело будет. А ежели одной рукой погонять, а другой осаживать, толку не будет.

– Примерно так я и сказал, – бледно усмехнулся Морозов.

– И что? – насторожился Елисей.

– А то, что теперь я именем его императорского величества имею право карать и миловать по своему усмотрению. И любой мой приказ заранее им одобрен. Давно такого не было. Ну, да война многое спишет, – снова вздохнул Морозов.

«А ведь ты боишься, – подумал парень, внимательно рассматривая его. – Боишься, что потом тебя точно так же, без суда и следствия, в расход спишут, если ты кого особо важного прихватишь».

* * *

Дюжина всадников на рысях двигалась по горной дороге в сторону Екатеринодара. Елисей уже привык, что все чиновники, с которыми ему приходится иметь дело, перемещаются по предгорьям только в сопровождении серьезной охраны из солдат или казаков. Так что десяток крепких, жилистых рубак его никак не смутил. Ко всему прочему, десяток этот был ему знаком. Встречались в Пятигорске, когда пришлось общаться с атаманом.

Переправившись через очередной ручей, кавалькада прибавила ходу и, вымахнув на взгорок, осадила коней. В распадке, поперек дороги стояла телега, запряженная парой волов, а перед ней остановилась карета, вокруг которой вовсю кипела рукопашная схватка.

– Опять абреки балуют, – хищно оскалился десятник, выхватывая пистолет.

– Значит, пора наказывать, – в тон ему фыркнул Елисей, вскидывая карабин.

– Не дотянешься, – успел высказаться десятник, когда грохнул выстрел и один из бандитов, схватившись за грудь, вывалился из седла.

Привычным движением передернув затвор, Елисей сделал еще один выстрел, и казаки с диким посвистом устремились в атаку. Казачья лава – это страшно. Даже в таком урезанном составе. Когда десяток разгоряченных коней, привычных к бою, несутся на противника, оскалив в скачке крепкие зубы, а их всадники держат на отлете шашки, готовясь с ходу срубить любого противника.

Глядя, как абреки дружно прыснули в сторону от кареты, Елисей толкнул каблуками Буяна и, отведя его в сторону, снова вскинул карабин. Один из бандитов выхватил пистолет и, не успев навести его на несущуюся лаву, рухнул в пыль. Быстро перезарядив винтовку, парень снова взял на прицел бандитов, высматривая любого, кто осмелится взяться за огнестрел. Лезть в рубку он не собирался, но и не поддержать казаков огнем не мог.

Спустя три минуты все было кончено. На дорожное осталось восемь тел, а казаки принялись собирать трофеи. Оглянувшись на Морозова, Елисей чуть усмехнулся и, закидывая карабин за спину, коротко скомандовал:

– Поехали.

Буян легко вынес его к месту схватки, и парень, на ходу спрыгнув с седла, попытался заглянуть в карету. Изрядно помятые мужчины с военной выправкой, в количестве трех человек, заметив его интерес, тут же сбились в кучу перед дверцей, отсекая ему возможность что-то увидеть. Увидев этот маневр, Елисей чуть пожал плечами и, повернувшись к Морозову, уточнил:

– Николай Кузьмич, у нас час времени найдется?

– Зачем? – тут же насторожился чиновник.

– Тела похоронить надо. Не дело так бросать, – пояснил парень, кивая на убитых. – По их обычаю усопшего до заката земле предать нужно.

Казаки, уже успевшие собрать все ценное, только одобрительно закивали.

– Успеете за час-то? – с сомнением протянул Морозов, которому явно не хотелось задерживаться.

– Дело нехитрое, – вместо парня ответил десятник и, не дожидаясь ответа, принялся раздавать приказания.

Казаки моментально распределились и занялись делом. Елисею подвели трех коней, на которых было навьючено все оружие, снятое с их хозяев. Быстро осмотрев трофеи, парень мрачно хмыкнул, негромко проворчав:

– Клячи. Всех продать придется, – и принялся осматривать оружие.

– Тебе так важно, будут бандиты похоронены или нет? – вдруг спросил Морозов, подъехав ближе.

– Врага уважать надо, Николай Кузьмич. Сегодня мы их, завтра они нас. Так и живем, – равнодушно пожал парень плечами.

– Сударь, позвольте спросить, куда вы направляетесь? – слышался вопрос, и к Морозову подошел один из спасенных.

– С кем имею честь, сударь? – повернулся к нему чиновник.

– Охрана графини Львовой, Степан Николаевич Ухтырский, – представился мужчина.

– Что, и сама графиня здесь? – удивился Морозов, взглядываясь в окошко кареты.

– К счастью, нет, сударь. Графиня в Пятигорске осталась. А нам было приказано доставить ее камеристку в Тифлис. По каким делам, даже не спрашивайте, то мне неизвестно. Так куда вы едете, позвольте спросить?

– В Екатеринодар.

– Прекрасно. Позвольте нам сопровождать вас, сударь, – оживился Ухтырский. – Нам требуется и там какие-то дела сделать.

– Так вы в Тифлис ехали или в Екатеринодар? – не понял Морозов, удивленно оглядываясь на карету.

– В Тифлисе мы все дела исполнили. Теперь в Екатеринодар, – смущенно улыбнулся охранник.

Морозов задумчиво оглядел гнедую пару, что была запряжена в карету, и, чуть скривившись, мрачно покосился на Елисея. Понимая, что тому не терпится продолжить путь, парень молча указал чиновнику на телегу с волами и, разведя руками, негромко сообщил:

– Добычу никто не бросит.

– Издеваешься?! – буквально взвился чиновник. – Им не за это платят.

– Платят? – удивился Елисей. – Казаки никогда от государства жалованья не получали. Это не солдаты на довольствии.

– Верно. Погорячился, – смутился Морозов, беря себя в руки. – Но это ведь тогда не езда будет. А времени у нас и так не много.

– С десятником поговорю, – подумав, кивнул парень.

Найдя десятника взглядом, парень быстро отозвал его в сторону и минуты три что-то ему тихо объяснял. Внимательно выслушав все сказанное, казак хмыкнул и, расправив усы, кивнул. Явно нехотя. Вернувшись, Елисей хлопнул Буяна по шее и, обойдя его, негромко сообщил:

– Порядок. А в Пятигорске всю добычу разом продадим. Есть у меня там нужный человек, все сделает.

В ответ Морозов только мрачно скривился, но спорить не стал. Ему и так было ясно, что командовать этим диким воинством он не может. Казаки получили четкий приказ – охранять

столичного чиновника от возможного нападения в пути. А как они это будут делать, только их дело. А то, что ему время дорого, только его, чиновничьи проблемы. От добычи казаки никогда не откажутся. Свои же не поймут. Понимая его недовольство, Елисей чуть улыбнулся и, подойдя еще ближе, тихо добавил:

– Из Пятигорска вы сразу в Екатеринодар езжайте, а я в крепость поскачу. Ребят соберу, и за вами вслед. Так быстрее будет.

– С чего бы? – удивился чиновник.

– Вы моей скачки не выдержите, – пожал парень плечами. – Мой Буян крупной рысью сутки идти может. А ваш жеребец к вечеру встанет. Да и вы к таким переходам не привычны.

Морозов открыл было рот, чтобы возразить, но сообразив, что парень прав, только вздохнул. Крыть было нечем.

– Хорошо, – подумав, сдался он. – Так и сделаем. Только учти, времени мало. Не задерживайся там.

– И не собирался, – кивнул парень. – Как парней соберу, так и поедем. Думаю, пятерых достаточно будет.

– А чего не всех? – тут же вскинулся Морозов.

– Мои только командовать станут. Остальное пусть ваши делают. Так хоть чему-то научатся.

– Так что вы решили, сударь? – вмешался в их разговор Ухтырский. – Мы можем рассчитывать на вашу помощь?

– Хорошо. Езжайте следом, – отмахнулся Морозов, явно пребывая в отвратительном настроении.

Глядя на него, Елисей только понимающе усмехнулся. Чиновнику требовалось срочно дело делать, а тут задержка на задержке, да еще и своих людей катастрофически не хватает. Есть от чего взбеситься. Казаки закончили с делами скорбными и, увязав добытых коней цугом, вскочили в седла. С этого момента скорость движения кавалькады упала до пешеходной. Сам Елисей, покачиваясь в седле, только посмеивался про себя, представив, как все это выглядит со стороны.

Пользуясь возможностью, казаки принялись меняться и передавать друг другу часть добычи. К парню подъехал молодой казак и, оглядев привязанное к седлу одного из коней ружье, спросил:

– Себе оставишь или продашь?

– На продажу все, – презрительно отмахнулся Елисей. – Что животное, что железо, доброго слова не стоят.

– Дозволь ружье глянуть, – спросил разрешения казак.

– Смотри, – кивнул парень.

Сняв с седла оружие, казак ловко проверил казенную часть, заглянул в ствол и, почесав в затылке, поинтересовался:

– И сколько за него спросишь?

– Этому три рубля красная цена, – усмехнулся Елисей, оглянувшись.

– Чего это ты так о нем? – удивился казак. – Вроде целое, и ствол еще не сильно изношен.

– Железо дрянь. Чуть порошу пересыплешь, и вздуется. Послушай доброго совета, не бери. А ежели тебе ружье нужно, дам адрес, где оружейник добрый живет. В Пятигорске сам к нему сходишь да выберешь.

– И во сколько встанет? – оживился казак.

– Ну, это смотря на что глаз положишь, – рассмеялся парень. – Но оружие там доброе, так что меньше чем на пять рублей и не рассчитывай.

– Дорого, – тяжело вздохнул казак. – Мне и на это не хватает, а ты пятерку.

Елисей, не ожидавший такого ответа, удивленно оглянулся на ехавшего неподалеку десятника. Тот, слышавший весь их разговор, только коротко кивнул. Потом, чуть прищипорив коня, догнал Елисея и, нагнувшись к нему с седла, тихо попросил:

– Уступи в цене, Христом богом прошу. Казачок вырос добрый, да один сын в семье. Дальше только семь девок. Отец его в стычке без ноги стался, так что, сам понимаешь, в походы ему не идти. Вот и мается парень без оружия доброго. От отца только шашка, кинжал да пистолет остались. Да конь еще. Я тебе потом сам за него добавлю, чего не хватит. Он не примет. Гордый.

Кивнув, Елисей придержал коня и, сняв с седла повешенное обратно ружье, снова вскочил в седло. Потом, найдя взглядом юношу, жестом позвал его поближе, громко сказав:

– Подъезжай, казак, дело есть.

– Чего? – настороженно уточнил казак, подъехав.

– Держи, – протянул ему ружье Елисей. – За полтину отдаю.

– Посмеяться решил? – тут же насупился молодой человек.

– Нет, – качнул парень чубом. – Я тебе с самого начала сказал, что ружье это слова доброго не стоит. Потому и цена такая. Давай полтину и забирай. Но при случае смени его на что получше. С этим и до беды недалеко.

Десятник, благодарно кивнув парню, забрал у казака ружье и, внимательно осмотрев его, недоуменно хмыкнул. Потом, отдав оружие новому владельцу, подъехал к Елисею и, понизив голос, прямо спросил:

– Что с ним не так? Прохор верно сказал, обычное ружье. Видал я и лучше, но и хуже тоже доводилось не раз в руках держать.

– Ну, в чем его беда, я уже рассказал, – пожал Елисей плечами. – А чтобы понятнее было, вот, сравни, – он снял с плеча карабин и протянул его десятнику.

– Так это у тебя штуцер, – ахнул казак, едва взяв оружие в руки.

– Он самый, – кивнул Елисей. – Да ты на нарезы, ты на сталь смотри.

– Да уж, сталь знатная, – восхищенно цыкнул казак. – Дорого платил?

– Трофеем взял, – усмехнулся Елисей. – Он с длинным стволом был, да только прежний хозяин порошу пересыпал, ствол у конца и треснул. Пришлось обрезать. Но верхом, да в лесу, так даже сподручнее. Оборотистее.

– А затвор такой откуда? – поинтересовался десятник, осторожно поворачивая стемпель затвора.

– Я такой у винтовки Бердана видел. Вот с друзьями и сделали такой же.

– Что, сами? – снова ахнул казак.

– У нас в Пятигорске артель оружейная своя. Винтовки да револьверы делаем. Я парня твоего туда и хотел отправить. Дал бы записку к мастеру, он ему бы и цену меньшую сказал. Да видать, у него с деньгами совсем плохо.

– Семь девок на выданье, – фыркнул десятник.

– Да уж, это как в прорву, – поддержал его Елисей, вспомнив, сколько денег сам тратит на девочек.

– Вот-вот, я и говорю, ему из походов с такими делами не вылезать, чтобы хоть как-то их обусть-одеть, – вздохнул десятник, возвращая штуцер. – А ежели всерьез, дорого у вашей артели оружие встает?

– Говорю же, смотря что брать. Но стволы у нас не хуже этого. Да и делаем мы оружие только вот такое, – он снова потряхнул плечом и, достав револьвер, показал его казаку, – и вот такое. Старые ружья и пистолеты не делаем. Смысла нет. Скоро все такое вот пользоваться станут. Вот и думай, дорого это или в самый раз.

– Тоже верно, – задумчиво кивнул казак.

* * *

До крепости Елисей добрался за сутки. Едва расставшись с Морозовым в Пятигорске, он заскочил в мастерскую к Митричу и, рассказав ему о казачьем десятке, отправился к Изе. Тут тоже все было спокойно. Ювелир с головой ушел в работу, создавая из отданных ему украшений очередные шедевры. Именно так Елисей назвал новый комплект из ожерелья, серег и кольца, которые Изя с потаенной гордостью показал ему.

Восхищенно покачивая головой, парень только молча, развел руками, всем своим видом показывая, что у него слов нет. Польщенный мастер покраснел, словно девица, и, аккуратно убрав новинку, с заговорщицким видом осторожно отпер ящик соседнего стола. Достав из него что-то накрытое черным бархатом, Изя выложил предмет на стол и, приложив палец к губам, еле слышно сказал:

– Ты ничего не знаешь. Это деда стол. Смотри, заказ твой будет, – сообщил он, осторожно откидывая бархат.

Разглядев лежащий на подставке браслет, Елисей невольно ахнул. Такой тонкой, ажурной работы он не видел ни раньше, ни в этой жизни. Тонкие, чуть толще паутинки золотые нити переплетались, превращаясь в великолепное кружево, окружающее три сапфира. Вокруг камней сверкающей россыпью переливались крошечные бриллианты.

– Такую красоту и в руки страшно брать, – просипел Елисей осевшим голосом, не веря собственным глазам. Браслет и вправду был великолепен. Ничего подобного парню видеть еще не приходилось.

– Дед сказал, раз уж выпала удача еще раз красивую вещь сделать, то будет делать так, чтобы никто повторить не смог, – грустно вздохнул гигант. – И ведь делает. Мне такое не собрать. Руки больно грубые.

– Это опыт, приятель. И мастерство, которое только с годами приходит, – помолчав, ответил парень, накрывая подставку бархоткой.

Женщины позвали их к столу, и Елисей, плотно пообедав, отправился дальше. С трофеями он разобрался быстро. Казаки решили продавать все добытое самостоятельно, а он попросту скинул все железо Митричу, а коней попросил продать Изю, так что до крепости он ехал налегке. Во двор своего дома он въехал уже в полной темноте.

Едва успев поздороваться и узнать, как идет обучение, Елисей собрал всю первую команду и, отобрав ребят постарше, в количестве пяти человек, велел им собираться с дороги. Остальные получили указания по дальнейшей подготовке мальчишек и отправились отдыхать. Быстро собрав все необходимое, парни пришли к нему за дальнейшими указаниями. Сидя в своем кабинете, Елисей прикидывал, как лучше объяснить ребятам их дальнейшую задачу, но сообразив, что и сам ничего толком не знает, решил плясать от печки.

Рассказав им, что предстоит операция по быстрому и бесшумному захвату нескольких человек сразу, он убедился, что ребята действительно повзрослели. Не было ни бестолковой бравады, ни щенячьего восторга, ни настороженного испуга. Парни приняли задачу к сведению и, быстро обработав информацию, оставили решение до момента подготовки.

Вообще Елисей сам вдруг понял, что его ученики каким-то образом умудрились перенять его манеру мышления. Процесс восприятия и обработки информации у них шел гораздо быстрее, чем у обычного местного человека. Порадовавшись этому факту, парень поужинал и завалился спать. Утром, с рассветом, шесть всадников покинули крепость и рысью понеслись к городу. То и дело оглядываясь на парней, Елисей улыбался про себя. Теперь это были не мальчишки, а настоящие юные воины.

Переночевав в Пятигорске, они с утра помчались дальше. Морозова с его десятком они нагнали уже к вечеру. Едва рассмотрев его команду, казаки удивленно переглянулись и одоб-

рительно заухмылялись. Парни держались в седлах с небрежностью опытных кавалеристов, а оружие их могло вызвать острый приступ зависти у любого военного.

– Пластуны, значит, – задумчиво протянул десятник. – Слышал я про подвиги ихние. Вроде юнцы, а кровушки хлебнули, не каждому казаку столько выпадет. Теперь ясно, с чего этот, – он кивнул на чиновника, – так за тебя ухватился. По нашим местам такая ватага – сила.

– Ты, дядька, и не представляешь, какая, – усмехнулся Елисей в ответ. – Ты ту стычку с каретой помнишь?

– Еще бы не помнить. Не будь тебя, кой-кого точно бы не досчитался.

– Они все так умеют, – кивнул парень.

– Это выходит, ты их такому учишь? – не унимался десятник.

– Я.

– Добре у тебя выходит. А ежели кто из новых выучеников не потянет ученье твое, тогда как?

– Моих выучеников и в контрразведку, и вон, ему в помощь с руками оторвут, – усмехнулся Елисей, глазами указав на Морозова. – А лучшие в войско казачье пластунами пойдут. Атаман уж спрашивал, когда новый выпуск будет.

– Что, сам? – ахнул десятник.

– Сам, – спокойно кивнул Елисей. – Егор Лукич с самого начала за школу мою ратовал.

– Так ты, выходит, сам с ним знаком? – снова удивился десятник.

– Он меня с ним, – тут Елисей снова указал на чиновника, – и познакомил.

– Ну, парень, у тебя и знакомства. То контрразведка, то князь, то сам атаман, – покрутил десятник головой. – Еще чутка, и сам в дворяне выйдешь.

– Уже, – тихо рассмеялся Елисей.

– Чего уже? – не понял казак.

– Уже вышел. За все дела мои вкупе от канцелярии императорской наследуемое дворянство имею. Осталось титул добыть, и можно жениться.

– Высоко взлетаешь. Как бы падать больно не пришлось, – задумчиво буркнул десятник.

– Вот потому я школу свою в крепости и поставил, – кивнул парень. – И от начальства подальше, и мальчишек учить проще. Горцы сами на мушку то и дело лезут.

– Так ежели от начальства далеко, как тогда титул заслуживать станешь? – тут же поддел его казак.

– По чести сказать, мне что дворянство, что титул, как собаке пятая нога нужны. Правду сказать, без них мне проще было бы. Но раз уж наградили, приходится соответствовать. Я в столицу не рвусь. Нечего мне там делать. Я мальчишек воевать учу. Так воевать, чтобы они, врага уничтожая, сами живыми домой возвращались. И так по станицам родов, что оборвались, не пересчитать, – вздохнул Елисей.

– Это да, – нахмурившись, поддержал его казак.

Их беседу оборвал Морозов. Обернувшись в седле, он окликнул парня и, дождавшись, когда Елисей подъедет, тихо спросил:

– Не мало людей взял? Нам ведь едва не дюжину всяких хитрецов взять надо.

– А вы хотите их всех одновременно арестовать? – не понял парень.

– Желательно в одну ночь. Иначе разбегутся, – вздохнул чиновник.

– А сколько всего фигурантов? – поинтересовался Елисей, обдумывая ситуацию.

– Девять, – еле слышно выдохнул Морозов.

– Все дворяне или разные?

– Разного сословия. А что, это важно?

– Адреса все известны?

– Конечно. За ними уже почитай месяц мои люди ходят.

– Тогда помощь нужна будет. Но не для захвата, – поторопился добавить Елисей, заметив, как возмущенно искажилось лицо чиновника, – а для перевозки. Мы берем, отдаем вашим помощникам и идем дальше. А те уж сами арестованных в острог тянут. Таким раскладом все успеем.

– Они могут быть вооружены. Точнее, точно будут вооружены. А нужны они мне живыми. Все, – тяжело вздохнув, наконец, сообщил Морозов.

– Будут живыми, но не обещаю, что целыми, – зло усмехнулся Елисей.

– Главное, чтоб говорить могли, – отмахнулся Морозов.

– Это запросто, – решительно кивнул Елисей, уже проигрывая про себя всю партитуру.

– Мне бы твою уверенность, – не удержавшись, пожаловался чиновник.

Услышав эти слова, Елисей чуть из седла от удивления не выпал. Человек, подчиняющийся во всей империи только самому императору и своему непосредственному начальству, вдруг беспокоится об исходе предстоящей операции. Туши свет. А самым для парня удивительным был тот факт, что господин Морозов, будучи человеком в высоких чинах, лично мотается по их палестинам, расследуя дело о фальшивом серебре. Чуть подумав, парень так и спросил об этом чиновника.

– Понимаю, – грустно усмехнулся Морозов. – Но есть такая поговорка. Хочешь, чтобы все было сделано правильно, сделай это сам.

– Даже будучи в чине генерал-поручика? – не поверил Елисей.

– Кому много дано, с того и больше спрашивается, – пожал Морозов плечами. – Я ведь крепко обмишурился, когда дочери своей довериться решил. Не думал, что она решит родину и родню кровную на европы променять. Вот теперь и приходится грехи замаливать. Я ведь ее в свет вывел, можно сказать, поручительство за нее давал, а вышло... Ну, да ты и сам знаешь, что вышло.

– Бог ей судья, Николай Кузьмич, – смущенно отозвался парень. – А за дело не переживайте. Повяжем ваших мазуриков, и пикнуть не успеют. Да, нам еще, возможно, карета потребуется.

– А карета-то тебе зачем? – удивился Морозов. – Перевозить их я специальный возок приказал приготовить.

– Не перевозить. Братъ, – качнул парень головой. – Ну да это проще один раз увидеть, чем десяток раз объяснить. – Мазурики-то ваши, небось, по домам не сидят. И в театр, и в рестораны ходят.

– Ходят, – удивленно кивнул чиновник.

– Вот на пути домой нам карета и пригодится.

– Похоже, это и вправду проще один раз увидеть, – проворчал чиновник, удивленно поглядывая на парня.

Через двое суток они въехали в город, и Морозов сразу развил бурную деятельность. Его люди и приданные от полиции и жандармерии силы отчитывались о проделанной работе и сообщали о местонахождении каждого из фигурантов дела. Елисей, слушая их доклады, старательно отмечал места самых частых посещений булавками на карте города, которую попросил принести в кабинет.

С интересом глядя на его камлание, Морозов выслушивал доклады и раздавал указания. В этот процесс парень даже не пытался вмешиваться, тем более что необходимости в этом никакой не было. Постепенно у него начала вырисовываться картина местных служб. И жандармы, и полиция, и даже чиновник казначейства прекрасно умели замечать всяческие нарушения закона и находить виновных. Но чего тут еще толком не было, так это сил специальных операций. То есть силовой структуры, которая бы поддерживала мозги мускулами. Обычно и жандармы и полиция проводили аресты своими силами, а если фигуранты решались оказывать

серьезное сопротивление, просто вызывали солдат или казаков. Своих силовиков в этих службах просто не было. Что называется, не их профиль. Да и в службы эти люди с серьезным образованием шли весьма неохотно. В этом времени хорошее образование подразумевало наличие дворянского достоинства.

А дворянину невместно заниматься отловом всяческого отребья. Их дело служба в армии. Отчего сложилась такая ситуация, Елисей так толком и не понял, но в выводах своих был уверен. Убедившись, что все подчиненные Морозова доложились, он принялся перечитывать отчеты, то и дело делая себе пометки на отдельном листе бумаги. Увидев его за этим занятием, Морозов тут же потребовал ответа, чем он занимается.

– Составляю перечень регулярных маршрутов этих людей, – пояснил парень, не отрываясь от дела.

– И зачем он тебе? – не понял чиновник.

– Зная их манеру передвижения и распорядок дел, мы сможем понять, где удобнее устроить засаду, – продолжал бубнить парень, быстро делая выписки из отчетов.

– Ты хочешь брать их на улице? – насторожился Морозов.

– Не всех. Некоторые предпочитают светскому образу жизни житье затворника. Вот, к примеру, эти двое, – он показал чиновнику короткий список. – Их придется на дому брать.

– И долго ты еще возиться будешь? – мрачно поинтересовался Морозов.

– А что? – насторожился парень.

– Время уходит.

– Послезавтра у нас суббота, и в театре премьеру давать станут. Вот на субботу захват и назначайте, – усмехнулся Елисей, аккуратно сворачивая исписанный листок.

* * *

Празднично одетая публика не спеша расходилась и разъезжалась от здания театра, оживленно обсуждая премьеру нового спектакля. Господин в отлично сшитом фраке небрежным жестом подозвал лихача и, усевшись в пролетку, назвал адрес. Кучер, весело кивнув, тряхнул поводьями, и серая кобыла взяла с места размашистой рысью. Но стоило только пролетке свернуть за угол, как возница натянул вожжи, негромко ругаясь и привстав на облучке так, словно увидел впереди что-то необычное.

Седок, расслабленно попыхивавший модной сигариллой, проявил вялое любопытство, вытягивая голову и пытаясь рассмотреть, что произошло на дороге. Но не успел он и рта раскрыть, чтобы спросить, что случилось, как в пролетку тенью скользнула легкая фигурка, послышался глухой удар, и седок обмяк на сиденье, медленно заваливаясь набок.словно из-под земли у пролетки возникли четверо мужчин. Один из них показал кучеру полицейский жетон и, поднеся к его носу жилистый кулак, тихо прошипел:

– Тебя тут не было, и ты ничего не видел. Все понял?

– Не извольте беспокоиться, ваше благородие, – нехотя кивнул кучер. – Да только я же теперь заработка лишился. А клиент, по всему видать, денежный.

– Не ной, – фыркнул мужчина, и в воздухе сверкнула подброшенная монета.

К пролетке подъехала закрытая карета, и оглушенного седока ловко перекинули в ее нутро. Щелкнул бич, и карета покатила дальше, а молчаливые тени все так же бесшумно растворились в темноте улицы. Кучер, оглядевшись, быстро перекрестился и, тряхнув вожжами, проворчал:

– Да ну вас всех к лешему. То ли полиция лютует, а то ли казаки чего удумали.

Тем временем три молчаливые тени все так же бесшумно перемахнули забор двухэтажного особняка в белом квартале и, сливаясь с кустами, двинулись к дому. Старый кобель, учуяв чужих, завопил в своей будке, глухо звякая цепью. Но вдруг рядом с будкой в пыль что-то

упало, и пес, приняхавшись, выбрался из будки. Старательно изучив упавший предмет, кобель лизнул его и, в два укуса расправившись с угощением, растянулся на земле, положив кудлатую голову на вытянутые лапы.

Тени подобрались к дому, и одна из них, присев у двери, принялась ловко орудовать чем-то в замочной скважине. Еле слышно щелкнул замок, дверь приоткрылась, и тени втянулись в темный коридор. Спустя примерно минут сорок дверь снова распахнулась, и все те же тени вынесли из дома длинный сверток. Старательно прикрыв за собой двери, они проскользнули к калитке и все так же бесшумно растворились в темноте улицы. Послышался топот копыт, стук колес, и снова все стихло.

Моложавый, подтянутый дворянин, аккуратно поддерживая свою спутницу под локоток, подвел ее к фаэтону. Усадив даму в экипаж, он принялся не спеша обходить его с другой стороны, когда рядом с ним из темноты возникла странная фигура в непонятной одежде и резко взмахнула рукой. Глухой шлепок, и дворянин, странно икнув, начал оседать. Его тут же подхватили под руки непонятно откуда возникшие солдаты и, усадив в стоявшую рядом карету, уехали.

Дама в фаэтоне принялась удивленно оглядываться, не видя своего спутника, но в экипаж вдруг уселся мужчина в мундире жандарма и, тихо представившись, назвал кучеру адрес. Совсем не тот, которого ожидала дама. Обыватели города всю эту суету так и не заметили. Все продолжали заниматься своими делами, а в казематах местной тюрьмы вовсю шли допросы.

Елисей и его команда отсыпались после бессонной ночи, когда в дом, где они квартировали под охраной десятка солдат, вошел крепкий, жилистый подпоручик и напрямик направился на второй этаж, где ночевали приезжие.

Осторожно постучав в нужную дверь, он дождался ответа и, войдя в комнату, весело улыбнулся:

– Добрый день, Елисей. Простите, что вынужден прервать ваш отдых, но господин Морозов просит вас срочно прибыть к нему.

– Это в тюрьму, что ли? – угрюмо поинтересовался Елисей, нещадно зевая и почесывая грудь стволom револьвера.

– Ну, зачем же. В кабинет, – усмехнулся подпоручик и, не удержавшись, спросил: – Не боитесь так вольно оружием размахивать? Так и до беды недалеко.

– Не извольте беспокоиться, сударь. Оружие это ручное, и без моего желания не выстрелит, – хмыкнул в ответ парень, нехотя поднимаясь. – У нас есть время, чтобы хоть чашку кофе где-то выпить? А то я спросонок соображаю туго.

– Думаю, его высокопревосходительство решит этот вопрос на месте, – нейтрально отозвался подпоручик. – Он приказал быстро, – намекнул офицер на ускорение процесса одевания.

– Угу. Уже, – фыркнул Елисей и направился в туалетную комнату.

Умывшись, парень спокойно оделся и, проверив оружие, снял с крючка папаху.

– Я готов, – объявил он, поворачиваясь к офицеру.

– Извольте на улицу. Экипаж ждет, – коротко кивнул тот и, не оглядываясь, вышел за дверь.

Сообщив дежурной смене, куда уехал, Елисей вышел на улицу и, усевшись в пролетку, снова зевнул.

– Что, тяжело сутки не спать? – иронично поинтересовался подпоручик.

– Не спать просто. А вот просыпаться, когда разоспишься, трудно, – пожал парень плечами.

Кучер, не дожидаясь команды, тряхнул вожжами и направил экипаж к зданию городской управы. Елисей, еще полусонный, даже не пытался строить какие-то версии о странном

вызове. В данный момент ему больше всего хотелось послать все куда подальше и вернуться обратно в кровать. Спустя десять минут пролетка остановилась у знакомого здания, и подпоручик, выпрыгнув, решительно направился к крыльцу.

Выбравшись из пролетки следом за ним, Елисей не спеша поднялся по ступеням и, войдя в широкий холл, двинулся к лестнице, даже не глянув на сидевшего у входной двери полицейского урядника.

– Э-э, казак, ты куда это? – подскочил тот.

– Господин подпоручик, извольте объяснить уряднику, куда и зачем, – негромко попросил Елисей, не останавливаясь. «Тут зевоту еле сдерживаешь, а еще и говорить с кем-то...» – подумал он, идя дальше.

– А я не его, а тебя спрашиваю, – зарычал урядник, подсакивая и хватая парня за плечо.

В следующую секунду крепкий, дородный мужчина с воплем боли изогнулся самым непотребным образом, пытаясь унять боль в странно вывернутой руке.

– Тебя, служивый, не учили, что казака руками хватать для здоровья вредно? – зашипел Елисей разъяренной коброй. – То не досочки, то косточки хрустят. Сейчас нажму посильнее, и будешь всю жизнь на доктора работать, – продолжал яриться парень, усиливая нажим и ставя полицейского на колени посреди холла.

– Все, все, Елисей, отпустите его, – поспешил вмешаться подпоручик. – Это со мной, – добавил он для урядника.

– А чего сразу-то не сказали? – обиженно спросил тот, держась за пострадавшую руку.

– Так не успел. Ты же его сразу начал руками хватать, – тут же вывернулся подпоручик.

– За такие шуточки, сударь, можно и к барьеру встать, – жестко произнес Елисей и, развернувшись, двинулся дальше.

– Но я и правда не успел, – растерянно проблеял подпоручик и, сорвавшись с места, кинулся догонять его.

Вывавшись вперед, он проводил парня к нужному кабинету и, первым войдя в приемную, доложил о прибытии мужчине лет тридцати пяти, исполнявшем роль секретаря. Но Елисей, едва взглянув на него, с первого взгляда определил в мужчине родственную душу. Не боевик, но судя по внимательному, цепкому взгляду, не новичок в силовых играх.

Вежливо поблагодарив офицера, секретарь отправил его заниматься своими делами, после чего, поднявшись, прошел в кабинет Морозова. Спустя минуту он вышел и жестом указал парню на дверь кабинета. Войдя, Елисей поздоровался и, присев в указанное кресло, вопросительно уставился на чиновника.

– Ты уж прости, что разбудить пришлось, но дело серьезное, – вздохнув, заговорил Морозов. – В городе вы взяли всех. Блестящая работа. Мои олухи до сих пор поверить не могут, что можно вынести человека из собственного дома, никого не разбудив. Но тут выяснилось вдруг, что основное их гнездо не здесь. В пяти верстах от города есть усадьба, где их главный и обосновался. В общем, тебе и твоим парням нужно сделать так, чтобы этот главный оказался у меня в руках. Живой и готовый к разговору. Сумеете?

– Что об усадьбе известно? – чуть подумав, уточнил Елисей.

– Только то, что эти знают, – вздохнул Морозов, кивая на тюрьму.

Угрюмое кирпичное здание с зарешеченными окнами было видно из окна кабинета.

– И что им известно? – поторопил Елисей чиновника.

– Постоянно на подворье обитают семь человек. Навроде прислуги, а на самом деле бывшие каторжники. Все вооружены. Есть еще пять баб, для хозяйственных нужд. По бумагам усадьба эта принадлежит помещику Ипатову. Игрок и мот. А что там на самом деле, будем выяснять, потому как самого Ипатова никто уже полгода не видел. Говорят, уехал, а в усадьбу друзей поселил.

– Ну, думаю, уехал он до ближайшего омута или оврага, – фыркнул Елисей. – А усадьбу в карты проиграл, или во что они там резались. Ну да это не моя головная боль. О главном фигуранте что известно? Описание его хоть какое-то есть?

– Что именно тебя интересует?

– Как выглядит, сколько лет, на что способен в боевом плане? – тут же посыпались вопросы.

– Вот, почитай, – протянул ему Морозов лист бумаги. – Это все, что нам на нынешний момент известно.

– Негусто, – мрачно вздохнул Елисей, быстро пробежав взглядом написанное. – Проводник до нужного места имеется?

– Найдем, – тут же кивнул Морозов.

– Как быстро нужно его взять?

– Сутки, самое большее. Сейчас нам время дорого.

– Уже легче. Хоть осмотреться на месте успеем. А ваши чего? Неужто семерых каторжников скрутить не смогут?

– Каторжники там вместо охраны. Боюсь, пока мои дуболомы с ними перестреливаться будут, главный успеет важные бумаги сжечь, да еще и сам сбежит. Они же эту усадьбу штурмовать начнут, словно редут турецкий. Еще пристрелят нужного человека в горячке, – развел Морозов руками, всем своим видом выражая смущение.

– Тогда вместе с нами два десятка казаков отправляйте. Нужно будет дорогу к усадьбе перекрыть, и каждого, кто в ту сторону едет, сюда отправлять. Остальные саму усадьбу окружают, чтобы никто не ушел. А мы для начала по округе поползаем. Тайные ходы поищем, – принялся выстраивать первые наброски операции Елисей.

– А как брать станете? – спросил Морозов о главном.

– А вот тут пока ничего сказать не могу. Повезет, он сам из дома куда выберется. Тогда в дороге и скрутим. А нет, придется силой. Вам каторжники те нужны? – спросил Елисей, выразительно глядя чиновнику в глаза.

– Да хоть живьем их съешь, – отмахнулся Морозов. – Тупые мокрушники.

– Уже легче, – хищно усмехнулся Елисей. – Этот главный, он хоть наш, или гусь заграничный?

– А в чем разница? – не понял чиновник.

– Наш при захвате или драться до последнего станет, или расплывется, словно квашня. А их запросто может невинным заложником прикрыться и грозить начнет, что убьет его, ежели не отпустят. У них такие шутки в чести.

– Мерзость какая, – скривился Морозов.

– У них главное свою шкуру спасти, – пожал парень плечами.

– Не знаю я, чьих он, – нехотя признался чиновник. – Вот притащишь его сюда и спросишь.

– Я лучше его на месте поспрошаю, – зло улыбнулся Елисей. – Заодно малость спесь собою.

– Ты это, полегче, – попытался осадить его Морозов. – Он мне живой нужен. А то я твои костоломские замашки знаю. Свернешь ему рыло набок, а он мне тут начнет мычать и делать вид, что говорить не может.

– Так и быть, по рылу бить не стану, – рассмеялся парень, поднимаясь. – Вы проводника прямо к дому присылайте и распорядитесь, чтобы меня домой отвезли. Неплохо бы еще перекусить где. Но чтобы там кофе подавали. А то сплю на ходу.

– Подпоручик Васильев тебя отвезет и все организует.

– Это который меня разбудил?

– Он самый. А что?

– Странный он какой-то. Словно обижен, что его за мной прислали, – пожал парень плечами, выходя из кабинета.

* * *

Усадьба, окруженная высоким забором, выглядела словно пряничный домик. Это настолько диссонировало с обычной архитектурой нынешнего времени, что Елисей, увидев эту картинку, тихо присвистнул от удивления. Что-то подобное легко можно увидеть где-нибудь в Голландии или Германии, но не тут. На Руси этого времени строили капитально. Можно сказать, монументально, и в архитектуре присутствовали совершенно иные мотивы.

Подпоручик, сопровождавший парня и являвшийся офицером по улаживанию всяческих скользких вопросов, понимающе усмехнулся и, пожав плечами, проворчал:

– Похоже, хозяин этого домика оригиналом слыл.

– Скорее поклонником всего европейского, – проворчал парень в ответ. – Ладно. Работать надо, – добавил он, опуская бинокль. – Мальчишки, коней оставить и пробежаться вокруг этой красоты. Ищите все, что может быть выходом из потайного хода или похожее на него. Подпоручик, вы с казаками организуете внешнее кольцо оцепления. Никого не впускать и не выпускать.

– Бивак разобьем вон в той рощице, – кивнув, указал подпоручик на ближайшие заросли.

– Нет. Бивак вы поставите вон там, – указал Елисей в другую сторону.

– Это еще почему? – возмутился офицер.

– Потому что засевшие в усадьбе сами бы использовали эту рощу для лагеря и наблюдения, а значит, за ней могут присматривать. А вот там слишком далеко, и смотреть в ту сторону никто не станет, – терпеливо пояснил парень.

– Но если потребуется помощь, то мы можем не успеть, – уперся офицер.

– Если нам потребуется помощь, значит, вы в любом случае не успели, – фыркнул Елисей, и уже спешившиеся мальчишки понимающе усмехнулись. Но усмешки эти больше всего напоминали оскалы.

Казаки забрали коней, и команда пластунов растворилась в придорожном подлеске. Мальчишки отправились осматривать прилегающую к усадьбе территорию, а Елисей, выбрав подходящее дерево, начал готовиться к долгому наблюдению. Раздевшись до исподнего, он достал из вещмешка лохматый комбинезон и, переодевшись, сунул мешок под ближайший куст. Накинув поверх комбинезона ремни португалии, он проверил оружие и взобрался на дерево.

Устроившись поудобнее, он достал из футляра бинокль и навел прибор на двор усадьбы. Через два часа уже знал в лицо всех обитателей усадьбы. Во всяком случае, всех тех, кого Морозов обозначил как каторжников. На самом подворье жизнь текла своим чередом. Возились в пыли куры, лохматый кобель бессовестно дрых, высунув морду из конуры, а где-то на заднем дворе повизгивали свиньи.

– Пастораль, мать вашу, – проворчал парень, тяжело вздыхая. – Ну, и где хозяин всего этого роскошества?

Словно в ответ на его слова, окно на втором этаже дома открылось, и высунувшийся из него мужчина кого-то громко окликнул. Кого именно, Елисей из-за расстояния и легкого ветерка не разобрал. Но один из каторжников, сорвавшись с места, бегом скрылся в доме. Минут через пятнадцать он снова выскочил на крыльцо и, оглядевшись, поспешил куда-то в сторону хозяйственных построек.

В третий раз Елисей увидел его уже верхом. Мужик оседлал крупного мышастого мерина и, ни с кем не переговариваясь, направил его к воротам.

«Да ты никак в поход собрался, – хищно усмехнулся парень. – Ну, надеюсь, подпоручик ушами не хлопает, и очень скоро у нас будет толковый „язык“».

Мужик выехал на дорогу и направил коня к городу. Проводив его взглядом, Елисей снова перевел бинокль на усадьбу. Ворота за уехавшим закрыли, и все вернулось на круги своя.

«Так. А ведь этот посыльный мог и ненадолго уехать. Значит, времени у нас совсем мало».

Под деревом тихо свистнула сойка, и Елисей, убрав бинокль, начал спускаться. Мальчишки, успевшие за это время обнюхать буквально каждый куст в округе, собрались под деревом. Едва оказавшись на земле, Елисей присел на корточки и вопросительно посмотрел на ребят.

– Тайного хода нет. Мы его не нашли, – быстро сообщил Андрей. – Есть только задние ворота. А рядом с ними конюшня. У коновязи два коня под седлом стоят. Подпруги подтяни и езжай. Похоже, это и есть путь их отхода.

– Очень интересно, – задумчиво протянул Елисей. – Выходит, в случае захвата хозяин с одним подручным уходит, а остальные остаются прикрывать их отход. Андрей, держи бинокль и следи за подворьем. Двоих отправь к задним воротам. А я пока до казаков сбегая. Они уже должны были посыльного перехватить. Нужно с ним интимно пообщаться, – хищно усмехнулся он, и мальчишки злорадно заушмылялись.

Что такое допрос в полевых условиях, они знали прекрасно. Но едва только Елисей выпрямился, как ветер донес до него отголосок выстрела. Андрей, уже успевший забраться на дерево, выхватил бинокль и, поднеся его к глазам, пару минут внимательно следил за происходящим на подворье. Потом, плавно опустив бинокль, он посмотрел вниз и, найдя Елисея взглядом, сделал знак, что все спокойно.

– Олухи царя небесного, – выругался парень. – Одного каторжника тихо скрутить не могли.

Сделав Андрею знак продолжать наблюдение, он нырнул в подлесок и помчался в сторону бивака. Спустя сорок минут, вынырнув прямо перед мрачным подпоручиком, парень огляделся и злым шепотом поинтересовался:

– Где посыльный?

– Незадача с ним вышла, – смущенно признался офицер. – Я на дорогу вышел, чтобы, значит, остановить его, а он, паскуда, сразу за пистолет схватился. Вот казаки его и пристрелили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.